

Российский
центр научной
информации

Вестник Российского фонда фундаментальных исследований

Гуманитарные и общественные науки

ISSN 2587-6090 eISSN 2587-8956 № 2 (125) апрель – июнь 2026 года

Основан в 1995 году

Учредитель

Федеральное государственное бюджетное учреждение
«Российский центр научной информации»

Главный редактор В.Я. Панченко,
заместители главного редактора В.В. Квардаков, В.Н. Фридлянов

Редакционная коллегия:

И.Ю. Алексеева, Л.А. Беляева, И.А. Виноградов, Ю.Л. Воротников,
П.Г. Гайдуков, В.П. Гребенюк, А.А. Демидов, Н.Г. Денисов, В.Н. Захаров,
М.В. Иванова, Г.Б. Клейнер, А.А. Малышев, Н.И. Пикуров, Д.А. Рубвальтер,
Н.Л. Селиванова, Д.В. Трубочкин, Д.В. Ушаков, В.А. Хащенко, В.В. Шелохаев

Редакция:

Р.А. Казакова, И.Л. Ровинская

Адрес редакции:

119991, г. Москва, Ленинский пр-т, д. 32а
Тел.: +7 (499) 941-01-15 (доб. 3121)
E-mail: rovir@rcsi.science

Russian Centre
for Science
information

Russian Foundation for Basic Research Journal

Humanities and social sciences

ISSN 2587-6090 eISSN 2587-8956 No 2 (125) April – June 2026

Founded in 1995

The Founder

**Federal State Budgetary Institution
Russian Centre for Science information**

Chief editor V.Ya. Panchenko,
Deputy chief editors V.V. Kvardakov, V.N. Fridlyanov

Editorial board:

I.Yu. Alekseeva, L.A. Belyaeva, I.A. Vinogradov, Yu.L. Vorotnikov,
P.G. Gaidukov, V.P. Grebenyuk, A.A. Demidov, N.G. Denisov, V.N. Zakharov, M.V. Ivanova,
G.B. Kleyner †, A.A. Malyshev, N.I. Pikurov, D.A. Rubvalter, N.L. Selivanova,
D.V. Trubochkin, D.V. Ushakov, V.A. Khashchenko, V.V. Shelokhaev

Editorial staff:

R.A. Kazakova, I.L. Rovinskaya

Editorial office address:

32a, Leninskiy Ave., Moscow, 119991, Russia
Tel.: +7 (499) 941-01-15 (3121)
E-mail: rovir@rcsi.science

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА ТЕМАТИЧЕСКОГО РЕДАКТОРА

<i>О редакторе тематического блока члене-корреспонденте РАН М.Ф. Черныше</i>	9
<i>Черныш М.Ф. Демографическая ситуация в зеркале общественной науки</i>	10

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ТРЕНДЫ

Левашов В.К., Новоженкина О.П. Институты семьи, детства и старших поколений в парадигме устойчивого демографического развития российского общества	13
Архангельский В.Н., Ростовская Т.К. Рождаемость до 25 лет: поколенческие изменения и региональные различия	29
Шаповалова И.С., Благорожева Ж.О. Матримониальные стратегии городской и сельской молодёжи: кто будет улучшать демографию?.....	44
Кучмаева О.В., Васильева Е.Н., Князькова Е.А. Социально-экономическое положение одиноких граждан в России: специфика и демографические тренды	59
Сабгайда Т.П., Зубко А.В., Семёнова В.Г. Эволюция структуры избыточной смертности российских мужчин	71

ДЕМОГРАФИЯ И ЗДОРОВЬЕ НАСЕЛЕНИЯ

Русанова Н.Е. Репродуктивное здоровье семьи как фактор повышения рождаемости	86
Ростовская Т.К., Рочева Я.С. Ресурсный потенциал молодых мужчин с приобретённой инвалидностью: экспертная оценка возможностей его сохранения и развития	102

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В ДЕМОГРАФИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Безвербный В.А. Моделирование оптимальной (достаточной) численности населения регионов России	119
Калачикова О.Н. Эффективность демографической политики России в целях повышения рождаемости населения	132

Чуев С.В., Поляков М.Б., Ситковский А.М.

Цифровая трансформация молодёжной политики в контексте
демографического развития России 141

Вавилова А.С., Багирова А.П.

Включение института бизнеса в решение государственных демографических задач
в дискурсе теорий публичного управления 152

Научно-просветительский проект «Академическая демография» 165

CONTENTS

THEMED ISSUE EDITOR'S COLUMN

<i>About the Editor of the Thematic Section, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences M.F. Chernysh.....</i>	9
<i>Chernysh M.F. The Demographic Situation in the Mirror of Social Science.....</i>	10

DEMOGRAPHIC TRENDS

Levashov V.K., Novozhenina O.P. Institutions of the Family, Childhood, and Older Generations in the Paradigm of Sustainable Demographic Development of Russian Society	13
Arkhangelsky V.N., Rostovskaya T.K. Fertility Before Age 25: Cohort Dynamics and Regional Differentiation	29
Shapovalova I.S., Blagorozheva Zh.O. Matrimonial Strategies of Urban and Rural Youth: Who Will Improve Demography?.....	44
Kuchmaeva O.V., Vasilieva E.N., Knyazkova E.A. Socio-Economic Situation of Single Persons in Russia: Specific Features and Demographic Trends	59
Sabgayda T.P., Zubko A.V., Semyonova V.G. Evolution of the Structure of Excess Mortality among Russian Men	71

DEMOGRAPHY AND POPULATION HEALTH

Rusanova N.E. Family Reproductive Health as a Factor in Increasing Fertility	86
Rostovskaya T.K., Rocheva Ya.S. Resource Potential of Young Men with Acquired Disabilities: An Expert Assessment of Opportunities for Its Preservation and Development	102

SOCIAL POLICY IN THE DEMOGRAPHIC ASPECT

Bezverbny V.A. Modeling the Optimal (Sufficient) Population Size of Russian Regions	119
Kalachikova O.N. Effectiveness of Russia's Demographic Policy in Increasing Fertility	132

Chuev S.V., Polyakov M.B., Sitkovsky A.M.

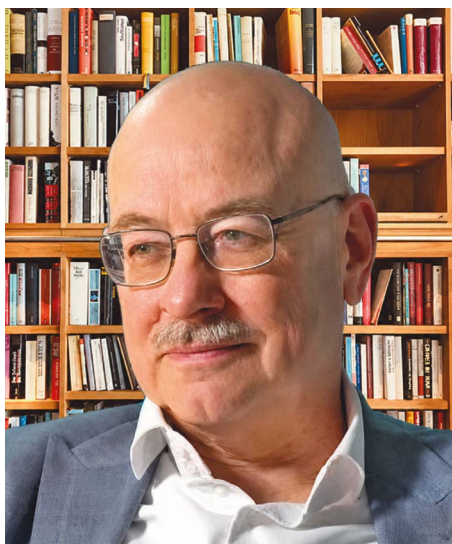
Digital Transformation of Youth Policy in the Context
of Russia's Demographic Development 141

Vavilova A.S., Bagirova A.P.

Incorporating Business Institutions into the Fulfillment of State Demographic Objectives
in the Discourse of Public Administration Theories 152

Scientific and Educational Project "Academic Demography" 165

О редакторе тематического блока
члене-корреспонденте РАН
Михаиле Фёдоровиче Черныше

Михаил Фёдорович Черныш (род. 26 августа 1955 г.) – доктор социологических наук, член-корреспондент РАН, научный руководитель Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ФНИСЦ РАН), директор Института социологии ФНИСЦ РАН, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, декан социологического факультета Государственного академического университета гуманитарных наук.

Научные интересы: социальная структура, социальная стратификация, социальное неравенство, социальная мобильность. Руководитель крупных проектов изучения российского общества, социальной структуры, социальной мобильности, общественного сознания. Разработал концепцию многомерной мобильности, теорию институционального влияния на социальные перемещения в современных обществах, теорию трансформации социальной структуры в обществах социального транзита.

Автор более 180 публикаций, в том числе статей в международных монографиях, российских и зарубежных рецензируемых журналах.

М.Ф. Черныш, член-корреспондент РАН,
научный руководитель ФНИСЦ РАН,
директор Института социологии ФНИСЦ РАН

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В ЗЕРКАЛЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ НАУКИ

В российской общественной науке демографическая проблематика находится в ряду исследовательских приоритетов. Демографические исследования призваны отвечать на серьёзные вопросы, которые ставит перед российским обществом и государством текущая ситуация в области воспроизводства населения. Низкие показатели рождаемости в относительно недалёком будущем, в течение ближайших 20 лет, приведут к росту напряжённости на рынке труда, к нарастающему расхождению между спросом на рабочую силу и её предложением. Сокращающаяся доля молодого населения неминуемо создаст дополнительные напряжения для всей системы социальной защиты, ведь именно работающее население пополняет те фонды, из которых выплачиваются пенсии, за счёт которых поддерживаются, развиваются медицина и образование. Активное работающее население занимает ключевое место в планах пространственного развития, его сокращение приведёт к существенному секвестру этих планов.

Однако было бы неверно рассматривать текущие тенденции только как объективную, не поддающуюся влиянию реальность. Государственная политика, направленная на повышение рождаемости, поддержку семьи и сокращение смертности в трудоспособных возрастах может изменить ситуацию к лучшему. Эта политика может быть эффективной только в том случае, если в её основу будут заложены надёжная информационная

база и результаты глубоких исследований, включающих не только детальное описание текущей ситуации, но и выверенные рекомендации по мерам, способным привести к её улучшению.

Современные демографические исследования тяготеют к мультидисциплинарности, и тому есть серьёзные причины. Сложно, если вообще возможно, понять, что происходит в сфере семейных отношений без обращения к человеческим мотивам, без понимания жизненных приоритетов, которые ставят перед собой люди. Важны и должны быть учтены не только позитивные побуждения, но и страхи, испытываемые человеком перед лицом вызовов, которые ставит перед ним современное общество. Изучение мотивационной сферы относится к предметной области двух наук: социологии и психологии. Но одни только мотивы не могут обеспечить полноценное объяснение демографического поведения, если они не подкрепляются объективными данными, характеризующими состояние обеспеченности домохозяйств, уровень их доходов и расходов, занятость и профессиональные компетенции населения. Эта тематика находится в поле зрения экономической науки, в той её части, которая занимается изучением связи между поведением и показателями благополучия.

Формируя основу для эффективной демографической политики, необходимо также опираться на правоведение, знания о том, какие аспекты существующего за-

конодательства могут иметь и уже имеют влияние на демографические тенденции. И, разумеется, в демографических исследованиях невозможно обойтись без медицины в её констатирующем аспекте, характеризующем состояние здоровья населения, и технологическом измерении, помогающем понять, как современная медицинская наука способствует повышению рождаемости и обеспечению активного долголетия. Таким образом, если суммировать, демографическая тематика создаёт обширную область взаимодействия между разными социальными дисциплинами, что нашло частичное отражение в данном номере журнала.

Настоящий выпуск «Вестника» состоит из трёх основных разделов. В первом из них подробно, в разрезе отдельных социальных групп характеризуются демографические тенденции. В статье В.К. Левашова и О.П. Новожиной в центре внимания находится институциональный аспект демографической ситуации. Применительно к выбранной теме институциональный анализ может иметь два взаимосвязанных аспекта. Во-первых, важно определить сохранность и изменчивость в самом основополагающем институте семьи, в том, как этот институт обеспечивает воспроизводство населения и взаимоотношения между поколениями. В подобном подходе присутствует тематика детства и старших возрастов. Во-вторых, необходимо понять, как упомянутые институты взаимодействуют с другими институтами, включая метаинститут государства и его подсистемы, такие как образование и здравоохранение.

В статье В.Н. Архангельского и Т.К. Ростовской предметом анализа стала рождаемость в возрасте до 25 лет. Возникает закономерный вопрос о том, насколько обоснована граница в 25 лет и что даёт анализ в этой возрастной рамке. По данным исследований возраст рождения первого ребёнка год от года сдвигается в сторону старших возрастов; и этот сдвиг, как показывает практика, серьёзно осложняет

процесс общественного воспроизводства. Чем старше родители, тем меньше вероятность рождения второго и тем более третьего ребёнка, ниже кумулятивный коэффициент рождаемости. Налицо проблема, которую можно охарактеризовать как когортный «отказ от родительства», обусловленный совокупностью жизненных обстоятельств, в которых находятся молодые люди, а также ценностными доминантами современного общества. Проблема, которую ставят авторы, имеет практическую сторону: что может сделать общество для того, чтобы возрастной диапазон, в котором рождается первый ребёнок, оставался широким и включал молодёжные возрасты до 25 лет.

Три другие статьи раздела посвящены факторам, влияющим на демографическую ситуацию: молодёжным ориентациям, одиночеству и сопутствующим ему обстоятельствам, последствиям избыточной смертности мужчин для семей и общества в целом. Их можно расположить во временной последовательности: молодёжные ориентации, акцентирующие карьеру, ставящие потребление выше других жизненных целей, при неблагоприятном развитии ситуации имеют следствием одиночество, которое, как доказывают исследования, ведёт к менее благополучной и более короткой жизни. Комплексный характер демографических проблем указывает на необходимость такого же продуманного, комплексного подхода к их разрешению.

Во втором разделе предметом изучения стало репродуктивное здоровье населения и ограничения, связанные с инвалидностью. Анализ статистической информации свидетельствует о том, что в российском обществе фертильность мужчин и женщин в репродуктивном возрасте год от года ухудшается. Необходимо понять, какие факторы определяют эту негативную тенденцию и что должно быть сделано для снижения их влияния. Много можно сделать в рамках специальных программ, выявляющих заболева-

ния репродуктивной сферы, в особенности в молодёжной группе. Целесообразно расширить сеть клиник, в которых будущие родители могут получать квалифицированную помощь. Однако необходимо учитывать, что, как ни важны эти направления социально-демографической политики, они по большей части имеют дело с последствиями явлений, выходящих за рамки тех задач, которые она ставит перед собой. Предварительные, хотя и вполне надёжные итоги медицинских исследований говорят о том, что ухудшение ситуации связано с экологией, с факторами окружающей среды: широким использованием в сельскохозяйственном производстве агрессивных химических соединений, гормональных добавок, загрязнением окружающей среды отходами промышленного производства. Сказывается и широкое распространение в обиходе приборов и гаджетов, генерирующих электромагнитное излучение, а также влияние социальной среды: стресс, нервное напряжение, а также в немалой степени — неустойчивая позиция в сфере занятости, в которой находится значительная часть населения. Речь идёт о фундаментальных факторах, угрожающих репродуктивному здоровью, и ответ на эти вызовы должен быть тоже всеобъемлющим, подразумевающим приоритет сбережения населения и повышение качества жизни.

В третьем разделе публикуются статьи, посвящённые основам социальной поли-

тики. Она рассматривается как комплекс мероприятий и проектов, направленных на улучшение демографической ситуации, достижение демографического благополучия. Ведущая роль в определении ключевых разделов социальной политики принадлежит государству, но одних только усилий со стороны государства для решения серьёзных демографических проблем недостаточно. Именно поэтому в разделе даётся материал о демографических инициативах, исходящих от бизнеса, предлагаемых крупными, ответственными игроками рынка. Бизнес может и должен вносить свой вклад в улучшение демографической ситуации, но при этом важно, чтобы любые усилия в этом направлении государства и бизнеса имели полноценную поддержку со стороны общества. Общество не должно быть пассивным реципиентом тех мер, которые включены в демографическую политику; оно, представленное общественными организациями и движениями, лидерами общественного мнения, может и должно содействовать её успешной реализации.

Мы надеемся, что публикуемые в данном номере статьи помогут углубить понимание демографических проблем, привлекут к ним внимание специалистов смежных дисциплин, внесут вклад в широкую дискуссию о том, как российское государство и общество должны отвечать на демографические вызовы XXI в.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ТРЕНДЫ

Индекс УДК 316.4

Код ГРНТИ 04.21.51

DOI: 10.22204/2587-8956-2026-125-02-13-28

**В.К. ЛЕВАШОВ,
О.П. НОВОЖЕНИНА***

Институты семьи, детства и старших поколений в парадигме устойчивого демографического развития российского общества

В статье рассматриваются актуальные проблемы устойчивого развития институтов семьи, детства и достойной старости в контексте национальных целей развития Российской Федерации до 2030–2036 гг. Опираясь на стратегические документы, данные ВЦИОМ, ФОМ, мониторинга «Как живёшь, Россия?» (ИСПИ ФНИСЦ РАН, 55-й этап), а также рецензируемые публикации 2022–2026 гг., авторы исследуют, в какой мере реальное состояние названных социальных институтов соответствует декларируемым государством приоритетам. Выявлен устойчивый паттерн: высокая нормативная и ценностная поддержка всех трёх институтов сочетается с выраженными разрывами между государственными приоритетами и фактическими условиями их реализации. Для института семьи такой разрыв определяется зависимостью семейных и репродуктивных стратегий от доступности жилья и устойчивости доходов. В сфере детства фиксируется имущественная и территориальная сегментация доступа граждан к качественной инфраструктуре. Для института достойной старости характерна незрелость системы услуг и долговременного ухода на фоне растущей продолжительности жизни населения. Обосновывается, что накопившиеся сбои и разрывы трансформируются из частных социальных трудностей в риски доверия к институтам и социально-политической устойчивости. Сделан вывод о необходимости синхронизации нормативных приоритетов с ресурсными и инфраструктурными условиями их воплощения.

Ключевые слова: национальные цели развития, Национальный проект «Семья», социальные институты, социально-политическая устойчивость, социальная справедливость, ценностный консенсус, доверие к институтам, нормативные разрывы, зоны социального напряжения, институт семьи, семейная политика, трансформация семейных практик, репродуктивное поведение, инфраструктура детства, имущественная сегментация, региональное неравенство доступа, достойная старость, система долговременного ухода

* **Левашов Виктор Константинович** — доктор социологических наук, директор Института социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра (ИСПИ ФНИСЦ) РАН.

E-mail: levachov@mail.ru

Новожеина Ольга Петровна — старший научный сотрудник ИСПИ ФНИСЦ РАН.

E-mail: olganov@yandex.ru

С конца XX – начала XXI в. социальные институты семьи, детства и достойной старости утверждаются в качестве ключевых приоритетов в стратегических документах устойчивого развития ООН и в парадигме устойчивого социально-экономического и социально-политического развития Российской Федерации [1]. Указ Президента РФ, определяющий национальные цели развития до 2030 г. с целевым горизонтом до 2036 г., фиксирует среди базовых ориентиров сохранение населения, укрепление здоровья и благополучия, поддержку семьи, а также формирование инфраструктуры активного долголетия и достойной старости. В рамках Национального проекта «Семья», объединяющего пять федеральных проектов («Многодетная семья», «Поддержка семьи», «Охрана материнства и детства», «Старшее поколение», «Семейные ценности и инфраструктура культуры»), ведётся комплексная работа по развитию институтов детства, активного долголетия и паллиативной помощи гражданам старших поколений (ил. 1) [2]¹.

Активное институциональное оформление семейной, демографической и возрастной повестки позиционируется как парадигма – совокупность теорий, методов и ценностей, разделяемых учёными, — и выступает как научно обоснованный ответ на взаимосвязанные глобальные и национальные вызовы: демографический кризис, старение населения, трансформации брачно-репродуктивного поведения, имущественную дифференциацию и рост требований к качеству социальной инфраструктуры. В научной литературе

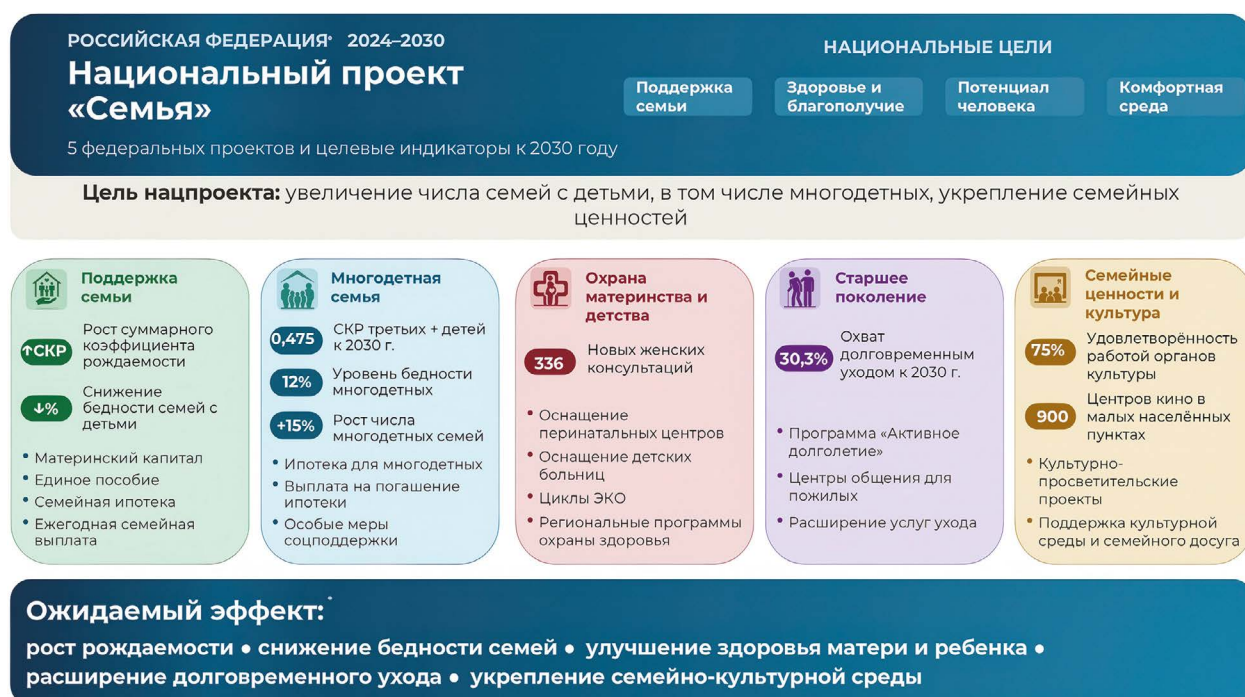
семья репрезентируется как традиционная ценность и морально-нравственная основа государства, детство утверждается как безусловный приоритет, а достойная старость трактуется как индикатор цивилизованности общества. Данные массовых опросов ИСПИ ФНИСЦ РАН, ВЦИОМ и ФОМ 2020-х гг. фиксируют широкую общественную поддержку этих ориентиров: высокое место семьи в иерархии жизненных ценностей, ориентация на традиционные ценности и запрос на усиление мер поддержки семей с детьми и пожилых родителей [3–6]².

Вместе с тем в публичной сфере и в академическом дискурсе накапливаются признаки структурных противоречий и дисфункций институтов семьи, детства и старших поколений. Социологические исследования указывают на трансформацию семейных установок и практик: рост числа разводов, сдвиг сроков вступления в брак и рождения первого ребёнка, увеличение доли неполных домохозяйств, усиление значимости материальных факторов при репродуктивных решениях. Анализ семейной политики и региональных практик подчёркивает существенную дифференциацию условий реализации семейных и родительских ролей и неоднородность доступности социальной поддержки между регионами и социальными группами [2, 4, 5, 7–9].

Инфраструктура детства при сохранении официального курса на «приоритет детства» демонстрирует выраженные различия в доступе к качественным услугам образования, культурным и спортивным практикам в зависимости от региона,

¹ Национальный проект «Семья» // Национальные проекты РФ. URL: <https://национальныепроекты.рф/new-projects/semya/>; Национальный проект «Семья» // Минтруд РФ. URL: https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/nasproekt_semya; Национальный проект «Семья» // Правительство РФ. URL: <http://government.ru/rugovclassifier/915/main/> (дата обращения: 26.05.2026).

² Традиционные ценности в российском обществе // ФОМ. 06.09.2024. URL: <https://fom.ru/TSennosti/15068>; ФОМ: 85% опрошенных россиян привержены традиционным ценностям // Вести.ру. 06.09.2024. URL: <https://www.vesti.ru/article/4130133>; Семья и брак в России XXI века // ВЦИОМ. 12.05.2025. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/semja-i-brak-v-rossii-xxi-veka>; Опрос ВЦИОМ: Для россиян семья — главная ценность // Газета «Правда Севера». 08.07.2025. URL: <https://pravdasevera.ru/2025/07/08/686cc79440eae1cbe064e39.html> (дата обращения: 26.05.2026).

Ил. 1. Национальный проект «Семья»

типа поселения и дохода домохозяйства. Расширение рыночных практик платных кружков и секций создаёт эффект девальвации «многоэтажной инфраструктуры», сегментируя её по имущественному критерию: усиливается стартовое институциональное неравенство и расширяется зона напряжения вокруг представлений о социальной справедливости [2, 5]¹.

Сопоставимую проблемность приобретает инфраструктура активного долголетия и становление системы паллиативного долговременного ухода. Исследования фиксируют существенные функциональные ограничения: дефицит финансирования и кадров, недостаточную системную согласованность медицинских и социальных служб, региональную неоднородность доступности услуг. Резонансные чрезвычайные ситуации в частных пансионатах обнажили риски полутеневого сегмента рынка, в котором возможности

контроля государства и гражданского общества сталкиваются с недостаточными правовыми ресурсами защиты [10, 11].

Стратегический замысел национальных целей в сферах поддержки семьи, инфраструктуры детства и достойной старости опирается на предполагаемое совпадение целей социального государства и гражданского общества. Вместе с тем эмпирические данные фиксируют устойчивые расхождения между заявленными приоритетами и реальными ресурсными и институциональными возможностями их реализации, потенциально выступающие источником рисков для социально-политической устойчивости [4, 5]. В связи с этим исследовательский вопрос формулируется следующим образом: какие наиболее существенные проблемы и противоречия в постановке и реализации указанных национальных целей несут наибольшие риски для партнёрства госу-

¹ Продвижение России по пути устойчивого развития // НИУ ВШЭ. Институт статистических исследований и экономики знаний. 06.05.2025. URL: <https://issek.hse.ru/news/1043155168.html>; Регионы России и цели устойчивого развития ООН // Российская ассоциация содействия ООН. URL: https://una.ru/region_evolution (дата обращения: 26.05.2026).

дарства и гражданского общества и для устойчивости российских социальных и политических институтов?

Цель данной статьи — выявить, каким образом национальные цели Российской Федерации в области поддержки семьи, развития инфраструктуры детства и инфраструктуры социально защищённой старости институционально и содержательно определяют партнёрские отношения между ними, государством и гражданским обществом, а также какие риски и противоречия при этом формируются.

Для достижения цели решались следующие задачи:

1. Проанализировать нормативное закрепление национальных целей по трём направлениям жизнедеятельности социума в государственной стратегии развития.
2. Сопоставить официальную постановку целей с ключевыми запросами и ожиданиями населения на основании данных социологических исследований.
3. Определить разрывы между декларируемыми приоритетами (семья как традиционная ценность, приоритет детства и старшего поколения) и ресурсными либо институциональными возможностями их реализации.
4. Оценить, в каких точках указанные разрывы могут приобретать значение угрозы для доверия к институтам гражданского общества и социально-го государства и в целом к социально-политической устойчивости.

Методы, инструменты и источники исследования

Исследование опирается на анализ научных и нормативных источников, данных массовых опросов и аналитический

обзор рецензируемых научных публикаций 2022–2026 гг., что обеспечивает сопоставление официальной постановки целей и задач с эмпирическими свидетельствами о практиках, ожиданиях и оценках населения, а также с экспертными оценками устойчивости социально-политического функционирования институтов семьи, детства и старших возрастных поколений.

Анализ документов

Первая группа источников включает стратегические и нормативные документы федерального уровня: Указ Президента РФ о национальных целях развития до 2030 г. и на период до 2036 г.; официальные материалы по национальному проекту «Семья»; стратегические документы в сфере семейной и демографической политики, уточняющие роль традиционных семейных ценностей и приоритеты поддержки семей с детьми¹.

Дополнительно рассматривались отраслевые и региональные материалы, отражающие практическую реализацию национальных целей: методические документы по устойчивому сбережению детства и поддержке семьи, региональные программы и отчётность по проектам «Старшее поколение» и развитию системы долговременного ухода. Отбор источников осуществлялся по критерию непосредственной связи с целями в сферах семьи, детства и старших поколений и наличию явной отсылки к системе национальных целей.

Анализ документов проводился путём выделения формулировок целей и целевых индикаторов по трём институциям (семья, детство, старость) и выявления предполагаемых механизмов реализации (инструменты поддержки, инфраструк-

¹ Стратегия действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 15 марта 2025 г. № 615-р. URL: <http://static.government.ru/media/files/r10o4FJgcqMhYx2bGAJRxMNNS2m7p mN4.pdf>; Национальный проект «Семья» // Правительство РФ. URL: <http://government.ru/rugovclassifier/915/main/>; Национальный проект «Семья» // Минтруд РФ. URL: https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/nasproekt_semya; Нацпроект «Семья» // Дом.РФ. URL: <https://спроси.дом.рф/instructions/natsproekt-semya/> (дата обращения: 26.05.2026).

турные решения, формы участия населения) и ожидаемых эффектов для устойчивости соответствующих институтов.

Вторая группа источников — репрезентативные опросы населения ведущих российских социологических центров: ИСПИ ФНИСЦ РАН, ВЦИОМ, ФОМ, а также НАФИ, опубликованные в 2022–2026 гг. в формате отчётов и аналитических обзоров¹.

Вторичный анализ предполагает сопоставление трёх уровней информации: а) декларируемых ценностей и установок (семья, традиционные ценности, представления о «хорошей» семье и «достойной старости»); б) оценок населением конкретных инструментов государственной политики (финансовые меры, доступ к детским учреждениям, качество медико-социальных услуг для пожилых); в) восприятия справедливости и доступности ресурсов (ощущаемое неравенство, барьеры, избирательность помощи). Такой подход позволяет оценить, в какой мере официальная рамка национальных целей соотносится с запросами граждан и где возникают наиболее значимые разрывы.

Третья группа источников — рецензируемые научные публикации в российских журналах по социологии, социальной политике и демографии за 2022–2026 гг., отобранные по ключевым словам: семейная политика, традиционные семейные ценности, трансформация семейных установок, инфраструктура детства, социальное неравенство в доступе к услугам, система долгосрочного ухода, достойная старость.

Обзор научной литературы позволил уточнить эмпирическую картину и задать понятийные рамки анализа: дискуссии о «кризисе института семьи», о моделях

устойчивой семейноцентричной демографической политики, о критериях устойчивости институтов детства и старости.

На заключительном этапе для каждого направления (семья, детство, старость) сопоставлялись официальная постановка целей; эмпирические данные о запросах и оценках населения; выводы научных исследований о тенденциях и структурных ограничениях. На основе сопоставления выделены ключевые «зоны напряжения» — устойчивые разрывы между декларируемыми приоритетами и фактическими практиками — и оценено их потенциальное воздействие на партнёрские отношения государства и гражданского общества, а также на социально-политическую устойчивость.

Предложенный методологический подход позволяет сосредоточить внимание на внутренних резервах воспроизводства и трансформации институтов семьи, детства и старости в современной России, а также на противоречиях, требующих первоочередного внимания при совершенствовании государственной и гражданской политики.

Институт семьи: высокая ценностная поддержка при изменении семейных практик и ограниченности ресурсной базы

Анализ стратегических документов показывает, что институт семьи закреплён как один из центральных объектов нормативной и практической материальной поддержки. Указ о национальных целях развития Российской Федерации включает в число базовых ориентиров сохранение населения, укрепление здоровья и благополучия людей, а также

¹ Традиционные ценности в российском обществе // ФОМ. 06.09.2024. URL: <https://fom.ru/TSennosti/15068>; Семья и брак в России XXI века // ВЦИОМ. 12.05.2025. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/semja-i-brak-v-rossii-xxi-veka>; Опрос ВЦИОМ: Для россиян семья — главная ценность // Газета «Правда Севера». 08.07.2025. URL: <https://pravdasevera.ru/2025/07/08/686cc79440eaf1cbe064e39.html>; Год семьи в России: итоги // ВЦИОМ. 21.01.2025. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/god-semi-v-rossii-itogi> (дата обращения: 26.05.2026).

поддержку семьи¹. Эта композиция целей и усилий получает дальнейшее развитие в национальном проекте «Семья», где в единую конфигурацию социально-демографической стратегии объединяются меры по поддержке семей с детьми, снижению бедности, развитию социальной инфраструктуры и поддержке старшего поколения². Тем самым семья выступает не частной темой демографической политики, а одним из ключевых институтов, через которые государство стремится стимулировать расширенное социальное воспроизводство и укрепить устойчивость общества³.

На уровне общественного сознания эта постановка вопроса опирается на выраженный общественно-ценностный консенсус. По данным ФОМ, 85% россиян считают себя приверженцами традиционных ценностей и прежде всего связывают их с семьёй, домом, детьми, уважением к старшим и родителям⁴. ВЦИОМ в 2025 г. также зафиксировал, что семья остаётся главной традиционной ценностью: 68% респондентов относят крепкую семью к числу базовых ценностей, а 49% прямо называют семью главной традиционной ценностью России⁵. Социологический мониторинг ИСПИ ФНИСЦ РАН «Как живёшь, Россия?» показал, что крепкую семью считали наиболее значимой для обеспечения суверенитета, безопасности и устойчивого развития российского государства и обще-

ства в 2024 г. 51%, в 2025 г. — 45% респондентов [3, с. 59]. В этом смысле можно говорить о высокой нормативной и гражданской легитимности государственной семейноцентричной политики: семейная проблематика не навязывается обществу извне, а встроена органически в устойчивую систему массовых ценностей и представлений о нормальной и желательной социальной жизни.

Вместе с тем данные социологических исследований показывают, что высокая ценностная значимость семьи сочетается с заметной трансформацией самих семейных практик. По данным ВЦИОМ, мотив продолжения рода как причину вступления в брак называли в 2005 г. 39% опрошенных, в 2025 г. — уже 25%⁶; фиксируется ослабление каузальной связи «брак — рождение детей» при усилении символического характера брака как формы личного эмоционального выбора. В научных публикациях 2022–2026 гг. эти изменения описываются как признаки трансформации, а не исчезновения семейного института: исследователи фиксируют рост индивидуализированных стратегий жизненного планирования, откладывание вступления в брак и рождения первого ребёнка, растущую зависимость семейных решений от качества жилья, доходов и доступности социальной поддержки. Государственная риторика о семье как безусловной опоре общества сталкивается

¹ Указ о национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/73986> (дата обращения: 26.05.2026).

² Национальный проект «Семья» // Правительство РФ. URL: <http://government.ru/rugovclassifier/915/main/>; Национальный проект «Семья» // Национальные проекты РФ. URL: <https://национальныепроекты.рф/new-projects/semya/> (дата обращения: 26.05.2026).

³ Заседание Президиума Госсовета по вопросу развития инфраструктуры для жизни // Президент России. 15.04.2025. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/76685>; Заседание Совета по стратегическому развитию и национальным проектам // Президент России. 6.06.2025. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/77115> (дата обращения: 26.05.2026).

⁴ Традиционные ценности в российском обществе // ФОМ. 06.09.2024. URL: <https://fom.ru/TSennosti/15068> (дата обращения: 26.05.2026).

⁵ Традиционные ценности: ожидание и реальность // ВЦИОМ. 08.07.2025. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tradicionnye-cennosti-ozhidanie-i-realnost> (дата обращения: 26.05.2026).

⁶ Семья и брак в России XXI века // ВЦИОМ. 12.05.2025. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/semya-i-brak-v-rossii-xxi-veka> (дата обращения: 26.05.2026).

с вариативной социальной реальностью, в которой традиционные ценностные установки сосуществуют с новыми моделями повседневного поведения [12–14].

Ключевой зоной напряжения в семейной сфере оказывается разрыв между декларируемой социальной ценностью семьи и фактическими ресурсными условиями её устойчивости. По данным ВЦИОМ об итогах Года семьи, граждане прежде всего ожидали продолжения финансовой поддержки семей (27%) и помощи в решении жилищного вопроса (23%). Существенно реже в качестве наиболее значимых назывались информационные и культурно-пропагандистские меры¹. Аналогичным образом в исследовании ВЦИОМ о демографическом поведении собственное жильё и высокий доход рассматриваются россиянами как важнейшие условия для улучшения демографической ситуации². Это позволяет сделать принципиальный вывод: общество поддерживает приоритет семьи, но воспринимает его реалистично — через доступ к жилью, устойчивому доходу и инфраструктуре практически проявляющейся заботы.

Материально-ресурсная чувствительность семейной сферы подтверждается, в частности, результатами мониторинга ИСПИ ФНИСЦ РАН «Как живёшь, Россия?». Согласно данным 55-го этапа мониторинга, в мае 2025 г. 57% респондентов охарактеризовали материальное положение своей семьи как среднее, 19% — как хорошее, тогда как 21% — как плохое или очень плохое [3, с. 92–93]. Параллельно выявляются практики повседневного самоограничения в отдельных сегментах потребления, что позволяет говорить о сохраняющемся напряжении семейного бюджета и о зависимости социальной устойчивости домохозяйств от внешней экономической конъюнктуры (ил. 2) [3, с. 78–79]. Вследствие

этого решения, связанные с созданием семьи, рождением детей и расширением домохозяйства, принимаются в условиях ограниченных, а во многих случаях нестабильных ресурсов.

Показательно сопоставление двух результатов ВЦИОМ за 2025 г. С одной стороны, семья сохраняет статус главной ценности и осмысливается как опора «нормальной» жизни; с другой — мотив продолжения рода как основание для вступления в брак выражено ослаб, а ключевыми предпосылками улучшения демографической ситуации названы наличие собственного жилья и высокий доход. Это свидетельствует не об эрозии института семьи, а о его постепенной перенастройке: символическое признание сохраняется, но практическая устойчивость всё в большей мере определяется ресурсной базой семьи.

Инфраструктура детства: приоритет в нормативной рамке и сегментация возможностей в социальной реальности

Анализ стратегических документов показывает, что инфраструктура детства рассматривается государством как составная часть более широкой практики повышения качества жизни и устойчивого демографического развития. Указ о национальных целях включает капитальный ремонт нуждающихся зданий дошкольных и общеобразовательных организаций, развитие комфортной и безопасной среды для жизни, снижение бедности семей с детьми, а также создание условий для развития потенциала каждого человека. В рамках национального проекта «Семья» этот подход усиливается: поддержка ребёнка связывается не только с образованием и здравоохранением, но и с общей ресурсной устойчивостью семьи, город-

¹ Год семьи в России: итоги // ВЦИОМ. 21.01.2025. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/god-semi-v-rossii-itogi> (дата обращения: 26.05.2026).

² Квартирный ответ на демографический вопрос // ВЦИОМ. 12.08.2025. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/kvartirnyi-otvet-na-demograficheskii-vopros> (дата обращения: 26.05.2026).

Ил. 2. Индекс самоограничения в потреблении. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Как часто за последние двенадцать месяцев Вашей семье приходилось ограничивать себя в следующем?» (РФ, май 2025, N = 1300)

ского пространства и инфраструктуры повседневности, а согласно Указу Президента РФ от 17.05.2023 г. № 358 — с комплексной безопасностью детей¹. В институциональном плане детство тем самым закрепляется как безусловный приоритет социальной политики.

Однако при переходе от нормативного уровня к эмпирическому проявляется выраженная неоднородность реальных условий, в которых дети получают доступ к образованию, досугу и развиваю-

щим возможностям. Между крупными городами и сельскими территориями сохраняются заметные различия по качеству школьной среды, доступности дошкольных учреждений [15], цифровой обеспеченности², спектру культурных и спортивных сервисов. Формально единая инфраструктура детства на практике оказывается пространством неравномерного доступа, где тип поселения и регион заметно влияют на стартовые возможности ребёнка [16]³.

¹ Указ Президента Российской Федерации от 17.05.2023 г. № 358 «О Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года» // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/49230> (дата обращения: 26.05.2026).

² В Академии проанализировали долю школьников, охваченных электронным обучением // РАНХиГС. URL: <https://www.ranepa.ru/news/v-akademii-proanalizirovali-dolyu-shkolnikov-okhvachennykh-elektronnym-obucheniem/> (дата обращения: 26.05.2026).

³ Обеспеченность детей дошкольного возраста местами в организациях, осуществляющих образовательную деятельность по образовательным программам дошкольного образования, присмотр и уход за детьми в Республике Алтай // Росстат. URL: <https://22.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Обеспеченность%20детей%20местами.pdf> (дата обращения: 26.05.2026).

К территориально-пространственной неоднородности добавляется социальная. Даже там, где базовые образовательные и дошкольные учреждения доступны формально, реальные возможности ребёнка всё в большей степени зависят от ресурсов семьи: способности оплачивать кружки, секции, дополнительные образовательные занятия, транспорт, цифровые сервисы и иные формы «надстройки» над базовой инфраструктурой. В результате внешне единая и общедоступная система всё в большей мере сегментируется по имущественному признаку. Такая сегментация не обязательно принимает форму открытой коммерциализации всей системы, но устойчиво воспроизводит различия в объёме и качестве тех возможностей, которые реально получают дети из разных семей.

Имущественная дифференциация в доступе к инфраструктуре детства постепенно трансформируется из частной проблемы отдельных семей в более широкий вопрос социальной справедливости и воспроизводства неравенства. Для семей с ограниченными ресурсами дополнительные образовательные и досуговые услуги – условие успешного будущего ребёнка, а не вопрос комфорта [5].

Восприятие населением результатов семейной и детской политики указывает на ограниченность заметного инфраструктурного эффекта. По данным ВЦИОМ, россияне значительно чаще замечали усиление социальной поддержки, чем реальные улучшения инфраструктуры. Среди изменений назывались прежде всего рост материальной помощи семьям, тогда как открытие новых школ и детских садов, благоустройство и улучшение детской инфраструктуры фиксировались сравнительно редко. Аналогично в перечне мер, которые население хотело бы видеть продолженными, наряду с финансовой поддержкой фигурировали строительство школ и детских

садов, а также бесплатные кружки и секции. Иными словами, в массовом восприятии сфера детства остаётся не до конца обеспеченной теми инфраструктурными ресурсами, которые граждане считают социально необходимыми¹. В результате даже при наличии формально общих институтов образования и воспитания реальная инфраструктура детства воспроизводит социальное различие, чувствительное для восприятия социальной политики как справедливой или несправедливой.

Таким образом, институт детства в российской политике обладает высоким нормативным приоритетом, но в реальной социальной практике остаётся пространством территориальной и имущественной дифференциации. Ключевая зона напряжения связана не с отсутствием государственной заботы, а с тем, насколько формально универсальная инфраструктура эффективна в условиях нарастающей зависимости от финансового ресурса семьи. Результаты ВЦИОМ демонстрируют слабую заметность инфраструктурных изменений и устойчивый запрос на бесплатные кружки, секции, строительство школ и детских садов.

Институциональное признание проблемы старших поколений и дефицит устойчивости культуры заботы, инфраструктуры и паллиативной помощи

Включение старшего поколения в систему национальных целей отражает существенную корректировку представлений о социальной политике. В Указе о национальных целях проблематика старости увязывается с формированием условий для активного долголетия и расширением охвата услугами долговременного ухода – не менее чем до 500 тысяч человек к 2030 г. [2]. В логике национального проекта «Семья» направление «Старшее поколение» закрепляет идею достойной старости как пара-

¹ Год семьи в России: итоги // ВЦИОМ. 21.01.2025. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/god-semi-v-rossii-itogi> (дата обращения: 26.05.2026).

дигму более широкой семейно-социальной политики, выводя старость за пределы пенсионной или исключительно медицинской трактовки в самостоятельную инфраструктурную задачу¹.

Публикации последних лет, посвящённые системе долговременного ухода, позволяют заключить, что в институциональном плане в России действительно складывается новая модель социального сопровождения пожилых людей и инвалидов. Авторы исследований указывают на расширение охвата, на развитие надомных форм поддержки, появление дневных форм помощи, а также на более плотную координацию между социальным обслуживанием и системой здравоохранения. В данном аспекте эмпирические наблюдения скорее свидетельствуют не о стагнации, а о динамике: старость становится объектом более пристального государственного внимания, а долговременный уход — отдельным направлением социальной модернизации [10, 11]².

Вместе с тем те же источники фиксируют выраженные структурно-функциональные ограничения. Наиболее часто упоминаются кадровый дефицит, недостаточность финансирования, высокая зависимость качества ухода от ресурсных возможностей конкретного региона, а также сохраняющийся разрыв между медицинским и социальным сопровождением. Это позволяет говорить о том, что развитие системы происходит при неполной институциональной зрелости: инфраструктура старости расширяется, однако по-прежнему остаётся неоднородной, ограниченной в ресурсном отношении и не воспринимается населением как социально эффек-

тивная и устойчивая. Подчёркнём, что подобная незрелость связана не только с набором услуг, но и с вопросами достоинства, безопасности и базового доверия к институтам заботы.

Специфика российской ситуации заключается также в том, что значительная часть повседневного ухода за пожилыми по-прежнему остаётся возложенной на семью. Даже при расширении государственных сервисов именно домохозяйства остаются ключевыми субъектами повседневной заботы, организации лечения, сопровождения и бытовой поддержки. Тем самым напряжения в сфере старости неразрывно связаны с напряжениями в институте семьи: дефицит формального ухода означает перегрузку семейных ресурсов, особенно в условиях ограниченного дохода, жилищной тесноты и нестабильной занятости. В этом смысле инфраструктура старости оказывается тесно вплетённой в общую систему семейной устойчивости.

Наиболее чувствительной зоной риска выступает частный сегмент ухода, развивающийся на фоне роста потребности в постоянном сопровождении пожилых. При слабом гражданском и государственном контроле именно здесь концентрируются высокие риски. Показателен случай пансионата «Долгожитель» в Видном (декабрь 2025 г.): массовое отравление постояльцев, 54 пострадавших, несколько погибших, деятельность учреждения приостановлена по решению суда на 90 суток из-за нарушений санитарно-эпидемиологических требований. Этот случай важен как симптом институциональной уязвимости: спрос на уход растёт быстрее, чем способность контроля обес-

¹ Национальный проект «Семья» // Правительство РФ. URL: <http://government.ru/rugovclassifier/915/main/>; Национальный проект «Семья» // Национальные проекты РФ. URL: <https://национальныепроекты.рф/new-projects/semya/>; Старшее поколение // Национальные проекты РФ. URL: <https://национальныепроекты.рф/new-projects/semya/starshee-pokolenie/> (дата обращения: 26.05.2026).

² Правительство расширит программу долговременного ухода за пожилыми // Деловой журнал Vademecum. 14.04.2025. URL: <https://vademec.ru/news/2025/04/14/pravitelstvo-rasshirit-programmu-dolgovremennogo-ukhoda-za-pozhilymi/> (дата обращения: 26.05.2026).

печивать безопасность и прозрачность со-ответствующих услуг¹.

Примеры из других регионов подтверждают системный, а не единичный характер проблемы. В Химках (март 2026 г.) после пожара в пансионате возбуждено уголовное дело об оказании услуг, не отвечающих требованиям безопасности; в Санкт-Петербурге (февраль 2026 г.) суд запретил деятельность пансионата «Дом Анастасия» из-за неустранённых нарушений противопожарной безопасности; в Татарстане (2024–2026 гг.) суд вынес приговор организатору пансионата в Щербаково; в Белгороде (январь 2025 г.) суд приостановил работу частного дома престарелых «Забота и уют». Совокупность этих ситуаций выявляет устойчивую проблемную зону на стыке старения населения, роста спроса на уход и недостаточной прозрачности частного сегмента².

На этом фоне инфраструктура старости становится одной из наиболее чувствительных сфер с точки зрения доверия к институтам. Если для семьи основным дефицитом выступают жильё и доход, а для детства — неравномерность доступа к качественным возможностям, то для старости центральной становится тема надёжности ухода и безопасности пожилого человека. Старшее поколение нередко выступает той сферой жизни социума, в которой сбои социальной политики переживаются наиболее болезненно, поскольку они затрагивают не только повседневное удобство или субъективно воспринимаемое качество жизни, но также вопросы физической уязвимости, зависимости от посторон-

ней помощи и сохранения человеческого достоинства.

В государственной политике сделан существенный шаг к институциональному признанию системы долговременного ухода, однако степень сформированности соответствующей инфраструктуры пока не соответствует масштабу общественного запроса. Ключевая зона напряжения складывается на пересечении трёх обстоятельств: роста числа людей, нуждающихся в уходе; перегрузки семей, фактически остающихся основными носителями ежедневной заботы; существования сегментов частного рынка, где дефицит контроля создаёт риски для безопасности. В такой конфигурации вопрос достойной старости выходит за рамки узкоотраслевой политики и приобретает государственное социально-политическое значение.

Общие паттерны устойчивости и напряжения

Сопоставление трёх рассмотренных сфер позволяет зафиксировать общий паттерн. Семья, детство и старость обладают выраженной символической значимостью в стратегических документах и общественном восприятии, однако именно вследствие их моральной и политической нагруженности эти институты особенно чувствительны к разрывам между декларируемыми приоритетами и фактическим распределением ресурсов. В случае семьи разрыв проявляется в обусловленности репродуктивных стратегий жилищными условиями и уровнем доходов; в сфере детства — в сочетании формально универсальной инфраструктуры с реальной

¹ В подмосковном пансионате, где от отравления умерли люди, нашли нарушения // РИА Новости. 11.01.2026. URL: <https://ria.ru/20260111/pansionat-2067193609.html> (дата обращения: 26.05.2026).

² В связи с пожаром в пансионате в Химках возбуждено уголовное дело // Интерфакс. 13.03.2026. URL: <https://www.interfax.ru/moscow/1077789>; Макаров А. Суд запретил работу пансионата для пожилых и инвалидов на юге Петербурга // 78.ru. 25.02.2026. URL: <https://78.ru/news/2026-02-25/sud-zapretil-rabotu-pansionata-dlya-pozhilih-i-invalidov-na-yuge-peterburga>; Шатров Д. «Запретить ухаживать за пенсионерами»: суд вынес приговор хозяйке пансионата в Щербаково // Татар-информ. 20.04.2026. URL: <https://www.tatar-inform.ru/news/zapretit-uxazivat-za-pensionerami-sud-vynes-prigovor-hozyaike-pansionata-v-shherbakovo-6024575>; Суд приостановил работу частного дома престарелых в Белгороде // Бел.ру. 30.01.2025. URL: <https://bel.ru/news/2025-01-30/sud-priostanovil-rabotu-chastnogo-doma-prestarelyh-v-belgorode-5311602> (дата обращения: 26.05.2026).

территориальной и имущественной сегментацией; в отношении старости – в несоответствии между растущей потребностью в достойном уходе и недостаточно сформировавшейся системой долговременного сопровождения. Нормативное признание трёх ключевых институтов опережает степень их фактического инфраструктурного обеспечения.

Другой сквозной вывод: частные трудности в указанных сферах сравнительно быстро приобретают демографический и политический смысл. Проблемы семьи, ребёнка или пожилого родственника становятся основанием для оценки справедливости социальной политики и надёжности государства. Поэтому выявленные зоны напряжения обладают не только социальным, но и социально-политическим значением: они затрагивают доверие граждан к системе и готовность воспринимать её как справедливую и ориентированную на защиту базовых жизненных интересов.

Выводы и заключение

Проведённый анализ показывает, что институты семьи, детства и достойной старости в современной России занимают центральное место в системе национальных целей и в общественном ценностном сознании. Семья сохраняет статус ключевой традиционной ценности, детство закреплено как безусловный приоритет, а достойная старость оформляется как самостоятельное направление государственной социальной политики.

Вместе с тем именно высокая символическая значимость этих сфер делает особенно заметными разрывы между декларируемыми целями и повседневной социальной реальностью. В семейной сфере таким разрывом становится зависимость брачных и репродуктивных стратегий от материального положения и жилищных условий, в детской – неравномерность доступа к качественной инфраструктуре и усиление имущественной дифференциации возможностей, в сфере

старости – несоответствие между растущим спросом на надёжный уход и пока недостаточно зрелой инфраструктурой долговременного сопровождения. Устойчивость институтов семьи, детства и достойной старости в современной России и её регионах определяется не только их высоким символическим статусом, но и тем, в какой мере государство и общество способны сокращать наиболее чувствительные разрывы между задаваемой государством нормативной рамкой и практикой реализации семейной политики. Там, где такие разрывы сохраняются, формируются наиболее значимые зоны напряжения – прежде всего в вопросах семейной ресурсной устойчивости, равенства детских возможностей и надёжности ухода за пожилыми. Именно эти зоны и образуют ядро тех рисков, которые в наибольшей степени затрагивают устойчивость социальных институтов и – шире – устойчивость общественного порядка. В тех точках, где общество ожидает от государства и гражданских институтов наиболее зримой и справедливой поддержки, несоответствие между ожиданиями и опытом способно снижать доверие и усиливать ощущение социальной несправедливости.

Выявленные особенности функционирования институтов семьи, детства и старости обладают общим парадигмальным ядром: национальные цели и общественные ожидания в этих сферах в целом совпадают, однако ресурсные, инфраструктурные и организационные ограничения порождают устойчивые разрывы между декларациями и повседневной практикой, формируя зоны социального напряжения, влияющие на доверие к институтам и восприятие социальной справедливости (табл.).

Как видно из представленной таблицы, в центре проблемы эффективного социально-политического взаимодействия институтов семьи, детства и старших поколений находится не отсутствие общественной поддержки, а разрыв меж-

Таблица

**Механизм формирования зон напряжения вокруг институтов семьи,
детства и старости**

Инсти- тут	Национальные цели и приоритеты	Ожидания общества	Ограничения реализации	Зоны напряжения	Риски для доверия и устойчивости
Семья	Поддержка семьи, снижение бедности семей с детьми, стимулирование рождаемости включены в национальные цели и нацпроект «Семья».	Семья – главная жизненная и традиционная ценность для большинства россиян.	Ограниченные доходы, жилищные проблемы, необходимость самоограничения в потреблении; семейные решения зависят от ресурса домохозяйства.	Ценностное признание семьи как нормы не всегда подкреплено устойчивой ресурсной возможностью жить «по-семейному», создавать и расширять семью, рожать желаемое число детей.	Разочарование в эффективности семейной политики, рост чувства несправедливости, если декларации поддержки семьи не ведут к реальному улучшению условий семейной жизни.
Детство	Приоритет детства, развитие инфраструктуры образования, досуга и безопасной среды закреплены в национальных целях и нацпроекте «Семья».	Ожидание равных стартовых возможностей для детей, доступности качественного образования, кружков и секций вне зависимости от места жительства и дохода семьи.	Региональная и имущественная неоднородность инфраструктуры; различия в качестве школ и детских садов; зависимость доступа к дополнительному образованию и досугу от дохода семьи.	Формально универсальная инфраструктура детства на практике сегментируется по территориальному признаку; население слабее замечает инфраструктурные улучшения по сравнению с мерами прямой поддержки.	Усиление ощущения несправедливости и неравенства стартовых возможностей детей, что подрывает доверие к социальной политике как к механизму обеспечения равных шансов.
Старость	Увеличение продолжительности жизни и расширение охвата услугами долговременного ухода закреплены в национальных целях и в направлении «Старшее поколение» нацпроекта «Семья».	Ожидание достойной, безопасной старости и надёжного ухода за пожилыми родителями, который не разрушает ресурс семьи.	Неполная зрелость системы долговременного ухода, кадровый и финансовый дефицит, региональная неоднородность; наличие частного сегмента ухода с неодинаковым уровнем контроля.	Признание старости приоритетом не всегда сопровождается гарантией безопасного и качественного ухода; отдельные ЧП в частных пансионатах обнажают уязвимость контроля и регулирования.	Рост тревожности и недоверия к институтам заботы, усиление нагрузки на семьи, риск восприятия старости как зоны повышенной социальной незащищённости.

ду высокой ценностной легитимностью этих форм жизнедеятельности и неравномерностью их ресурсного и инфраструктурного обеспечения. Важно интерпретировать сложившуюся ситуацию как парадигмальную особенность текущего этапа российской социальной трансформации, а не как демографический тупик.

Устойчивое развитие института семьи и брака как союза мужчины и женщины на основе сохранения традиционных ценностей многонационального русского народа, возрождение многопоколенной многодетной семьи в новых условиях становятся стратегической целью демографического развития страны,

важнейшим условием социально-политической устойчивости российского общества. Для её достижения потребуются проявление политической воли и интеллекта российского государства, объединённых с интересами и инициативами гражданского общества. В этом контексте партнёрство государства и гражданского общества приобретает принципиальное стратегическое значение: оно должно выступать не декоративным сопровождением государственной политики, а реальным механизмом раннего выявления зон напряжения и совместно-результативно убедительного ответа на них граждан и государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Новая парадигма развития России в XXI веке: Комплексные исследования проблем устойчивого развития: идеи и результаты / Л.И. Абалкин, В.В. Аксёнов, Ю.П. Алтухов и др. 2-е изд.: Academia, 2000. EDN CGKUSE.
2. Национальные цели развития России и ключевые индикаторы устойчивости / С.Н. Бобылёв, А.В. Барабошкина, А.А. Курдин и др. // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2025. Т. 60. № 1. С. 40–59. DOI: 10.55959/MSU0130-0105-6-60-1-3. EDN TBGQTA.
3. Как живёшь, Россия? Экспресс-информация. 55-й этап всероссийского социологического мониторинга, май 2025 года / В.К. Левашов, Н.М. Великая, И.С. Шушпанова и др. М.: ФНИСЦ РАН, 2025. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-441-3.2025. EDN ERLAQU.
4. Летова Н.В. Семейная политика как основа сохранения и обеспечения ценностей в Российской Федерации // Социально-политические науки. 2024. Т. 14. № 1. С. 58–66. DOI: 10.33693/2223-0092-2024-14-1-58-66. EDN CJJRXU.
5. Валиахметов Р.М. Семейная политика и социальные практики в регионах России // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 4. С. 61–64. EDN SDYNXD.
6. Летова Н.В. Традиционные семейные ценности: морально-нравственная основа государства // Пробелы в российском законодательстве. 2024. Т. 17. № 1. С. 53–60. DOI: 10.33693/2072-3164-2024-17-1-053-060. EDN OABAKP.
7. Розенова М.И. Семантические особенности и зоны психологического напряжения в образе семьи у российских школьников, студентов и молодёжи с высшим образованием // Вестник практической психологии образования. 2025. Т. 22. № 3–2. С. 119–141. DOI: 10.17759/bppe.2025220308. EDN XHUGTS.
8. Ростовская Т.К., Кучмаева О.В., Золотарёва О.А. Студенческая семья в России: детерминанты вступления в брак // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2023. Т. 23. № 1. С. 40–60. DOI: 10.22363/2313-2272-2023-23-1-40-60. EDN JVTJVQ.
9. Государственная поддержка семей с детьми в Российской Федерации. Национальные проекты «Демография» и «Семья» / Под общ. ред. Н.А. Останиной. М.: Издание Государственной Думы, 2025.
10. Сергеева А.В., Максимова М.Н. Специфика системы долговременного ухода за гражданами пожилого возраста и инвалидами // Международный научно-исследовательский журнал. 2025. № 10 (160). DOI: 10.60797/IRJ.2025.160.62. EDN CBOSVJ.
11. Сафонов А.Л., Тимонин И.И., Шеожев Х.В. Оценка реализации системы долговременного ухода и её бюджетирования в Российской Федерации // Креативная экономика. 2024. Т. 18. № 7. С. 1801–1816. DOI: 10.18334/ce.18.7.121179. EDN JPXJPY.
12. Безрукова О.Н., Самойлова В.А. Семейные ценности и благополучие подростков в полных и разведённых российских семьях: исследование в малом городе и мегаполисе // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2025. Т. 25. № 4. С. 669–688. DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-4-669-688. EDN KNYXNS.
13. Артамонова А.В. Траектории формирования российской семьи: изменения и факторы, их определяющие // Социологический журнал. 2018. Т. 24. № 2. С. 110–134. DOI: 10.19181/socjour.2018.24.2.5847. EDN USNGRK.
14. Козловский В.В., Панкратова Л.С., Светлов Р.В. Ценности семьи в представлениях студентов российских вузов // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2025. Т. 25. № 4. С. 649–668. DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-4-649-668. EDN KTOOYV.
15. Скоков И.С., Колганова Н.Ю., Мусин Э.Р. Доступность дошкольных образовательных учреждений в России: социально-экономические детерминанты и связь с демографической ситуацией // Креативная экономика. 2025. Т. 19. № 12. С. 3445–3464. DOI: 10.18334/ce.19.12.124261. EDN PDXNLZ.
16. Тонких Н.В., Бурдасова Д.А., Бегичева С.В. Региональная дифференциация обеспеченности населения России детскими дошкольными учреждениями // Вестник евразийской науки. 2024. Т. 16. № 4. Статья 11. EDN JBZNGW.

Institutions of the Family, Childhood, and Older Generations in the Paradigm of Sustainable Demographic Development of Russian Society

Levashov Viktor Konstantinovich — Doctor of Sociological Sciences, Director of the Institute of Socio-Political Research, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (ISPR FCTAS RAS).

E-mail: levachov@mail.ru

Novozhenina Olga Petrovna — Senior Research Fellow, ISPR FCTAS RAS.

E-mail: olganov@yandex.ru.

The article examines current issues in the sustainable development of the institutions of the family, childhood, and dignified old age in the context of the national development goals of the Russian Federation for 2030-2036. Drawing on strategic documents, data from VCIOM and FOM, the monitoring study "How Are You Living, Russia?" (ISPR FCTAS RAS, 55th wave), and peer-reviewed publications from 2022-2026, the authors assess the extent to which the actual state of these social institutions corresponds to the priorities declared by the state. A stable pattern is identified: strong normative and value-based support for all three institutions coexists with pronounced gaps between state priorities and the actual conditions for their implementation. In the case of the family institution, this gap is determined by the dependence of family and reproductive strategies on housing affordability and income stability. In the sphere of childhood, property-based and territorial segmentation of citizens' access to high-quality infrastructure is observed. The institution of dignified old age is characterized by the immaturity of service and long-term care systems against the background of increasing life expectancy. The article substantiates that accumulated failures and gaps are transformed from private social difficulties into risks to institutional trust and socio-political stability. The authors conclude that normative priorities must be synchronized with the resource and infrastructure conditions required for their implementation.

Keywords: national development goals, National Project "Family", social institutions, socio-political stability, social justice, value consensus, trust in institutions, normative gaps, zones of social tension, family institution, family policy, transformation of family practices, reproductive behavior, childhood infrastructure, property-based segmentation, regional inequality of access, dignified old age, long-term care system

REFERENCES

1. Novaya paradigma razvitiya Rossii v XXI veke: Kompleksnye issledovaniya problem ustoichivogo razvitiya: idei i rezul'taty / L.I. Abalkin, V.V. Aksyonov, Yu.P. Altukhov i dr. 2-e izd.: Academia, 2000. EDN CGKUSF (in Russian).
2. Natsional'nye tseli razvitiya Rossii i klyuchevye indikatory ustoichivosti / S.N. Bobilyov, A.V. Baraboshkina, A.A. Kurdin i dr. // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6: Ekonomika. 2025. T. 60. № 1. S. 40–59. DOI: 10.55959/MSU0130-0105-6-60-1-3. EDN TBGQTA (in Russian).
3. Kak zhivyosh', Rossiya? Ekspress-informatsiya. 55-i etap vserossiiskogo sotsiologicheskogo monitoringa, mai 2025 goda / V.K. Levashov, N.M. Velikaya, I.S. Shushpanova i dr. M.: FNISTS RAN, 2025. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-441-3.2025. EDN ERLAQU (in Russian).
4. Letova N.V. Semeinaya politika kak osnova sokhraneniya i obespecheniya tsennostei v Rossiiskoi Federatsii // Sotsial'no-politicheskie nauki. 2024. T. 14. № 1. С. 58–66. DOI: 10.33693/2223-0092-2024-14-1-58-66. EDN CJRXU (in Russian).

5. Valiakhmetov R.M. Semeinaya politika i sotsial'nye praktiki v regionakh Rossii // Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. 2014. № 4. S. 61–64. EDN SDYNXD (in Russian).
6. Letova N.V. Traditsionnye semeinye tsennosti: moral'no-nravstvennaya osnova gosudarstva // Probely v rossiiskom zakonodatel'stve. 2024. T. 17. № 1. S. 53–60. DOI: 10.33693/2072-3164-2024-17-1-053-060. EDN OABAKP (in Russian).
7. Rozenova M.I. Semanticheskie osobennosti i zony psikhologicheskogo napryazheniya v obraze sem'i u rossiiskikh shkol'nikov, studentov i molodyozhi s vysshim obrazovaniem // Vestnik prakticheskoi psikhologii obrazovaniya. 2025. T. 22. № 3–2. S. 119–141. DOI: 10.17759/bppe.2025220308. EDN XHUGTS (in Russian).
8. Rostovskaya T.K., Kuchmaeva O.V., Zolotaryova O.A. Studencheskaya sem'ya v Rossii: determinanty vstupleniya v brak // Vestnik RUDN. Seriya: Sotsiologiya. 2023. T. 23. № 1. S. 40–60. DOI: 10.22363/2313-2272-2023-23-1-40-60. EDN JVTJVQ (in Russian).
9. Gosudarstvennaya podderzhka semei s det'mi v Rossiiskoi Federatsii. Natsional'nye proekty «Demografiya» i «Sem'ya» / Pod obshch. red. N.A. Ostaninoi. M.: Izdanie Gosudarstvennoi Dumy, 2025 (in Russian).
10. Sergeeva A.V., Maksimova M.N. Spetsifika sistemy dolgovremennogo ukhoda za grazhdanami pozhilogo vozrasta i invalidami // Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal. 2025. № 10 (160). DOI: 10.60797/IRJ.2025.160.62. EDN CBOSVJ (in Russian).
11. Safonov A.L., Timonin I.I., Sheozhev Kh.V. Otsenka realizatsii sistemy dolgovremennogo ukhoda i eyo byudzhetrovaniya v Rossiiskoi Federatsii // Kreativnaya ekonomika. 2024. T. 18. № 7. S. 1801–1816. DOI: 10.18334/ce.18.7.121179. EDN JPXJPY (in Russian).
12. Bezrukova O.N., Samoilova V.A. Semeinye tsennosti i blagopoluchie podrostkov v polnykh i razvedyonnykh rossiiskikh sem'yakh: issledovanie v malom gorode i megapolise // Vestnik RUDN. Seriya: Sotsiologiya. 2025. T. 25. № 4. S. 669–688. DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-4-669-688. EDN KNYXNS (in Russian).
13. Artamonova A.V. Traektorii formirovaniya rossiiskoi sem'i: izmeneniya i faktory, ikh opredelyayushchie // Sotsiologicheskii zhurnal. 2018. T. 24. № 2. S. 110–134. DOI: 10.19181/socjour.2018.24.2.5847. EDN USNGRK (in Russian).
14. Kozlovskii V.V., Pankratova L.S., Svetlov R.V. Tsennosti sem'i v predstavleniyakh studentov rossiiskikh vuzov // Vestnik RUDN. Seriya: Sotsiologiya. 2025. T. 25. № 4. S. 649–668. DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-4-649-668. EDN KTOOYV (in Russian).
15. Skokov I.S., Kolganova N.Yu., Musin E.R. Dostupnost' doskol'nykh obrazovatel'nykh uchrezhdenii v Rossii: sotsial'no-ekonomicheskie determinanty i svyaz' s demograficheskoi situatsiei // Kreativnaya ekonomika. 2025. T. 19. № 12. S. 3445–3464. DOI: 10.18334/ce.19.12.124261. EDN PDXNLZ (in Russian).
16. Tonkikh N.V., Burdasova D.A., Begicheva S.V. Regional'naya differentsiatsiya obespechennosti naseleniya Rossii detskimi doskol'nymi uchrezhdeniyami // Vestnik evraziiskoi nauki. 2024. T. 16. № 4. Stat'ya 11. EDN JBNZGW (in Russian).

Индекс УДК 314.3

Код ГРНТИ 05.11.21

DOI: 10.22204/2587-8956-2026-125-02-29-43

**В.Н. АРХАНГЕЛЬСКИЙ,
Т.К. РОСТОВСКАЯ***

Рождаемость до 25 лет: поколенческие изменения и региональные различия

В статье анализируется динамика и региональные различия показателей рождаемости в возрасте до 25 лет в России. Анализ основан на использовании данных переписи населения 2020 г. о возрасте женщин при рождении первого ребёнка и оценке среднего числа рождённых детей у женщин в возрасте до 25 лет, рассчитанной на основе однолетних возрастных коэффициентов рождаемости. Выявлено значительное сокращение среднего числа рождённых детей у женщин в возрасте до 25 лет, начиная с поколений конца 1960-х гг. рождения, которое несколько затормозилось в поколениях второй половины 1980-х гг. рождения, но вновь усилилось у женщин 1990-х гг. рождения. В ряде регионов осуществляется дополнительная финансовая поддержка при рождении ребёнка женщинами в возрасте до 25 лет, но прекращения тренда снижения показателей рождаемости в этом возрастном интервале в реальных поколениях пока не произошло.

Ключевые слова: рождаемость, число рождений до 25 лет, очередность рождения, субъекты Российской Федерации

Одной из характерных тенденций демографических процессов в России является сдвиг возрастной модели рождаемости к более старшим возрастам. Прежде всего, это связано с откладыванием первых рождений. Средний возраст матери при рождении первого ребёнка постоянно повышается.

Возможно, откладывание начала деторождения имеет свои плюсы. У потенци-

альных родителей в этом случае с большей вероятностью уже есть необходимые материальные и жилищные условия для воспитания детей. Однако представляется, что по крайней мере два обстоятельства, связанных с откладыванием рождения первого ребёнка, могут негативно влиять на итоговое число детей в семье.

Во-первых, с возрастом ухудшается состояние репродуктивного здоровья, и от-

* **Архангельский Владимир Николаевич** — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института социальной демографии Федерального научно-исследовательского социологического центра (ФНИСЦ) РАН.

E-mail: archangelsky@yandex.ru

Ростовская Тамара Керимовна — доктор социологических наук, профессор, директор Института социальной демографии ФНИСЦ РАН.

E-mail: rostovskaya.tamara@mail.ru

кладывание рождения ребёнка может привести к невозможности иметь его в будущем.

Второе обстоятельство, скорее, можно пока рассматривать как гипотезу. Если ребёнок появляется вскоре после начала совместной супружеской жизни девушки и молодого человека, то их образ жизни, естественно, формируется с учётом ребёнка. Если его рождение откладывается, то перспектива его появления может рассматриваться с точки зрения того, в какой мере это способно помешать, ограничить в тех компонентах образа жизни, к которым уже привыкли. Это может привести к дальнейшему откладыванию и, возможно, вообще к отказу от рождения ребёнка. В связи с этим большой интерес представляет исследование А.В. Короленко и О.Н. Калачиковой [1]. Отметим здесь также исследования, проведённые в Санкт-Петербурге М.Е. Блох и С.Н. Хомяковой [2] и в Республике Мордовии — Л.И. Савиновым с коллегами [3]. О понижающем влиянии откладывания рождений на итоговое число детей пишут в обзорной статье Н. Бальбо, Ф. Биллари и М. Миллс [4]. Из более ранних работ, в которых отмечается такое влияние, следует выделить статьи Н.Р. Kohler, F.C. Billari и J.A. Ortega [5], S.P. Morgan и R.R. Rindfuss [6]. Применительно к России это наглядно показано в работе А.О. Макаренцевой [7].

Статистический анализ откладывания рождения детей в России представлен в работе Е.В. Земляновой и В.Ж. Чумариной [8].

Основываясь на данных «Выборочных наблюдений репродуктивных планов населения», проведённых Росстатом в 2012 и 2017 гг., О.Н. Калачикова и М.А. Груздева делают вывод об увеличении распространённости откладывания начала деторождения [9].

Проблемам откладывания деторождения уделяется всё большее внимание и на международном уровне. Например, конференция, посвящённая этой проблеме, прошла в Вене в ноябре 2024 г. [10].

Среди работ, связанных с анализом возрастной модели рождаемости в отдельных российских регионах, выделим, прежде

всего, статьи А.В. Алпатова и И.В. Митрофановой по Волгоградской области [11] и в целом по регионам Южного федерального округа [12], статью А.Д. Сарварова, С.С. Тупицына и Л.С. Тупицыной по Камчатскому краю и Тюменской области [13], К.В. Григоричева и С.П. Савина по Иркутской области [14]. Подробный анализ региональных различий возрастной модели рождаемости в России содержится в работе Н.С. Смулянской [15].

Вопросам откладывания деторождения и отношения к вспомогательным репродуктивным технологиям посвящено исследование Д.В. Спиридонова и И.Г. Поляковой, проведённое в Екатеринбурге [16].

Вероятная связь уровня рождаемости и её возрастной модели, поиск путей повышения рождаемости для обеспечения воспроизводства населения, устойчивой демографической динамики определяют актуальность всестороннего исследования возрастной модели рождаемости, её перспектив, детерминации происходящих в ней изменений, возможности влияния на неё.

Возрастная модель рождаемости традиционно исследуется на основе календарных показателей: возрастные коэффициенты рождаемости, средний возраст матери при рождении детей.

Данная статья основана на показателях рождаемости для реальных поколений (т.е. поколений, выделенных по году рождения женщин, в отличие от календарных показателей, относящихся к так называемым условным поколениям) и касается не всей возрастной модели рождаемости, а её молодой части — до 25 лет. В качестве индикаторов используются показатели доли женщин, родивших первого ребёнка в возрасте до 25 лет (по данным переписи населения 2020 г.), и среднего числа детей, рождённых до достижения этого возрастного рубежа.

Рождение первого ребёнка в возрасте до 25 лет (по данным переписи населения 2020 г.)

Основным источником данных о рождаемости в реальных поколениях женщин

являются переписи населения. Эти данные основаны на ответах женщин о числе рождённых детей. Однако при этом не выясняются даты рождения детей и, следовательно, нельзя получить информацию о возрасте женщин при рождении детей. Во Всероссийской переписи населения 2020 г. только в отношении первого ребёнка выяснялся год его рождения, и при разработке в сочетании с годом рождения матери определялся её возраст при рождении первого ребёнка.

В старших поколениях женщин в России доля родивших первого ребёнка в возрасте до 25 лет повышается. Среди женщин, которым при переписи населения 2020 г. было 70 лет и более, доля родивших первого ребёнка в возрасте до 25 лет составляла 62,0%, а у женщин, которым было 55–59 лет (учитывая, что перепись населения фактически проводилась в октябре 2021 г., это женщины 1961/1962–1965/1966 гг. рождения) — 71,8%. В более молодых поколениях женщин доля родивших первого ребёнка в возрасте до 25 лет значительно сокращается. У тех, кому при переписи населения было 50–54 года, она составляла 71,5%, 45–49 лет — 63,9%, 40–44 года — 58,8%, у 35–39-летних женщин — 56,4%.¹ Но в этих поколениях женщин ещё будут достаточно распространены случаи рождения первого ребёнка в послепереписной период. И так как они будут происходить в более старших возрастах, доля родивших первого ребёнка в возрасте до 25 лет в этих поколениях к концу репродуктивного периода, соответственно, окажется ещё ниже.

Среди женщин, которым при переписи населения 2020 г. было 40–44 года (они близки к завершению периода рождения первых детей, поэтому доля родивших первого ребёнка в возрасте до 25 лет у них близка к итоговой), наибольшая среди субъектов Российской Федерации доля родивших пер-

вого ребёнка в возрасте до 25 лет выявлена в Чеченской Республике (69,0%). Превышала 65% она также в Республике Дагестан (66,5%), Забайкальском (68,4%) и Ставропольском (67,3%) краях, Амурской (65,2%), Волгоградской (65,4%) и Тамбовской (66,5%) областях, Еврейской автономной области (65,2%), Чукотском автономном округе (65,3%).

С другой стороны, менее 55% этот показатель наблюдался в республиках Северная Осетия—Алания (51,7%), Татарстан (52,1%) и Чувашской республике (54,9%), в Мурманской (53,7%) и Ярославской (53,4%) областях. А наименьшая доля родивших первого ребёнка в возрасте до 25 лет у женщин, которым при переписи населения 2020 г. было 40–44 года, выявлена в Москве (45,6%), Санкт-Петербурге (41,9%) и Севастополе (50,9%).

Выше отмечалось, что в целом по России в старших поколениях происходило повышение доли женщин, родивших первого ребёнка в возрасте до 25 лет, а в более молодых — снижение. Такого поколенческого снижения этого показателя не было только в Чеченской Республике (он повысился с 51,6% у женщин, которым при переписи населения 2020 г. было 70 лет и более, до 69,0% — у 40–44-летних). В Республике Ингушетия этот показатель только у 65–69-летних женщин несколько ниже, чем у тех, кому 70 лет и более, а в последующих поколениях он только повышается (с 46,3% у 65–69-летних до 62,8% — у 40–44-летних).

Если сравнивать долю родивших первого ребёнка в возрасте до 25 лет у 40–44-летних с максимальной величиной этого показателя в более старших поколениях, то наибольшее её снижение произошло в Республике Карелия (на 20,1%-ных пунктов), в Кировской (на 20,0%-ных пунктов) и Ярославской (на 20,0%-ных пунктов) областях.

С другой стороны, наименьшим это снижение наблюдалось в республиках Северно-

¹ Рассчитано по: Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года. Т. 9: Рождаемость. Таблица 4. Женщины, проживающие в частных домохозяйствах, по возрастным группам и возрасту, в котором родили первого ребёнка, по субъектам Российской Федерации (https://rosstat.gov.ru/vpn_popul).

го Кавказа: в Дагестане (на 0,8%-ных пунктах; здесь очень незначительные различия в доле родивших первого ребёнка в возрасте до 25 лет в поколениях, которым при переписи населения было от 40 до 70 лет), Карачаево-Черкессии (на 4,2%-ных пунктов), Кабардино-Балкарии (на 4,4%-ных пунктов) и Северной Осетии—Алании (на 4,8%-ных пунктов), в Республике Саха (Якутия) (на 3,6%-ных пунктов) и в Ставропольском крае (на 7,0%-ных пунктов).¹

Поколенческие изменения среднего числа детей, рождённых матерями в возрасте до 25 лет

Наряду с данными переписи населения показатели рождаемости для реальных поколений могут быть рассчитаны и на основе однолетних возрастных коэффициентов рождаемости. Так как они не получены непосредственно на основе ответов женщин о числе рождённых детей, корректно говорить об их оценке. Расчёт показателей рождаемости для реальных поколений осуществляется суммированием однолетних возрастных коэффициентов рождаемости с прибавлением каждый раз показателя за следующий год в следующем возрасте. Например, для поколения женщин 1980 г. рождения оценка среднего числа рождённых детей рассчитывается суммированием коэффициентов рождаемости в возрасте 15 лет в 1995 г., в 16 лет в 1996 г., в 17 лет в 1997 г. и т.д. до 49 лет в 2029 г.

Такой расчёт позволяет получить оценочную величину среднего числа рождённых детей к достижению любого возраста и в любом возрастном интервале. Он может быть сделан как в целом по всем рождениям, так и дифференцированно по очередности рождения.

Непрерывный ряд однолетних возрастных коэффициентов рождаемости в целом

по России доступен для использования начиная с 1959 г.² Следовательно, оценка среднего числа рождённых детей может быть осуществлена начиная с поколения 1944 г. рождения, которому в 1959 г. было 15 лет. С учётом того, что последние доступные однолетние возрастные коэффициенты рождаемости относятся к 2023 г., среднее число рождённых детей к 25 годам (т.е. до 24 лет включительно) может быть рассчитано для поколения 1999 г. рождения (24 года в 2023 г.) (табл. 1).

В поколениях женщин 1950-х гг. рождения произошло существенное повышение среднего числа детей, рождённых к 25 годам. Если у женщин 1950 г. рождения, по оценке, оно составляет 0,90, то у женщин 1959 г. рождения — 1,00. Если в поколениях первой половины 1950-х гг. рождения поколенческая динамика этого показателя носила неустойчивый характер, то начиная с поколения 1957 г. рождения среднее число рождённых детей к 25 годам устойчиво повышается (см. табл. 1).

В поколениях женщин 1960-х гг. рождения продолжилось повышение среднего числа рождённых детей в возрасте до 25 лет. Наибольшее оно у женщин 1965 и 1966 гг. рождения — 1,05. Как отмечалось выше, и доля родивших первого ребёнка в возрасте до 25 лет, по данным переписи населения 2020 г., максимальная в этих же поколениях (1961/1962–1965/1966 гг. рождения).

Начиная с поколения женщин 1967 г. рождения среднее число рождённых детей в возрасте до 25 лет значительно сокращается: если у женщин 1966 г. рождения оно составляет 1,05, то у тех, кто на 10 лет моложе (1976 г. рождения) — только 0,73. Устойчивое существенное снижение этого показателя продолжается вплоть до поколения женщин 1983 г. рождения (0,59).

¹ Рассчитано по: Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года. Т. 9: Рождаемость. Таблица 4. Женщины, проживающие в частных домохозяйствах, по возрастным группам и возрасту, в котором родили первого ребёнка, по субъектам Российской Федерации (https://rosstat.gov.ru/vpn_popul).

² Российская база данных по рождаемости и смертности (РосБРИС) Российской экономической школы (<https://www.nes.ru/research-main/research-centers/demogr/demogr-fermort-data>); данные Росстата.

Таблица 1

**Оценка среднего числа рождённых детей у женщин в возрасте до 25 лет
в поколениях 1944–1999 гг. рождения в России**

Год рождения женщин	Среднее число рождённых детей	Год рождения женщин	Среднее число рождённых детей	Год рождения женщин	Среднее число рождённых детей	Год рождения женщин	Среднее число рождённых детей
1944	0,87	1958	0,97	1972	0,86	1986	0,58
1945	0,88	1959	1,00	1973	0,82	1987	0,59
1946	0,87	1960	1,02	1974	0,80	1988	0,59
1947	0,90	1961	1,03	1975	0,77	1989	0,58
1948	0,80	1962	1,02	1976	0,73	1990	0,57
1949	0,93	1963	1,04	1977	0,70	1991	0,57
1950	0,90	1964	1,04	1978	0,68	1992	0,58
1951	0,92	1965	1,05	1979	0,67	1993	0,56
1952	0,94	1966	1,05	1980	0,65	1994	0,55
1953	0,92	1967	1,02	1981	0,63	1995	0,53
1954	0,93	1968	1,00	1982	0,61	1996	0,49
1955	0,95	1969	0,97	1983	0,59	1997	0,49
1956	0,92	1970	0,94	1984	0,58	1998	0,47
1957	0,95	1971	0,90	1985	0,58	1999	0,43

Рассчитано по: Российская база данных по рождаемости и смертности (РосБРУС) Российской экономической школы (<https://www.nes.ru/research-main/research-centers/demogr/demogr-fermort-data>); данные Росстата.

Происходит откладывание рождения детей. Одновременно со снижением среднего числа рождённых детей в возрасте до 25 лет оно возрастает в более старших возрастных интервалах. В возрасте 25–29 лет среднее число рождённых детей повышается с 0,33 у женщин 1970–1972 гг. рождения до 0,56 у женщин 1987 г. рождения.

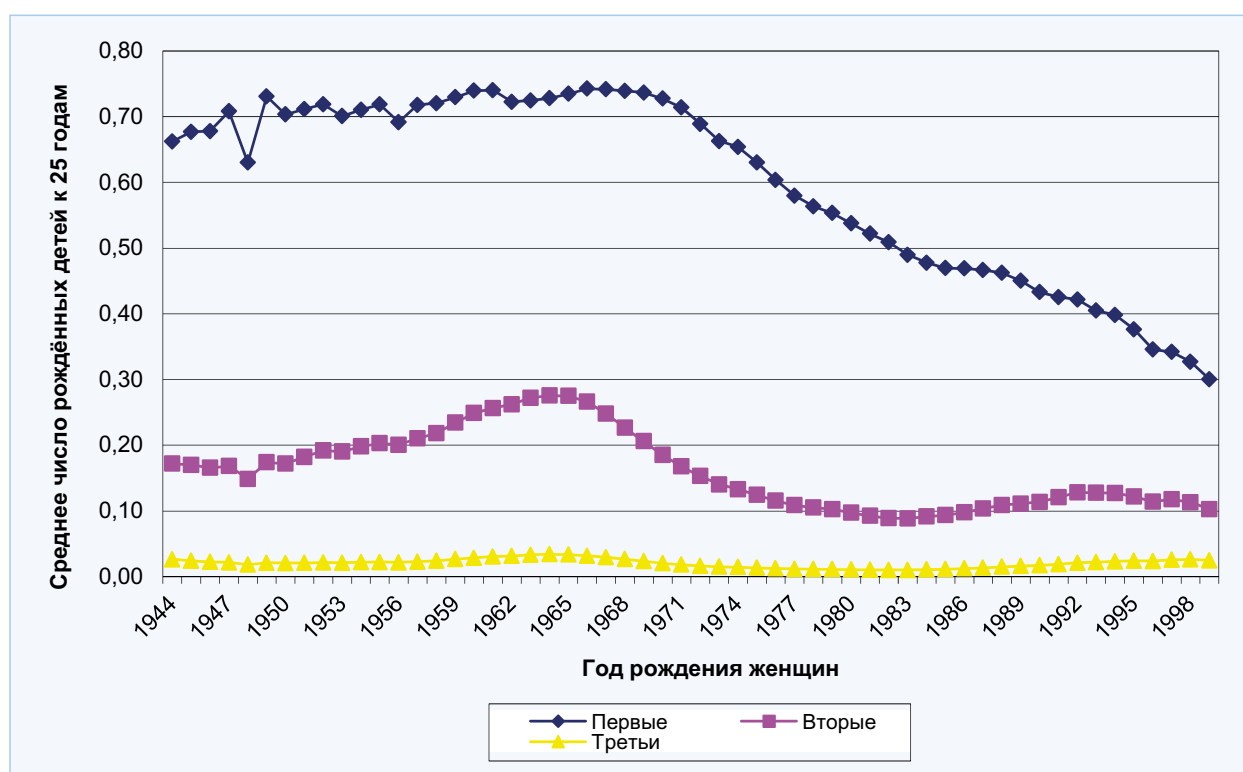
Интересно, что, в отличие от этого возрастного интервала, в возрасте 30–34 лет повышение данного показателя начинается в более старших поколениях — с поколения 1967 г. рождения, т.е. именно с того поколения, в котором начинается снижение среднего числа рождённых детей в возрасте до 25 лет. Если у женщин 1964–1966 гг. рождения среднее число рождённых детей в возрасте 30–34 года составляет 0,16, то в поколении 1967 г. рождения — 0,17, 1968 г. рождения — 0,18. Повышение этого показателя происходит до поколения 1983 г. рождения. У женщин 1983–1984 гг. рождения среднее число рождённых детей в возрастном интервале 30–34 года составляет 0,40.

После значительного поколенческого снижения среднее число рождённых детей в возрасте до 25 лет практически стабилизируется. В поколениях 1983–1992 гг. рождения оно находится в диапазоне от 0,57 до 0,59.

Новое снижение этого показателя начинается с поколения 1993 г. рождения: если у женщин 1992 г. рождения он составляет 0,58, то у женщин 1999 г. рождения — 0,43. Говорить о компенсационном повышении среднего числа рождённых детей в возрасте 25–29 лет пока нет оснований: у женщин 1991 и 1992 гг. рождения оно составляет 0,48, у женщин 1993 и 1994 гг. рождения — 0,47.

Поколенческая динамика среднего числа рождённых детей в возрасте до 25 лет в России существенно различается в зависимости от очередности рождения (см. ил. 1).

Среднее число первых рождений в возрасте до 25 лет немного повышалось в поколениях конца 1950-х — самого начала 1960-х гг. рождения (с 0,69 у женщин 1956 г. рождения до 0,74 у женщин

Ил. 1. Оценка среднего числа рождённых детей по очередности рождения у женщин в возрасте до 25 лет в поколениях 1944–1999 гг. рождения в России.

Рассчитано по: Российская база данных по рождаемости и смертности (РосБПуС) Российской экономической школы (<https://www.nes.ru/research-main/research-centers/demogr/demogr-fermort-data>); данные Росстата

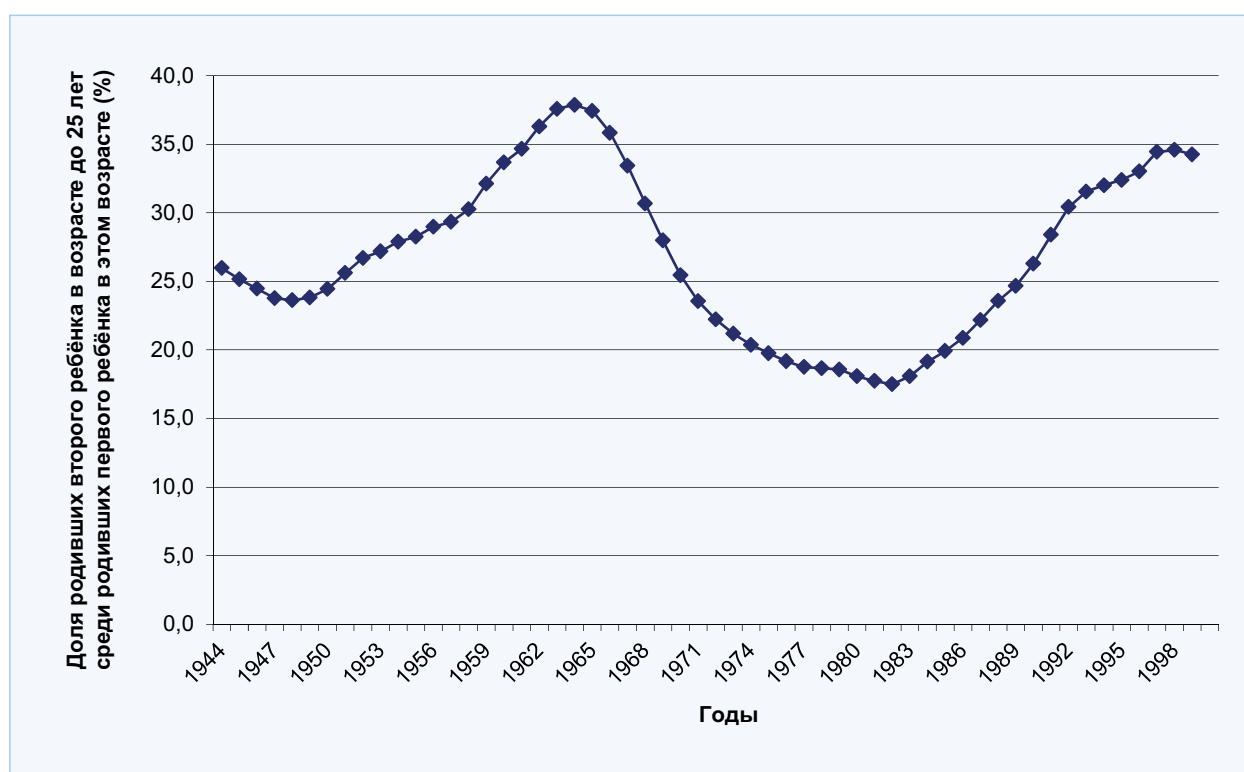
1960 и 1961 гг. рождения). Однако этот показатель, по сути дела, лишь вернулся к тому уровню, который был в поколениях женщин 1949 (0,73), 1952 (0,72) и 1955 (0,72) гг. рождения. В поколениях женщин 1960-х гг. рождения среднее число первых рождений в возрасте до 25 лет почти не менялось, оставаясь в диапазоне 0,72–0,74. Начиная с поколения женщин 1970 г. рождения до поколения 1985 г. рождения оно неуклонно снижается — с 0,74 у женщин 1966–1969 гг. рождения до 0,47 у женщин 1985–1987 гг. рождения. После совсем небольшой стабилизации среднее число первых рождений у женщин в возрасте до 25 лет продолжает снижаться и у женщин 1999 г. рождения составляет 0,30.

В отличие от первых рождений среднее число вторых рождений у женщин в возрасте до 25 лет повышалось почти постоянно с 0,15 в поколении 1948 г. рождения до 0,28 в поколении 1964 г. рождения. В более молодых поколениях этот показа-

тель значительно снижается до 0,09 у женщин 1981–1985 гг. рождения. Но опять же, в отличие от первых рождений, в поколениях второй половины 1980-х – 1990-х гг. рождения дальнейшего снижения среднего числа вторых рождений у женщин в возрасте до 25 лет не происходит. Оно повышается до 0,13 в поколениях женщин 1992–1994 гг. рождения, и только в поколениях второй половины 1990-х гг. рождения оно немного меньше.

Таким образом, повышение среднего числа рождённых детей к возрасту 25 лет в поколениях женщин конца 1950-х – первой половины 1960-х гг. рождения связано в большей мере не с первыми, а со вторыми рождениями. То же относится и к снижению этого показателя в поколениях 1990-х гг. рождения.

Учитывая различную поколенческую динамику среднего числа первых и вторых рождений у женщин в возрасте до 25 лет, целесообразно использовать показатель

Ил. 2. Оценка доли родивших второго ребёнка в возрасте до 25 лет среди родивших первого ребёнка в этом возрасте в поколениях 1944–1999 гг. рождения в России (%).

Рассчитано по: Российская база данных по рождаемости и смертности (РосБРУС) Российской экономической школы (<https://www.nes.ru/research-main/research-centers/demogr/demogr-fermort-data>); данные Росстата

доли родивших второго ребёнка среди родивших первого, рассчитываемой как соотношение средних чисел вторых и первых рождений (рис. 2).

Доля родивших второго ребёнка в возрасте до 25 лет среди родивших первого ребёнка в этом возрасте в России неуклонно повышалась в поколениях женщин 1950-х – первой половины 1960-х гг. рождения. Если у женщин 1948 г. рождения она составляет 23,6%, то у женщин 1964 г. рождения – 37,9%. В более молодых поколениях она значительно снижается, достигая минимума у женщин 1982 г. рождения (17,5%). Однако в более молодых поколениях вновь происходит повышение доли родивших второго ребёнка в возрасте до 25 лет среди родивших первого ребёнка в этом возрасте. В поколениях женщин

конца 1990-х гг. рождения свыше 34% родивших первого ребёнка в возрасте до 25 лет до достижения этого возраста рожают и второго ребёнка. Наибольшая (после поколенческого повышения) величина этого показателя – 34,6% у женщин 1998 г. рождения.

Региональные различия рождаемости до 25 лет в реальных поколениях

Среднее число рождённых детей у женщин в возрасте до 25 лет значительно различается по субъектам Российской Федерации (табл. 2).¹

Если говорить о самом молодом поколении, для которого сейчас может быть осуществлён расчёт этого показателя – 1999 г. рождения, то наибольшее среднее число

¹ По Республике Крым и Севастополю для поколения 1999 г. рождения данные неполные: не может быть учтён коэффициент рождаемости в возрасте 15 лет, так как однолетние возрастные коэффициенты рождаемости есть только начиная с 2015 г.

Таблица 2

**Группировка субъектов Российской Федерации
по среднему числу рождённых детей
у женщин в возрасте до 25 лет в поколении 1999 г. рождения**

Среднее число рождённых детей у женщин в возрасте до 25 лет в поколении 1999 г. рождения	Субъекты Российской Федерации	
	Наименование	Число
0,70 и более	Республики Алтай, Дагестан, Тыва и Чеченская, Забайкальский край, Ненецкий и Чукотский автономные округа	7
0,60–0,69	Республика Бурятия, Иркутская и Курганская области, Еврейская автономная область	4
0,50–0,59	Республики Коми, Саха (Якутия) и Хакасия, Камчатский, Красноярский и Пермский края, Амурская, Астраханская, Костромская, Омская, Оренбургская, Ростовская, Сахалинская и Тюменская области, Ханты-Мансийский – Югра и Ямало-Ненецкий автономные округа	16
0,40–0,49	Республики Адыгея, Башкортостан, Кабардино-Балкарская, Калмыкия, Карелия, Крым ¹ , Марий Эл, Северная Осетия-Алания, Татарстан, Удмуртская и Чувашская, Алтайский, Краснодарский, Приморский, Ставропольский и Хабаровский края, Архангельская, Вологодская, Ивановская, Калужская, Кемеровская, Кировская, Курская, Липецкая, Магаданская, Мурманская, Новгородская, Новосибирская, Псковская, Самарская, Свердловская, Тамбовская, Тверская, Тульская, Ульяновская и Челябинская области	36
0,30–0,39	Республики Ингушетия и Карачаево-Черкесская, Белгородская, Брянская, Владимирская, Волгоградская, Воронежская, Калининградская, Московская, Нижегородская, Орловская, Пензенская, Рязанская, Саратовская, Смоленская, Томская и Ярославская области	17
менее 0,30	Республика Мордовия, Ленинградская область, Москва, Санкт-Петербург и Севастополь ¹	5

Рассчитано по: Российская база данных по рождаемости и смертности (РосБРИС) Российской экономической школы (<https://www.nes.ru/research-main/research-centers/demogr/demogr-fermort-data>); данные Росстата.

рождённых у женщин моложе 25 лет в Республике Тыва. Оно составляет 1,04. В Чеченской Республике этот показатель равен 0,94, в Республике Дагестан — 0,76.

С другой стороны, наименьшее среднее число рождённых детей в возрасте до 25 лет у женщин 1999 г. рождения наблюдается в Республике Мордовия (0,28), Ленинградской области (0,25), Москве (0,25), Санкт-Петербурге (0,21) и Севастополе (0,23). Вероятно, в Ленинградской области этот показатель несколько занижен, так как он рассчитывается на основе календарных однолетних возрастных коэффициентов рождаемости, а часть жительниц Ленинградской области рожают детей в Санкт-Петербурге и там же их регистрируют.

Если в целом по России непрерывный ряд однолетних возрастных коэффициен-

тов рождаемости, необходимых для оценочного расчёта показателей рождаемости в реальных поколениях, доступен начиная с 1959 г. и соответственно показатели могут быть рассчитаны начиная с поколения 1944 г. рождения, то по субъектам Российской Федерации коэффициенты доступны с 1989 г. и показатели для реальных поколений могут быть рассчитаны начиная с поколения 1974 г. рождения.

Исключение составляют только восемь регионов. По Карачаево-Черкесской Республике коэффициенты доступны с 1990 г. (расчёт возможен с поколения 1975 г. рождения), по Ненецкому, Ханты-Мансийскому – Югре и Ямало-Ненецкому автономным округам – с 1993 г. (с поколения 1978 г. рождения), по Республике Ингушетия – с 1995 г. (с поколения 1980 г.

Таблица 3

**Группировка субъектов Российской Федерации по степени снижения
среднего числа рождённых детей у женщин в возрасте до 25 лет
в поколении 1999 г. рождения по сравнению с поколением 1974 г. рождения**

Разница в среднем числе рождённых детей у женщин в возрасте до 25 лет в поколениях 1974 и 1999 гг. рождения	Субъекты Российской Федерации	
	Наименование	Число
0,55 и более	Республика Калмыкия	1
0,50–0,54	Республики Мордовия и Саха (Якутия), Белгородская, Брянская и Тамбовская области, Еврейская автономная область	6
0,45–0,49	Республика Алтай, Краснодарский и Ставропольский края, Волгоградская, Ленинградская, Орловская, Ростовская и Саратовская области	8
0,40–0,44	Республики Адыгея, Башкортостан, Кабардино-Балкарская, Марий Эл и Удмуртская, Забайкальский край, Амурская, Владимирская, Воронежская, Калининградская, Курская, Липецкая, Магаданская, Нижегородская, Оренбургская, Пензенская, Рязанская, Смоленская, Томская и Ульяновская области	20
0,35–0,39	Республики Карелия, Северная Осетия-Алания, Татарстан, Хакасия и Чувашская, Алтайский, Красноярский, Приморский и Хабаровский края, Архангельская, Вологодская, Кемеровская, Омская, Новгородская и Тульская области	15
0,30–0,34	Республики Бурятия и Коми, Пермский край, Ивановская, Иркутская, Калужская, Кировская, Московская, Новосибирская, Псковская, Самарская, Свердловская, Тверская, Тюменская, Челябинская и Ярославская области, Санкт-Петербург	17
0,25–0,29	Республика Дагестан, Астраханская, Костромская, Курганская и Мурманская области, Москва	6
0,20–0,24	Камчатский край, Сахалинская область, Чукотский автономный округ	3
менее 0,20	Республика Тыва	1

Рассчитано по: Российская база данных по рождаемости и смертности (РосБРиС) Российской экономической школы (<https://www.nes.ru/research-main/research-centers/demogr/demogr-fermort-data>); данные Росстата.

рождения), по Чеченской Республике — с 2009 г. (с поколения 1994 г. рождения).

Во всех регионах, для которых возможна оценка среднего числа рождённых детей в реальных поколениях у женщин в возрасте до 25 лет, начиная с поколения 1974 г. рождения, в поколении 1999 г. рождения этот показатель был существенно ниже, чем у женщин 1974 г. рождения (табл. 3). Значительно большее, чем в других регионах, снижение этого показателя имеет место в Республике Калмыкия. У женщин 1999 г. рождения среднее число рождённых детей в возрасте до 25 лет на 0,86 меньше, чем у женщин 1974 г. рождения. Достаточно сказать, что в ближайшей по степени снижения этого показателя Республике Мордовия он уменьшился на 0,52. С другой

стороны, в наименьшей мере он снизился в Республике Тыва (на 0,17).

Среди регионов, для которых нет данных для оценки среднего числа рождённых детей к 25 годам у женщин 1974 г. рождения и можно рассчитать этот показатель только для более молодых поколений, также имеет место поколенческое снижение этого показателя. В Карачаево-Черкесской Республике он снизился на 0,37 в поколении 1999 г. по сравнению с поколением 1975 г. рождения. В Ненецком, Ханты-Мансийском – Югре и Ямало-Ненецком автономных округах в поколении 1999 г. он снизился по сравнению с поколением 1978 г. рождения соответственно на 0,21, 0,24 и 0,19.

В Республике Ингушетия среднее число рождённых детей в возрасте до 25 лет в по-

колении 1999 г. рождения только на 0,02 меньше, чем у женщин 1980 г. рождения (самое старшее поколение, для которого возможен расчёт показателя по этому региону) — соответственно 0,37 и 0,39. При этом произошли значительное повышение этого показателя до 0,88 у женщин 1992 г. рождения и последующее его снижение.

Ещё более заметным его повышение было в Республике Тыва: с 0,88 у женщин 1980 г. рождения до 1,73 — у женщин 1992 г. рождения. Но затем последовало его резкое поколенческое снижение, и у женщин 1999 г. рождения среднее число рождённых детей к 25 годам сократилось до 1,04.

Отметим ещё существенное повышение этого показателя в ряде регионов в поколениях женщин конца 1980-х — начала 1990-х гг. рождения: в Республике Алтай — с 1,02 у женщин 1986 г. рождения до 1,33 у женщин 1992 г. рождения; в Республике Дагестан — с 0,67 у женщин 1986 г. рождения до 0,84 у женщин 1994 и 1995 гг. рождения; в Кабардино-Балкарской Республике — с 0,57 у женщин 1986 г. рождения до 0,69 у женщин 1992 г. рождения; в Республике Коми — с 0,63 у женщин 1986 г. рождения до 0,73 у женщин 1991 и 1992 гг. рождения; в Ненецком автономном округе — с 0,81 у женщин 1987 г. рождения до 1,08 у женщин 1992 г. рождения; в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре — с 0,64 у женщин 1988 г. рождения до 0,75 у женщин 1992 г. рождения; в Ямало-Ненецком автономном округе — с 0,62 у женщин 1987 г. рождения до 0,88 у женщин 1992 г. рождения.

Дополнительные меры поддержки при рождении ребёнка в возрасте до 25 лет в субъектах Российской Федерации

В некоторых субъектах Российской Федерации реализуются дополнительные меры поддержки при рождении ребёнка в возрасте до 25 лет.

Например, в Архангельской области женщинам, родившим начиная с 1 января 2016 г. первого ребёнка в возрасте от 18 до 25 лет включительно (первоначально было установлено с 22 до 24 лет, с 2019 г. — с 20 до 25 лет¹, с 2020 г. — с 18 до 25 лет²), при среднедушевом доходе семьи менее двукратной величины прожиточного минимума одновременно выплачивается пособие. На детей, рождённых с 1 октября 2025 г., оно составляет 52 000 рублей.³ При этом в Архангельской области среднее число первых рождений к 25 годам у женщин 1991 г. рождения (25 лет в 2016 г.) (0,52) было чуть больше, чем в поколениях 1989 и 1990 гг. рождения (0,51), но в более молодых поколениях оно снижается и у женщин 1999 г. рождения и составляет 0,34.

В Волгоградской области при рождении первого ребёнка в возрасте до 24 лет включительно (начиная с 2019 г.) выплачивается единовременное пособие⁴. В 2025 г. оно составляло 63 621 рубль⁵. Самое старшее из поколений женщин, на которых могла повлиять эта мера, 1995 г. рождения (24 года в 2019 г.). Среднее число первых рождений к 25 годам в этом поколении (0,35) меньше, чем во всех более старших поколениях, и в более молодых поколениях.

¹ См. Областной закон от 30 сентября 2019 года № 143-10-ОЗ «О внесении изменений в областной закон «О социальной поддержке семей, воспитывающих детей, в Архангельской области» (<https://docs.cntd.ru/document/462645356>).

² См. Областной закон от 2 июля 2020 года № 288-18-ОЗ «О внесении изменений в отдельные областные законы в сфере предоставления мер социальной поддержки отдельных категорий граждан» (<https://docs.cntd.ru/document/462651498>).

³ <https://соцзащита29.рф/services/podderzhka-semyam-s-detmi/edinovremennaya-denezhnaya-vyplata-zhenshchinam-rodivshim-pervogo-rebenka-v-vozhraze-ot-18-do-25-let/>

⁴ См. Закон Волгоградской области от 31 декабря 2015 года № 246-ОД «Социальный кодекс Волгоградской области» (<https://docs.cntd.ru/document/432835725>).

⁵ <https://soc.volganet.ru/37/billboard/new-msp-for-family/>.

ях оно продолжило снижаться (0,32 у женщин 1996 и 1997 гг. рождения, 0,29 — 1998 г. рождения, 0,26 — 1999 г. рождения).

В Ивановской области с 2017 г. женщины, родившие первого ребёнка в возрасте до 24 лет, получают ежемесячную выплату до достижения ребёнком возраста 1,5 лет¹. Эта выплата предоставляется при среднедушевом доходе (по не зависящим от семьи причинам), не превышающем двукратной величины прожиточного минимума. В Ивановской области тоже продолжалось снижение среднего числа первых рождений к 25 годам, но нисходящая поколенческая динамика этого показателя не была такой устойчивой, как в Архангельской и Волгоградской областях. У женщин 1993 г. рождения (24 года в 2017 г.) он был чуть больше (0,41), чем в поколении 1992 г. рождения (0,40). У женщин 1994 г. рождения он снизился до 0,38, но в поколении 1995 г. рождения вернулся к 0,41. Снижение его в поколениях 1996 (0,37) и 1997 (0,33) гг. рождения прервалось небольшим повышением у женщин 1998 г. рождения (0,35). Но в поколении 1999 г. рождения он вновь снизился до 0,31.

В Липецкой области с 2022 г. женщинам при рождении первого ребёнка в возрасте от 18 до 24 лет (включительно) единовременно выплачивается 85 000 рублей².

С 2017 г. в Тульской области ежемесячную выплату в размере 3 000 рублей на первого ребёнка в возрасте от 1,5 до 3 лет получают женщины, родившие его в возрасте до 25 лет и при среднедушевом доходе семьи, не превышающем прожиточного минимума³. В Тульской области среднее число первых рождений к 25 годам в поколениях 1992 (25 лет в 2017 г.) и 1993 гг. рождения составляет 0,41, что немного больше, чем у женщин 1991 г. рождения (0,40), но в более молодых поколениях оно неуклонно снижается.

В Республике Калмыкия при рождении ребёнка (детей) в 2019–2030 гг., независимо от очередности рождения, в возрасте до 25 лет включительно выплачивается единовременное пособие⁴. Первоначально его сумма была установлена в размере 30 000 рублей, а с 1 января 2026 г. она повышена до 100 000 рублей⁵. При этом в Республике Калмыкия среднее число рождённых детей (в целом по всем очередностям) к 25 годам существенно снижается в молодых поколениях, и у женщин 1999 г. рождения оно было на 0,21 меньше, чем у женщин 1993 г. рождения.

В Республике Мордовия женщинам, родившим первого ребёнка в период с 1 июля 2025 г. по 1 июля 2026 г. в воз-

¹ См. Закон Ивановской области от 30 мая 2017 года № 40-ОЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей с детьми на территории Ивановской области» (<https://docs.cntd.ru/document/450234739?ysclid=l8klw0qmh3818033502>).

² См. Закон Липецкой области от 27 декабря 2021 года № 60-ОЗ «О социальных, поощрительных выплатах и мерах социальной поддержки в сфере семейной и демографической политики, а также лицам, имеющим особые заслуги перед Российской Федерацией и Липецкой областью» (<https://docs.cntd.ru/document/578023775?ysclid=1930ht4y2i573049779>).

³ См. Постановление Правительства Тульской области от 26 июня 2014 года № 298 «О дополнительных мерах социальной поддержки семьям граждан Российской Федерации с детьми, зарегистрированным по месту жительства на территории Тульской области, не получающим ежемесячную выплату на каждого ребёнка до достижения им возраста 3 лет в соответствии с Законом Российской Федерации «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» (<https://docs.cntd.ru/document/412712156?ysclid=19015omwne718986607>).

⁴ См. Постановление Правительства Республики Калмыкия от 6 февраля 2019 года № 25 «Об утверждении Порядка предоставления единовременной денежной выплаты женщине, родившей ребёнка (детей) в период с 1 января 2019 года по 31 декабря 2030 года в возрасте до 25 лет включительно» (<https://docs.cntd.ru/document/550346739>).

⁵ См. Указ Главы Республики Калмыкия от 23 декабря 2025 года № 322 «О внесении изменения в пункт 1 Указа Главы Республики Калмыкия от 25 декабря 2018 года № 133 «О единовременной денежной выплате при рождении ребёнка (детей)» (<https://www.garant.ru/hotlaw/kalmyk/1982025/>).

расте до 25 лет, выплачивается единовременное пособие в размере 100 000 рублей¹.

В Самарской области женщинам при рождении первого ребёнка в возрасте от 18 до 25 лет (включительно) начиная с 1 сентября 2024 г. единовременно выплачивается пособие 100 000 рублей².

В Красноярском крае с 1 января 2025 г. предоставляется в размере 100 000 рублей материнский (семейный) капитал женщинам при рождении или усыновлении первого ребёнка в возрасте до 23 лет³.

В Санкт-Петербурге выплачивается дополнительное пособие при рождении первого ребёнка в возрасте от 20 до 24 лет в 2018–2019 гг. и в возрасте от 19 до 24 лет начиная с 2020 г.⁴ Размер пособия составляет сейчас 75 835 рублей⁵. Среднее число первых рождений в возрасте до 25 лет в поколениях второй половины 1990-х гг. снижается.

В Республике Татарстан женщинам в сельской местности и посёлках городского типа при рождении детей начиная с 2018 г. предоставляется единовременная выплата: при рождении первого ребёнка до 25 лет — 50 000 рублей⁶.

В Ульяновской области при рождении первого ребёнка в возрасте до 25 лет с июля 2020 г. до конца 2024 г. единове-

менно выплачивалось 100 000 рублей. Условиями получения выплаты являлся зарегистрированный брак и наличие хотя бы у одного из родителей постоянного источника дохода⁷.

В Камчатском крае с 2015 г. до 2024 г. материнский (семейный) капитал при рождении первого ребёнка предоставлялся женщинам, состоящим в браке и родившим первого ребёнка в возрасте от 19 до 24 лет включительно (с 2025 г. это возрастное ограничение было снято). Первоначально установленный его размер составлял 100 000 рублей с последующей ежегодной индексацией⁸. В Камчатском крае, как и во многих регионах России, за ряд лет нет данных о родившихся по очерёдности рождения, так как в конце 1997 г. был принят Закон «Об актах гражданского состояния», согласно которому в форме акта о рождении отсутствовал пункт о том, какой ребёнок по счёту у матери. В Камчатском крае эта информация была восстановлена только с 2012 г., и, следовательно, расчёт показателей по очерёдности рождения возможен только с поколения 1997 г. У женщин 1998 г. рождения среднее число первых рождений к 25 годам (0,43) на 0,01 больше, чем у женщин 1997 г. рождения (0,42),

¹ См. Постановление Правительства Республики Мордовия от 25 июня 2025 года № 536 «О внесении изменений в постановление Правительства Республика Мордовия от 28 декабря 2004 года № 478» (<https://docs.cntd.ru/document/407845967>).

² См. Приказ Министерства социально-демографической и семейной политики Самарской области от 16 апреля 2025 года № 220 «Об утверждении Административного регламента по предоставлению государственной услуги “Предоставление единовременной денежной выплаты женщинам, родившим первого ребёнка в возрасте от 18 до 25 (включительно) лет”» (<https://www.garant.ru/hotlaw/samara/1815908/>).

³ См. Закон Красноярского края от 19 декабря 2024 года № 8-3485 «О внесении изменений в Закон края «О дополнительных мерах поддержки семей, имеющих детей, в Красноярском крае» (<https://docs.cntd.ru/document/407561552>).

⁴ См. Закон Санкт-Петербурга от 22 ноября 2011 года № 728-132 «Социальный кодекс Санкт-Петербурга» (<https://docs.cntd.ru/document/891859785?ysclid=l8ypz03ssz15628393>)

⁵ <https://www.gov.spb.ru/gov/otrasl/trud/socialnye-voprosy/family/posobiya-grazhdanam-imeyushim-detej/>.

⁶ См. Постановление Кабинета министров Республики Татарстан от 9 февраля 2018 года № 67 «О единовременной выплате женщинам, постоянно проживающим в сельской местности, посёлках городского типа, при рождении ребёнка» (<https://docs.cntd.ru/document/543543138?ysclid=l9jo1yidgt445649404>).

⁷ См. Закон Ульяновской области от 18 марта 2020 года № 22-30 «О единовременной денежной выплате в связи с рождением первого ребёнка» (<https://docs.cntd.ru/document/463733404?ysclid=l91avfpjgu355342985>).

⁸ См. Закон Камчатского края от 29 декабря 2014 года № 559 «О внесении изменений в Закон Камчатского края «О краевом материнском (семейном) капитале» (<https://docs.cntd.ru/document/423902701?ysclid=l8pri9ix9k989025160>).

но в поколении 1999 г. рождения показатель вновь вернулся к 0,42.

Таким образом, реализуемые в субъектах Российской Федерации меры, направленные на дополнительную поддержку рождений у женщин в возрасте до 25 лет, пока не привели к прекращению тренда снижения показателей рождаемости до 25 лет в реальных поколениях.

Заключение

Начиная с поколений женщин конца 1960-х гг. рождения происходит значительное сокращение среднего числа рождённых детей в возрасте до 25 лет. В поколениях второй половины 1980-х гг. рождения этот процесс несколько затормозился, но вновь усилился у женщин 1990-х гг. рождения.

Снижение среднего числа рождённых детей в возрасте 25 лет происходит, главным образом, за счёт первых рождений. По вторым рождениям этот поколенческий тренд проявляется в значительно меньшей мере.

Субъекты Российской Федерации существенно различаются как по среднему числу рождённых детей в возрасте до 25 лет, так и по поколенческой динамике этого показателя.

В ряде регионов осуществляется дополнительная финансовая поддержка при рождении ребёнка женщинами в возрасте до 25 лет, но прекращения тренда снижения показателей рождаемости в этом возрастном интервале в реальных поколениях пока не произошло.

ЛИТЕРАТУРА

1. Короленко А.В., Калачикова О.Н. Причины откладывания рождений и отношение общества к бездетности: результаты глубинных интервью с российскими семьями // Социальное пространство. 2022. Т. 8. № 3. DOI: 10.15838/sa.2022.3.35.2.
2. Блох М.Е., Хомякова С.Н. Мотивы отложенного материнства // Психология стресса и совладающего поведения: устойчивость и изменчивость отношений, личности, группы в эпоху неопределённости. Материалы VI Международной научной конференции. Кострома: Костромской государственный университет, 2022. С. 353–358.
3. Савинов Л.И., Соловьёва Т.В., Бистаяйкина Д.А., Карасева А.С. Социокультурная детерминация позднего деторождения и меры семейно-демографической политики в области рождаемости (на материалах Республики Мордовия) // Женщина в российском обществе. 2020. № 1. С. 101–112. DOI: 10.21064/WinRS.2020.1.8.
4. Бальбо Н., Биллари Ф., Миллс М. Рождаемость в развитых странах: обзор исследований // Демографическое обозрение. 2017. Т. 4 №. 2. С. 133–195. <https://doi.org/10.17323/demreview.v4i2.7107>.
5. Kohler H.P., Billari F.C., Ortega J.A. The Emergence of Lowest-Low Fertility in Europe during the 1990s // Population and Development Review. 2002. Vol. 28. № 4. Pp. 641–680. DOI: 10.1111/j.1728-4457.2002.00641.x.
6. Morgan S.P., Rindfuss R.R. Reexamining the Link of Early Childbearing to Marriage and to Subsequent Fertility // Demography. 1999. Vol. 36. № 1. Pp. 59–75.
7. Макаренцева А.О. Динамика вступления в материнство в современной России // Мир России. 2022. Т. 31. № 1. С. 162–182. DOI: 10.17323/1811-038X-2022-31-1-162-182.
8. Землянова Е.В., Чумарина В.Ж. Откладывание деторождения российскими женщинами в современных социально-экономических условиях // Социальные аспекты здоровья населения. 2018. Т. 64. № 6. DOI: <https://dx.doi.org/10.21045/2071-5021-2018-64-6-9>.
9. Калачикова О.Н., Груздева М.А. Изменения репродуктивного и брачного поведения населения России (на основе анализа выборочных исследований Росстата) // Социальное пространство. 2018. Т. 14. № 2. DOI: 10.15838/sa.2018.2.14.1.
10. Носкова А.В. Отложенная репродукция: вызовы и перспективы // Социологические исследования. 2025. № 4. С. 152–154. DOI: 10.7868/S3034601025040152.

11. Алпатов А.В., Митрофанова И.В. Трансформация возрастной модели рождаемости в Волгоградской области // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 6. С. 95–117. [https:// doi.org/10.14515/monitoring.2023.6.2424](https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.6.2424).
12. Алпатов А.В., Митрофанова И.В. Трансформация возрастной модели рождаемости в регионах Южного федерального округа // Проблемы прогнозирования. 2025. № 1 (208). С. 175–188. DOI: 10.47711/0868-6351-208-175-188.
13. Сарварова А.Д., Тупицын С.С., Тупицына Л.С. Динамика возрастной модели рождаемости в двух регионах России // Регионология. 2022. Т. 30. № 4. С. 924–944. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.121.030.202204.924-944>.
14. Григоричев К.В., Савин С.П. Изменение возрастной модели рождаемости: случай Иркутской области // Фундаментальные исследования. 2014. № 12–6. С. 1338–1342.
15. Смулянская Н.С. Классификация регионов России по возрастным моделям рождаемости // Регион: экономика и социология. 2017. № 95 (3). С. 146–157. DOI: 10.15372/REG20170307.
16. Спиридонов Д.В., Полякова И.Г. Феномен отложенного материнства и вспомогательные репродуктивные технологии: социально-экономические и демографические аспекты // Мир России. 2024. Т. 33. № 3. С. 75–98. DOI: 10.17323/1811-038X-2024-33-3-75-98.

Fertility Before Age 25: Cohort Dynamics and Regional Differentiation

Arkhangelsky Vladimir Nikolaevich — Candidate of Economic Sciences, Leading Research Fellow, Institute for Social Demography, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (FCTAS RAS).

E-mail: arkhangelsky@yandex.ru

Rostovskaya Tamara Kerimovna — Doctor of Sociological Sciences, Professor, Director of the Institute for Social Demography, FCTAS RAS.

E-mail: rostovskaya.tamara@mail.ru

The article analyzes the dynamics and regional differences of fertility indicators among women under the age of 25 in Russia. The analysis is based on data from the 2020 Population Census on women's age at the birth of their first child, as well as on estimates of the average number of children born to women under the age of 25, calculated on the basis of single-year age-specific fertility rates. A significant decline in the average number of children born to women under the age of 25 has been identified, beginning with cohorts born in the late 1960s; this decline slowed somewhat among cohorts born in the second half of the 1980s, but intensified again among women born in the 1990s. In a number of regions, additional financial support is provided at the birth of a child to women under the age of 25; however, the downward trend in fertility indicators in this age interval among real cohorts has not yet been halted.

Keywords: fertility, number of births before age 25, birth order, constituent entities of the Russian Federation

REFERENCES

1. Korolenko A.V., Kalachikova O.N. Prichiny otkladyvaniya rozhdenii i otnoshenie obshchestva k bezdetnosti: rezul'taty glubinnykh interv'yu s rossiiskimi sem'yami // Sotsial'noe prostranstvo. 2022. Т. 8. № 3. DOI: 10.15838/sa.2022.3.35.2 (in Russian).

2. Blokh M.E., Khomyakova S.N. Motivy otlozhennogo materinstva // Psikhologiya stressa i sovlayushchego povedeniya: ustoichivost' i izmenchivost' otnoshenii, lichnosti, gruppy v epokhu neopredelyonnosti. Materialy VI Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Kostroma: Kostromskoi gosudarstvennyi universitet, 2022. S. 353–358 (in Russian).
3. Savinov L.I., Solov'yova T.V., Bistyakina D.A., Karaseva A.S. Sotsiokul'turnaya determinatsiya pozdnego detorozhdeniya i mery semeino-demograficheskoi politiki v oblasti rozhdaemosti (na materialakh Respubliki Mordoviya) // Zhenshchina v rossiiskom obshchestve. 2020. № 1. S. 101–112. DOI: 10.21064/WinRS.2020.1.8 (in Russian).
4. Bal'bo N., Billari F., Mills M. Rozhdaemost' v razvitykh stranakh: obzor issledovaniy // Demograficheskoe obozrenie. 2017. T. 4 №. 2. S. 133–195. <https://doi.org/10.17323/demreview.v4i2.7107> (in Russian).
5. Kohler H.P., Billari F.C., Ortega J.A. The Emergence of Lowest-Low Fertility in Europe during the 1990s // Population and Development Review. 2002. Vol. 28. № 4. Pp. 641–680. DOI: 10.1111/j.1728-4457.2002.00641.x.
6. Morgan S.P., Rindfuss R.R. Reexamining the Link of Early Childbearing to Marriage and to Subsequent Fertility // Demography. 1999. Vol. 36. № 1. Pp. 59–75.
7. Makarentseva A.O. Dinamika vstupleniya v materinstvo v sovremennoi Rossii // Mir Rossii. 2022. T. 31. № 1. S. 162–182. DOI: 10.17323/1811-038X-2022-31-1-162-182 (in Russian).
8. Zemlyanova E.V., Chumarina V.Zh. Otkladyvanie detorozhdeniya rossiiskimi zhenshchinami v sovremennykh sotsial'no-ekonomicheskikh usloviyakh // Sotsial'nye aspekty zdorov'ya naseleniya. 2018. T. 64. № 6. DOI: <https://dx.doi.org/10.21045/2071-5021-2018-64-6-9> (in Russian).
9. Kalachikova O.N., Gruzdeva M.A. Izmeneniya reproduktivnogo i brachnogo povedeniya naseleniya Rossii (na osnove analiza vyborochnykh issledovaniy Rosstata) // Sotsial'noe prostranstvo. 2018. T. 14. № 2. DOI: 10.15838/sa.2018.2.14.1 (in Russian).
10. Noskova A.V. Otlozhennaya reproduksiya: vyzovy i perspektivy // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2025. № 4. S. 152–154. DOI: 10.7868/S3034601025040152 (in Russian).
11. Alpatov A.V., Mitrofanova I.V. Transformatsiya vozrastnoi modeli rozhdaemosti v Volgogradskoi oblasti // Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny. 2023. № 6. S. 95–117. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.6.2424> (in Russian).
12. Alpatov A.V., Mitrofanova I.V. Transformatsiya vozrastnoi modeli rozhdaemosti v regionakh Yuzhnogo federal'nogo okruga // Problemy prognozirovaniya. 2025. № 1 (208). S. 175–188. DOI: 10.47711/0868-6351-208-175-188 (in Russian).
13. Sarvarova A.D., Tupitsyn S.S., Tupitsyna L.S. Dinamika vozrastnoi modeli rozhdaemosti v dvukh regionakh Rossii // Regionologiya. 2022. T. 30. № 4. S. 924–944. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.121.030.202204.924-944> (in Russian).
14. Grigoriev K.V., Savin S.P. Izmenenie vozrastnoi modeli rozhdaemosti: sluchai Irkutskoi oblasti // Fundamental'nye issledovaniya. 2014. № 12–6. S. 1338–1342 (in Russian).
15. Smulyanskaya N.S. Klassifikatsiya regionov Rossii po vozrastnym modelyam rozhdaemosti // Region: ekonomika i sotsiologiya. 2017. № 95 (3). S. 146–157. DOI: 10.15372/REG20170307 (in Russian).
16. Spiridonov D.V., Polyakova I.G. Fenomen otlozhennogo materinstva i vspomogatel'nye reproduktivnye tekhnologii: sotsial'no-ekonomicheskie i demograficheskie aspekty // Mir Rossii. 2024. T. 33. № 3. S. 75–98. DOI: 10.17323/1811-038X-2024-33-3-75-98 (in Russian).

Индекс УДК 316.356.2 + 314.8

Код ГРНТИ 04.51

DOI: 10.22204/2587-8956-2026-125-02-44-58

**И.С. ШАПОВАЛОВА,
Ж.О. БЛАГОРОЖЕВА***

Матримониальные стратегии городской и сельской молодёжи: кто будет улучшать демографию?

Статья посвящена верификации различий в матримониальных диспозициях, жизненных планах и уровне поддержки альтернативных матримониальных идеологий среди молодёжи разных поселений. Эмпирическую базу составили результаты мониторинга социальных стратегий молодёжи, проведённого в декабре 2025 г. в Белгородской области (N = 5000; квотная выборка, репрезентирующая пол, возраст, тип поселения и территорию проживания).

Полученные результаты фиксируют доминирование традиционного матримониального типа во всех типах поселений, но определяют его преимущество для сельской молодёжи. Однако высокая брачная интенция на селе сочетается с унификацией репродуктивных норм. Также выявлен систематический разрыв между готовностью заботиться о престарелых родителях и ожиданием аналогичной заботы от собственных детей, достигающий максимальной величины в сельской местности. Альтернативные матримониальные стратегии наиболее распространены в небольших городах, что позволяет говорить о «синдроме небольшого города» как об особой зоне институционального риска.

Основные выводы статьи опровергают гипотезу о сельской молодёжи как о приоритетном демографическом ресурсе: традиционные ценностные установки на селе не конвертируются в многодетность из-за унификации репродуктивных норм и инфраструктурного дефицита, тогда как городская молодёжь, обладая ресурсами, демонстрирует рациональный переход к однодетной модели. Межпоколенческая асимметрия на селе создаёт феномен «последнего традиционного поколения», принимающего на себя обязательства перед старшими без возможности получить симметричную поддержку от младших. Политические импликации исследования требуют смещения фокуса семейно-демографической политики с географического адресата на структурные и ресурсные барьеры, которые дифференцируют молодёжь не по поселенческому, а по социально-экономическому признаку.

Ключевые слова: сельская молодёжь, городская молодёжь, матримониальные стратегии, матримониальные диспозиции, жизненные планы, жизненные стратегии

* **Шапвалова Инна Сергеевна** — доктор социологических наук, заведующая кафедрой социологии и работы с молодёжью Белгородского государственного национального исследовательского университета (НИУ БелГУ).

E-mail: shapovalova@bsuedu.ru

Благорожева Жанна Олеговна — доцент, старший преподаватель кафедры социологии и работы с молодёжью НИУ БелГУ.

E-mail: blagorozheva@bsuedu.ru

В условиях устойчивого демографического кризиса, усугублённого последствиями постсоветских трансформаций, пандемии COVID-19 и геополитической нестабильности, проблема воспроизводства населения в России приобретает характер экзистенциального вызова. Государственные меры поддержки рождаемости демонстрируют ограниченную эффективность именно потому, что апеллируют преимущественно к экономическому рационализму, игнорируя глубинные ценностные сдвиги в сфере брачного поведения. Ключевым звеном в цепи демографического будущего выступает молодёжь — та группа, чьи репродуктивные планы и матримониальные стратегии определяют конфигурацию населения на ближайшие 20–30 лет.

В общественном и политическом дискурсе устойчиво воспроизводится представление о «традиционном селе» как о резерве демографического воспроизводства. Согласно данной точке зрения, сельская среда, в меньшей степени затронутая городским индивидуализмом, ориентацией на гедонистические ценности и карьерные приоритеты, закономерно должна продуцировать более ранние браки молодёжи, приверженность многодетной модели и, соответственно, обеспечивать положительную динамику численности населения. Однако эмпирическая статистика не подтверждает этого ожидания: депопуляция на российском селе опережает аналогичные городские процессы, а уровень сельской рождаемости снижается синхронно с миграционным оттоком молодых когорт в городские агломерации.

Таким образом, проблемный узел исследования образует расхождение между приписываемой молодёжи ролью драйвера демографического возрождения и реальным, зачастую внутренне противоречивым репертуаром матримониальных стратегий. Эти стратегии различаются не столько по формальному признаку «город против села», сколько по таким параметрам, как доступность ресурсов,

степень автономии от нормативного давления и конкретная конфигурация ценностных ориентаций молодых людей. Вопрос «кто будет поднимать демографию?» приобретает не риторический, а сугубо прикладной характер: *потенциал есть и у городской, и у сельской молодёжи, но реализуется он лишь при снятии структурных ограничений, которые сегодня рассекают общество не по географическому, а по социально-экономическому признаку*. Данная статья представляет собой попытку эмпирически верифицировать эти различия и предложение неидеологизированной оценки матримониальных стратегий как предиктора демографического будущего России.

Методология и методы исследования

Тема изучения матримониальных стратегий молодёжи, под которыми мы понимаем «формируемый у молодёжи и реализуемый в определённых условиях комплекс матримониальных установок и мотивов, ценностных диспозиций, моделей поведения, жизненного планирования и выборов, связанных с матримониальными отношениями» [1], широко представлена в пространстве научного дискурса и исследовательской повестки.

Содержание большинства научных работ в данной области сосредоточено вокруг ценностных ориентаций, мотивационных компонентов и установочных комплексов, определяющих брачное поведение молодёжи. В ряде публикаций, которые можно рассматривать в качестве методологической опоры для выработки национальных подходов, анализируются семейные ценности подрастающих поколений [2], а также брачно-семейные стратегии [3, 4]. Значительный пласт исследований отведён репродуктивным установкам молодых людей. Здесь следует указать работы Т.К. Ростовской (в соавторстве с Е.А. Князьковой, 2021), Л.А. Поповой [5], а также результаты, полученные коллективом под руководством Ю.Р. Вишневого [6].

В контексте темы статьи важен аспект исследования различных групп молодёжи и их стратификационного влияния на выбор матримониальных стратегий. Безусловно, в этом отношении более всего привлекает внимание студенческая молодёжь — группа, находящаяся на фронтире перехода к реальному воспроизводству матримониальных планов [7, 8].

Исследовательский дизайн ряда научных работ строится на сравнении матримониальных планов городской и сельской молодёжи. В этом контексте можно обратить внимание на работу Т.А. Гурко и В.А. Таранченко, в которой исследуются динамика брачных установок и планов студентов и делается вывод, что тип поселения не сильно влияет на матримониальные планы студенческой молодёжи [9].

В работе А.А. Шабуновой, О.Н. Калачиковой и М.А. Груздевой также обращается внимание на то, что представления о семье и браке у городской и сельской молодёжи в целом сходны: для обеих групп характерны установки на малодетность и толерантное отношение к незарегистрированным сожительствам. Вместе с тем, по мнению указанных авторов, сельские респонденты демонстрируют большую «семейноориентированность», при создании соответствующих условий они в большей степени готовы к многодетности и более позитивно реагируют на меры государственной поддержки [10]. А.А. Вяльшина в своей научной статье отмечает стратификационные особенности того, что молодые женщины из сельской местности в большей степени ориентированы на семью, в то время как молодые мужчины из городской местности — наименее заинтересованная в семье группа [11].

Несмотря на достаточно широкую представленность темы изучения матримониальных установок молодёжи в научной периодике, есть определённый дефицит исследования жизненных стратегий относительно вариативного спектра матримониальных диспозиций, который, в том числе, включает выбор и альтер-

нативных матримониальных стратегий, с ориентацией на влияние поселенческого фактора. Целью статьи в связи с этим становится освещение полного спектра матримониальных планов молодёжи на основе поселенческой стратификации и определение рисков и прогноза для демографической ситуации при вероятностной реализации матримониальных устремлений городской и сельской молодёжи.

Для реализации цели статьи были использованы материалы мониторинга социальных стратегий молодёжи (который проводит Международный центр социологических исследований Белгородского государственного национального исследовательского университета). В статье показаны результаты исследования 2025 г. Респондентами онлайн-опроса стала региональная молодёжь Белгородской области в количестве 5000 человек, выборка квотная по отношению к полу, возрасту, типу поселения и территории проживания респондентов (районы Белгородской области). В качестве распределения типов поселений предложена градация: крупный город (от 250 тыс. человек), малый город (до 50 тыс. человек, включая посёлки городского типа) и сельское поселение (включающее посёлки, сёла, деревни и хутора).

Показателями исследовательской модели для темы статьи выступают матримониальные стратегии, элементами которых стали матримониальные диспозиции и планы молодёжи. Матримониальные диспозиции позволили разделить молодёжь на типы по принципу важности института семьи и ориентации на её традиционность. Вопросы, касающиеся жизненного планирования, были даны в табличной форме, с обязательной оценкой каждого выбора по шкале «обязательно», «желательно», «не обязательно». Инструкция к вопросу звучала следующим образом: «Насколько важно для вас в будущем предпринять следующие шаги, где “обязательно” значит, что Вы не будете считать себя состоявшимся в жизни без выполне-

ния этого условия». Результаты предыдущих исследований были отражены в публикациях коллектива [12–14].

Типы матримониальных диспозиций молодёжи города и села — приоритет выбора традиционной семьи

Основой типологизации матримониальных стратегий региональной молодёжи стало выделение групп с разными типами матримониальных диспозиций:

- «традиционный тип, отличающийся приверженностью традиционным семейным ценностям, традиционной семье и распределению ролей между мужчиной и женщиной;
- либеральный тип, показывающий определённые свободы в выборе матримониальных стратегий, вольное восприятие семьи, приверженность к альтернативным матримониальным идеологиям;
- эгоцентричный тип, для которого семья не является приоритетной ценностью, гораздо более значима ценность самореализации;
- неформальный тип, отрицающий институт семьи и брака, не считающий семью в её традиционном понимании значимой ценностью» [1].

Традиционный тип, характеризующийся безусловным приоритетом нуклеарной семьи с детьми и патриархальной ролевой структурой, является доминирующим во всех типах поселений (в среднем 61%). Однако максимальное значение данного показателя фиксируется в сельской местности и посёлках (63,1%), что на два процентных пункта превышает аналогичный показатель в крупных городах (ил. 1). Можно сказать, что традиционная матримониальная диспозиция остаётся генеральной линией для абсолютного большинства региональной молодёжи независимо от места проживания, но молодёжь сельской местности демонстрирует несколько более высокую приверженность традиционному семейному укладу, что может объясняться сохраняющейся там институциональной преемственностью,

меньшей степенью анонимности социального контроля и относительно более поздним проникновением индивидуалистических нарративов.

Либеральный тип матримониальных диспозиций, предполагающий признание важности семьи при одновременной легитимации альтернативных форм семейного устройства и свободы индивидуального выбора, представлен 26,7% опрошенных в среднем массиве. Наиболее высокие значения этого типа наблюдаются в небольших (районных) городах (27,6%) и крупных (областных) центрах (27,7%), тогда как в крупном городе он минимален (24,4%).

Стоит обратить внимание на следующее обстоятельство. Показатели либерального типа матримониальных диспозиций в небольших городах и сельской местности оказываются близки, тогда как традиционализм на селе выражен сильнее. Это даёт основание говорить о неоднородной, отчасти противоречивой картине: для сельской молодёжи одновременно фиксируются как наиболее консервативные, так и вполне либеральные установки. Одно из вероятных объяснений связано с эффектом возвратной образовательной миграции. Молодёжь, уезжавшая на учёбу в города и возвратившаяся обратно, приносит с собой либеральные нарративы, которые накладываются на местный консервативный уклад и сосуществуют с ним.

Эгоцентричный тип свойствен в среднем 7,9% опрошенных. Именно по этому показателю прослеживается наиболее чёткий градиент «город—село». Подобное распределение полностью соответствует теоретическим ожиданиям. В городской среде для молодёжи шире представлены возможности получения образования, построения карьеры, досуговой самореализации и отложенного родительства, что формирует у части молодых людей ориентацию на перенос брачно-репродуктивных событий на более поздний возраст либо на замещение их другими формами самореализации.

Ил. 1. Матримониальные диспозиции молодёжи разных типов поселений
(составлено авторами)

Сельская же среда, напротив, отличается меньшей институциональной насыщенностью в плане ресурсов саморазвития, что объективно ориентирует молодого человека на более раннюю семейную траекторию.

Неформальный тип, отрицающий институт семьи как таковой и рассматривающий брак как избыточные формальности и ограничения, является наименее распространённым во всех типах поселений (в среднем 3,7%). При этом максимальная доля приходится на крупные города (4,4%), минимальная характерна для молодёжи из сельской местности (3%). Содержательно это означает, что радикальный разрыв с институтом семьи встречается скорее как феномен мегаполисной культуры, связанный с высокой степенью анонимности, альтернативными идеологиями (чайлдфри, безбрачие и др.) и доступом к неконвенциональным нарративам. На селе даже при фактическом нежелании вступать в брак молодёжь реже артикули-

рует это в форме принципиального отрицания семейной ценности, скорее, имеет место откладывание брака по экономическим или жилищным причинам, но не его онтологическое отвержение.

Матримониальные планы молодёжи разных поселений

Представленные данные являются фрагментом более широкого исследования матримониальных диспозиций региональной молодёжи и позволяют перейти от фиксации целевых установок к анализу конкретных жизненных планов (брачных намерений, репродуктивных ожиданий и межпоколенческих солидарностей). Именно разрыв между декларируемыми ценностями и планируемыми действиями представляет собой главный эпистемологический вызов для демографической социологии: традиционные установки могут сосуществовать с низкими репродуктивными планами, тогда как либеральные ценностные ориентации – с высокими

показателями ожидаемой рождаемости при наличии соответствующих институциональных условий.

Исследовательская модель предполагала вариативность выбора для каждого элемента матримониального жизненного планирования (респонденты могли выбрать ответы «обязательно», «желательно», «не обязательно»). При анализе мы будем ориентироваться только на максимально важный выбор («обязательно»), хотя, безусловно, значение имеет и выбор «желательно». Намерение вступить в зарегистрированный брак демонстрирует отчётливый градиент «село—город»: максимальное значение фиксируется для молодёжи в сельских поселениях (63,9%), минимальное — для молодёжи крупных городов (60,2%). Данный результат коррелирует с ранее выявленным доминированием традиционного матримониального типа именно в сельской местности. Однако из этого, на первый взгляд, обнадёживающего факта нельзя делать прямых демографически оптимистических выводов. Высокая брачная интенция на селе при одновременном хроническом превышении смертности над рождаемостью, миграционном оттоке наиболее репродуктивно активных когорт и дефиците брачных партнёров (особенно для женщин) свидетельствует о феномене нереализованного брачного потенциала. Сельская молодёжь намерена вступать в брак, но объективные структурные ограничения трансформируют эти планы либо в отсроченный брак (уже за пределами активного репродуктивного возраста), либо в фактически компенсаторные формы сожительства без регистрации. Таким образом, высокая брачная интенция на селе не эквивалентна высокой брачной реализации.

Репродуктивные ожидания молодёжи представляют собой наиболее тревожный сегмент анализа. Планы «иметь одного ребёнка» занимают доминирующую позицию (в среднем 52,7%), что почти вдвое превышает доли планирующих двух (32,7%), трёх (17,1%) и более трёх

(14,9%) детей. Важно отметить, что речь идёт не об окончательном репродуктивном исходе, а о нижней планке ожиданий, при суммировании ответов перекрёстно один респондент мог выбрать несколько вариантов, однако превалирование одной модели бесспорно.

В крупных городах доля планирующих одного ребёнка (53,3%) несколько выше среднего показателя, тогда как доля планирующих двух и более детей — ниже. Городская молодёжь демонстрирует классическую для постиндустриальных обществ модель «качественного родительства»: предпочтение инвестиций в человеческий капитал одного-двух детей экспансивному многодетному поведению. Высокие издержки содержания и образования детей в городской среде, конкуренция с карьерными траекториями и жилищный вопрос формируют аттитюд репродуктивной сдержанности.

Для сельской молодёжи картина более противоречива. С одной стороны, доля планирующих двух детей максимальна (34,4%), а планирующих одного ребёнка близка к городским значениям (54,1%). С другой — доля планирующих трёх детей (15,9%) и более трёх (13,9%) в сельской местности ниже, чем в небольших городах, и сопоставима с крупными городами по позиции «более трёх». Этот факт разрушает стереотип о сельской многодетности как имманентной характеристике. Современная сельская молодёжь, даже сохраняя традиционные матримониальные ценности, перенимает репродуктивные нормы городского общества: «демографический переход» на селе практически завершён, и традиционная многодетность уступила место малодетной модели, которую не компенсирует даже более высокая брачная интенция.

Важным для целей статьи является и освещение вопросов, связанных с межпоколенческой солидарностью. Под межпоколенческой солидарностью в данном исследовании понимается система установок, предписывающих или предпо-

лагающих оказание практической помощи представителям старших и младших поколений, включая совместное проживание, уход в период немощи и финансовую поддержку. В соответствии с моделью В. Бенгстона, выделяют структурную, ассоциативную, функциональную и нормативную солидарность, и представленные эмпирические данные операционализируют две последние: функциональную (готовность к совместному проживанию и уходу) и нормативную (ожидание аналогичной помощи от собственных детей).

Так, ответы на вопросы о совместном проживании с детьми в старости и с престарелыми родителями в случае их болезни выявляют устойчивый патриархально-солидаристский паттерн: 40,5% молодёжи в среднем готовы к проживанию с нуждающимися родителями, причём максимальный показатель характерен для сельской молодёжи (42,8%). Готовность к опеке над престарелыми родителями в 2,6 раза превышает ожидания аналогичной помощи от собственных будущих детей (15,4%). Этот разрыв фиксирует феномен асимметричной межпоколенческой трансакции: молодёжь принимает на себя обязательства по отношению к старшему поколению (традиционная норма реципрокности), но не проецирует эти обязательства на будущие поколения. Таким образом, респонденты, с одной стороны, признают для себя обязательность ухода за стареющими родителями, а с другой стороны, их собственные репродуктивные ожидания не простираются далее одного-двух детей. Подобное сочетание факторов в долгой временной перспективе создаёт предпосылки для развёртывания «демографической спирали»: численность каждого нового поколения оказывается меньше предыдущего, тогда как бремя, лежащее на механизмах межпоколенческой поддержки, неуклонно растёт.

Если обратиться к показателям готовности совместно проживать с немощными или утратившими самостоятельность

пожилыми родителями, то максимальные величины обнаруживаются именно у молодёжи из сельских населённых пунктов. Повышенная склонность сельских респондентов к проживанию с нуждающимися в уходе представителями старших поколений формируется под влиянием трёх групп факторов.

К первой относятся обстоятельства *институционального порядка*. В деревне до сих пор воспроизводится расширенная семейная модель, при которой проживание нескольких поколений под одной крышей воспринимается не столько как индивидуальный выбор, сколько как нормативное предписание, подкреплённое к тому же отсутствием реальных альтернатив (дефицит учреждений стационарного социального обслуживания, труднодоступность услуг профессиональных сиделок). Отказ от подобной формы солидарности в сельском сообществе чреват серьёзными репутационными потерями.

Вторую группу формируют *экономические факторы*: низкие доходы сельского населения и высокая стоимость платного ухода делают внутрисемейную заботу единственной доступной стратегией. Кроме того, сохранение домохозяйства с пожилыми родителями позволяет молодым семьям пользоваться подсобным хозяйством и жилым пространством, что снижает экономические риски.

Третья группа представлена *ценностным аспектом*: сельская молодёжь демонстрирует более высокую приверженность традиционному матримониальному типу, компонентом которого является норма реципрокности между поколениями.

Показатель ожидания совместного проживания со своими детьми в старости демонстрирует обратную градиентность: максимальное значение получено в небольших городах (17,0%), минимальное — для сельской молодёжи. На первый взгляд, именно сельская молодёжь, наиболее приверженная традиционным ценностям, должна была бы демонстри-

Таблица

**Жизненные планы молодёжи разных поселений в реализации
матримониальных стратегий (обязательный выбор)**

Жизненные планы	Крупный город	Небольшой город	Сельское поселение	Общие данные
Жениться/выйти замуж	60,2	61,1	63,9	61,8
Иметь одного ребёнка	53,3	50,7	54,1	52,7
Иметь двух детей	31,5	31,8	34,4	32,7
Иметь трёх детей	17,4	18,1	15,9	17,1
Иметь более трёх детей	14,7	16,2	13,9	14,9
Жить совместно со своими детьми в старости	15,5	17	13,8	15,4
Жить вместе с престарелыми родителями в случае их болезни и немощи	38,0	40,3	42,8	40,5

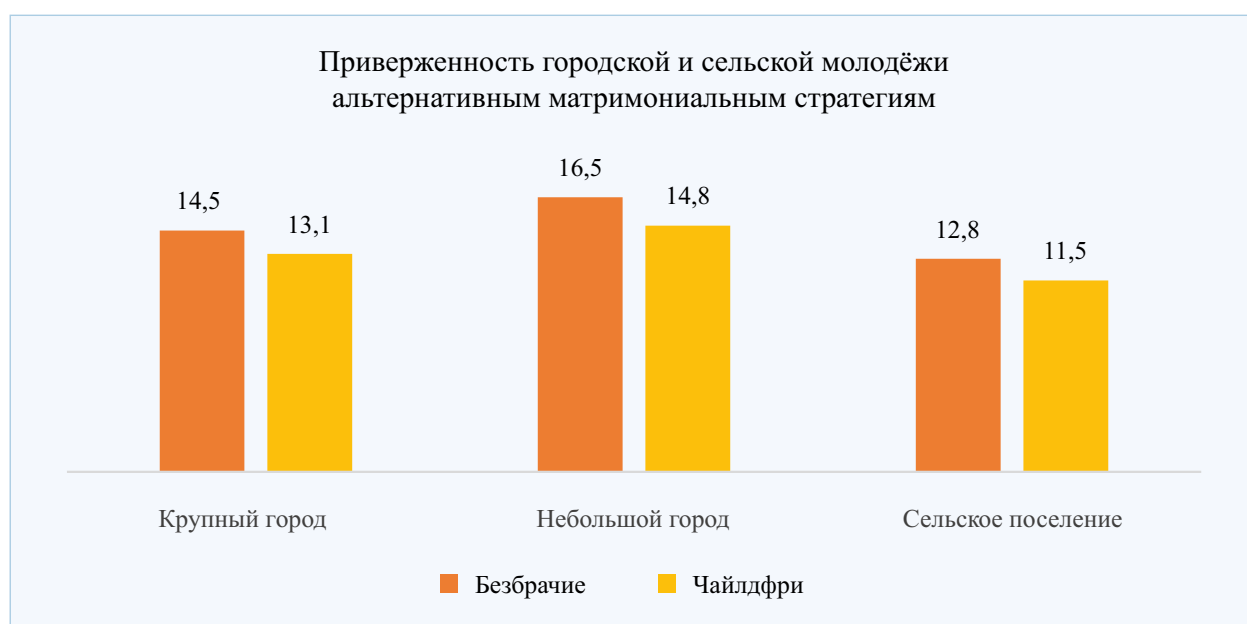
Источник: составлено авторами.

ровать самые высокие ожидания заботы от детей. Однако эмпирические данные опровергают эту гипотезу. Предлагается следующее объяснение: сельская молодёжь, планируя одного-двух детей (как показано в таблице), имплицитно осознаёт ограниченность ресурса семейной заботы в будущем. Ожидать совместного проживания в старости от единственного ребёнка, который может мигрировать в город или быть связанным собственной семьёй, — стратегия, воспринимаемая как неуверенная. Сельская молодёжь, таким образом, демонстрирует *реалистичный пессимизм* в отношении будущей межпоколенческой поддержки.

Центральный вывод, к которому подводит анализ эмпирических данных, определяет наличие устойчивого разрыва между декларируемой готовностью заботиться о родителях и ожиданием аналогичной заботы со стороны собственных детей. Соотношение этих двух показателей (первый ко второму) составляет в среднем по выборке около 2,6. Наиболее выражена эта асимметрия в сельской местности: здесь 42,8% опрошенных выражают готовность к уходу за старшим поколением против 13,8%, ожидающих ухода от детей (разрыв в соотношении достигает 3,1).

Подобное расхождение свидетельствует, на наш взгляд, о глубинной трансформации структуры межпоколенческих

обязательств, которую правомерно интерпретировать в понятийных рамках концепции «сжатия солидарности». Молодые люди признают за собой долг перед представителями старших поколений, но при этом не проецируют аналогичные обязательства на будущее. В такой асимметрии нет оснований усматривать сугубо эгоцентрическую мотивацию. Она скорее воспроизводит объективное противоречие между, с одной стороны, всё ещё действующей нормативной системой, предписывающей заботу о немощных родителях, и, с другой стороны, изменившимися демографическими реалиями (прежде всего малодетностью и высокой географической мобильностью), которые делают полноценную симметричную реципрокность между поколениями практически неосуществимой. Максимальный разрыв такой солидарности в сельской местности свидетельствует о наиболее остром институциональном конфликте: традиционная норма заботы о родителях здесь сохраняется в более сильной форме, тогда как репродуктивные планы (как показано в предыдущем анализе) уже не обеспечивают будущего ресурса для аналогичной заботы. Сельская молодёжь оказывается в позиции «последнего традиционного поколения», она будет выполнять обязательства перед своими родителями, но не сможет (и, по-видимо-

Ил. 2. Выбор альтернативных матримониальных стратегий молодёжью разных типов поселений, %
(Источник: составлено авторами)

му, не ожидает) получить аналогичную поддержку от собственных детей.

Анализ распространённости альтернативных матримониальных стратегий среди городской и сельской молодёжи

Под альтернативными матримониальными стратегиями в данном анализе понимаются социально значимые модели поведения, отклоняющиеся от институционализированной траектории, самые важные из которых — это брак и рождение детей. Здесь, говоря об альтернативных стратегиях, мы имеем в виду сознательное безбрачие (отказ от поиска партнёра и вступления в зарегистрированный брак как долгосрочная жизненная стратегия) и идеологию чайлдфри (сознательный отказ от рождения детей при сохранении партнёрских отношений либо при любых обстоятельствах). Данные стратегии представляют собой наиболее радикальные формы дестандартизации семейно-брачного жизненного цикла и маркируют границы распространения индивидуалистических ценностей в молодёжной среде (подробнее о выборе альтернативных

стратегий молодёжью можно прочитать в статьях авторского коллектива [15]).

В исследовательском дизайне респондентам был предложен вопрос «Поддерживаете ли Вы данные взгляды и идеологии?», ответы на который позволяли выяснить не только уровень поддержки, но и определить приверженность молодёжи данным матримониальным альтернативам (ответы: «Полностью поддерживаю, являюсь приверженцем», «Поддерживаю частично, главное, чтобы меня не касалось», «Не поддерживаю вообще», «Затрудняюсь ответить»). На данном этапе анализа мы будем рассматривать только максимально положительные ответы, чтобы определить уровень приверженности этим теориям среди региональной молодёжи (ил. 2).

Наиболее высокий показатель выбора стратегии безбрачия фиксируется в небольших городах (16,5%), наиболее низкий — для сельской молодёжи (12,8%), тогда как крупные города занимают среднюю позицию. Повышенная доля безбрачных установок в малых городах при сравнительно более низких показателях в крупных городах и на селе представля-

ет собой нетривиальный результат, требующий содержательной экспликации. Возможно, для небольших городов характерна структурная асимметрия брачного рынка: наиболее образованные и мобильные когорты молодёжи (как мужчин, так и женщин) мигрируют в областные центры, тогда как оставшаяся часть сталкивается с ограниченным кругом потенциальных партнёров при сохранении высоких стандартов партнёрского выбора, сформированных под влиянием масс-медиа и социальных сетей. В результате часть молодёжи предпочитает стратегию безбрачия как «второй лучший» вариант (по терминологии П. Штомпки), как компромисс между неспособностью найти приемлемого партнёра и нежеланием снижать критерии выбора.

Также актуальной может быть и гипотеза аномии. Небольшие города переживают наиболее острый институциональный разрыв между распадом традиционной системы брачных практик (сватовство, посредничество старших) и несформированностью альтернативных механизмов знакомств (развитая цифровая инфраструктура онлайн-дейтинга характерна для крупных городов, тогда как в райцентрах её проникновение ниже). Эта институциональная пустота продуцирует фрустрацию и отказ от брачного поиска.

Вместе с этим минимальный уровень безбрачных установок на селе не должен трактоваться как однозначно позитивный индикатор. Скорее, он отражает сохраняющееся социальное давление в пользу брака, как феномен матримониального принуждения, при котором даже при отсутствии внутренней мотивации к браку открытое декларирование безбрачия является социально неодобряемым. Сельская молодёжь может скрывать безбрачные установки или не рефлексировать их как осознанную стратегию, оставаясь в латентном статусе «не нашедших партнёра» без формирования идентичности добровольно безбрачного субъекта.

Если рассматривать распространённость идеологии чайлдфри среди молодёжи, то здесь, в отличие от безбрачия, прослеживаются достаточно отчётливые различия между молодёжью разных поселений. При усреднённом значении 13,1% сельская молодёжь демонстрирует наименьшую вовлечённость в данную репродуктивную альтернативу, тогда как пик показателя вновь приходится на небольшие города.

Чайлдфри как система взглядов основана на рефлексивном отказе от родительства как нормативного жизненного сценария. Такая позиция требует, во-первых, сравнительно высокого образовательного уровня, во-вторых, доступа к неконвенциональным дискурсам (включая феминистическую, экзистенциальную, экологическую аргументацию) и, в-третьих, относительной независимости от традиционных институтов, осуществляющих социальный контроль. Крупные города, концентрирующие образовательные ресурсы и многообразие стилей жизни, в силу перечисленных причин закономерно имеют более высокую долю приверженцев чайлдфри по сравнению с сельской местностью. Тем не менее максимальное значение, зафиксированное в малых городах (14,8%), ставит под сомнение линейную гипотезу, согласно которой чем больше населённый пункт, тем шире распространение альтернативных матримониальных установок. Одно из правдоподобных объяснений заключается в следующем. Небольшие города зачастую выступают местом оседания мигрирующей сельской молодёжи, уже порвавшей с традиционным укладом, но ещё не адаптировавшейся к городским механизмам в полной мере. Для этой категории молодёжи декларация чайлдфри может служить способом символического дистанцирования от прежней среды, маркером отличия от родительской модели семьи. В крупных же городах, где альтернативная культура уже устоялась и институционализировалась, идентичность чайлдфри требует более развёрнутого

обоснования и сопряжена с большими издержками её поддержания.

Заключение

Эмпирические данные однозначно опровергают гипотезу о сельской молодёжи как «демографическом спасательном круге»: высокая брачная интенция на селе не конвертируется в многодетность из-за унификации репродуктивных норм с городскими и инфраструктурного дефицита. Городская молодёжь, обладая ресурсами, демонстрирует целенаправленный переход к однодетной модели как рациональной стратегии в условиях высокой конкуренции за статус и качество жизни. Без преодоления разрыва между традиционными ценностными установками и либеральными репродуктивными практиками ни город, ни село не обеспечат демографического подъёма.

Межпоколенческая солидарность, фиксируемая через готовность к совместно-му проживанию и уходу, по-прежнему наиболее сильно выражена в сельской местности, но именно здесь асимметрия между «обязательствами перед прошлым» и «ожиданиями от будущего» достигает максимальной величины. Сельская молодёжь оказывается наиболее социально ответственна по отношению к старшему поколению и одновременно наиболее уязвима в долгосрочной перспективе, поскольку не имеет демографического ресурса для получения симметричной поддержки.

У городской молодёжи, при внешне более скромных показателях солидарности, обнаруживаются два компенсирующих обстоятельства. Во-первых, спектр практикуемых форм помощи здесь шире и не ограничивается совместным проживанием. Во-вторых, более высокий уровень доходов позволяет прибегать к оплачиваемому формальному уходу. Следовательно, парадокс межпоколенческой солидарности можно сформулировать так: наиболее выраженная нормативная солидарность (характерная для молодёжи

сельских поселений) соседствует с наименьшими ресурсными возможностями для её будущей реализации, тогда как внешне ослабленная солидарность (свойственная городской молодёжи) подкрепляется большими ресурсными возможностями для замещения неформальной заботы формальной.

Говоря о выборе альтернативных матримониальных стратегий, становится очевидно, что молодёжь сельских территорий демонстрирует минимальные показатели по обоим выборам (и безбрачие, и чайлдфри), что формально делает сельскую молодёжь наименее подверженной радикальным альтернативам. Однако это сочетается с доминированием однодетной репродуктивной модели, что в итоге не создаёт демографического преимущества. Наиболее тревожным является синдром небольшого города: именно здесь фиксируются максимальные показатели для матримониальных альтернатив. Небольшие города, не обладая компенсаторными механизмами крупных агломераций (высокая мобильность, развитая инфраструктура знакомств, психологическая поддержка) и утратив защитные механизмы традиционной сельской общины, формируют среду, наиболее благоприятную для институционализации альтернативных матримониальных стратегий. Этот вывод имеет прямое политическое измерение: районные центры, традиционно выпадавшие из фокуса семейно-демографической политики (уступая внимание либо мегаполисам, либо селу), оказываются наиболее уязвимой группой.

В связи с планируемыми молодёжью разных поселений жизненными траекториями можно говорить о демографических перспективах и прогнозах. В качестве потенциалов для развития демографии стоит отметить сохранение высокой брачной интенции, особенно в сельской местности, что означает наличие нереализованного институционального спроса на брак, который при целенаправленной политике может быть конвертирован

в репродуктивное поведение. Высокая готовность к межпоколенческой поддержке свидетельствует о сохранении семейных связей как ресурса социальной устойчивости, который может быть задействован для снижения издержек родительства (бабушки и дедушки как агенты неформального ухода).

Экстраполяция выявленных паттернов на горизонт 2040–2050 гг. позволяет сформулировать следующие прогностические тезисы:

- деурбанизации репродуктивного поведения не произойдёт: сельская молодёжь будет воспроизводить городские репродуктивные нормы, а наиболее репродуктивно ориентированные когорты продолжат мигрировать в агломерации, где их потенциал будет нивелирован городскими издержками;
- демографическое сжатие затронет сельские территории наиболее остро: при формально более высокой брачной и двухдетной интенции абсолютное число молодых людей на селе будет сокращаться из-за миграционного оттока, так что вклад села в общую рождаемость продолжит падать.

Выявленные риски требуют институциональных решений, адресующих структурные барьеры. Для городской молодёжи

важно преодоление барьера в качестве жизни: внедрение сертификатов на жильё под второго и третьего ребёнка, привязанных не к ипотеке, а к найму (для снижения дискриминации семей с детьми на рынке аренды); субсидирование мест в частных детских садах и продлёнках для снятия конфликта «карьера или уход за ребёнком», особенно актуального для городских матерей с высоким уровнем образования; формирование позитивного дискурса двух-трёхдетности через социальную рекламу и включение соответствующих сценариев в кинопродукцию и образовательные программы. Для сельской молодёжи речь идёт, скорее, о преодолении ресурсного дефицита: это могли бы быть программы возвратной миграции (предоставление жилищных сертификатов молодым семьям, переезжающим из городов на село при условии рождения третьего ребёнка в течение пяти лет); развитие мобильных форм дошкольного образования и телемедицины для снятия инфраструктурного дефицита (основного фактора оттока семей с детьми из села); создание сельских семейных кластеров (объединений 5–10 семей с коллективным уходом за детьми и взаимопомощью) с государственным софинансированием, что позволит снизить издержки многодетности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шаповалова И.С., Благорожева Ж.О. Матримониальные стратегии региональной молодёжи: типология, диспозиции, динамика // Интеграция образования. 2025. Т. 29. № 4. С. 711–733. DOI: 10.15507/1991-9468.029.202504.711-733. EDN: TWDSOI.
2. Вержибок Г.В. Семейные ценности студенческой молодёжи как матрица построения будущего // Южно-российский журнал социальных наук. 2018. Т. 19. № 3. С. 75–95. EDN: YA/FSP.
3. Ростовская Т.К., Шабунова А.А., Калачикова О.Н. Брачно-семейные представления студенческой молодёжи: по результатам авторского исследования // Женщина в российском обществе. 2023. № 3. С. 31–42. DOI: 10.21064/WinRS.2023.3.3. EDN: IVVVAZ.
4. Семенцова К.Р. Брачно-семейное поведение молодёжи в современном российском обществе: установки и ценности // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2022. Т. 12. № 4. С. 109–113. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-4-109-113. EDN: WKLLZX.
5. Попова Л.А. Репродуктивные установки молодых реальных поколений в условиях усиления мер демографической политики // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2022. № 2. С. 95–111. DOI: 10.15593/2224-9354/2022.2.7. EDN: NBCSGD.

6. Вишневский Ю.Р., Дидковская Я.В., Зырянова О.Б. Матримониальные и репродуктивные установки молодёжи в контексте безопасности молодой семьи // *Женщина в российском обществе*. 2024. № 1. С. 40–55. DOI: 10.21064/WinRS.2024.1.3. EDN: BRHDYG.
7. Поленова М.Е., Лазуренко Н.В., Подпороина Н.Н., Королёва К.Ю. Матримониальное поведение студенческой молодёжи в контексте изучения социального здоровья (гендерный аспект) // *Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины*. 2023. Т. 31. № 1. С. 765–773. DOI: 10.32687/0869-866X-2023-31-s1-765-773. EDN: VZYRHE.
8. Ростовская Т.К., Князькова Е.А. Репродуктивные установки в российском обществе: по данным всероссийского социологического исследования // *Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ)*. Серия: Социально-экономические науки. 2021. Т. 14. № 2. С. 121–129. DOI: 10.17213/2075-2067-2021-2-121-129. EDN: MIPPYF.
9. Гурко Т.А., Тарченко В.С. Динамика брачных установок и планов студентов // *Социологические исследования*. 2019. № 7. С. 102–113. DOI: 10.31857/S013216250005797-9. EDN: IQARLC.
10. Шабунова А.А., Калачикова О.Н., Груздева М.А. Сельская и городская молодёжь: социокультурные разрывы сохраняются? // *Народонаселение*. 2022. Т. 25. № 2. С. 39–51. DOI: 10.19181/population.2022.25.2.4. EDN: QMWDZZ.
11. Вяльшина А.А. Отношение студентов к детям и родительству: гендерные и сельско-городские сопоставления // *Народонаселение*. 2024. № 1. С. 132–146. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-S1-132-146. EDN: BHHCXW.
12. Шаповалова И.С., Заводян И.С. Молодёжное социоселфи: социальные стратегии региональной молодёжи // *Регионология*. 2024. Т. 32. № 4 (129). С. 768–792. DOI: 10.15507/2413-1407.129.032.202404.768-792. EDN: ZBBIWU.
13. Кисиленко А.В., Шаповалова И.С. Проектирование жизненного пути или каким молодёжь видит своё будущее? // *Социологические исследования*. 2023. № 2. С. 83–94. DOI: 10.31857/S013216250024385-6. EDN: ODCAGO.
14. Благорожева Ж.О. Семейные стратегии региональной молодёжи // *Научный результат. Социология и управление*. 2022. Т. 8. № 3. С. 91–102. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-7. EDN: BXYIMU.
15. Благорожева Ж.О., Шаповалова И.С. Влияние альтернативных ценностей и установок на матримониальные стратегии молодёжи // *Социальная политика и социология*. 2024. Т. 23. № 2 (151). С. 30–39. DOI: 10.17922/2071-3665-2024-23-2-30-39. EDN: HTXQXM.

Matrimonial Strategies of Urban and Rural Youth: Who Will Improve Demography?

Shapovalova Inna Sergeevna — Doctor of Sociological Sciences, Head of the Department of Sociology and Youth Work, Belgorod State National Research University (BelSU).

E-mail: shapovalova@bsuedu.ru

Blagorozheva Zhanna Olegovna — Associate Professor, Senior Lecturer at the Department of Sociology and Youth Work, BelSU.

E-mail: blagorozheva@bsuedu.ru

The article is devoted to verifying differences in matrimonial dispositions, life plans, and the level of support for alternative matrimonial ideologies among young people from different types of settlements. The empirical basis consists of the results of monitoring youth social strategies conducted in December 2025 in Belgorod Oblast (N = 5,000; quota sample representing sex, age, type of settlement, and territory of residence).

The results show the dominance of the traditional matrimonial type across all types of settlements, while confirming its greater prevalence among rural youth. However, strong marital

intentions in rural areas coexist with the unification of reproductive norms. A systematic gap is also identified between readiness to care for elderly parents and expectations of similar care from one's own children; this gap reaches its maximum in rural areas. Alternative matrimonial strategies are most widespread in small towns, which makes it possible to speak of a "small-town syndrome" as a specific zone of institutional risk.

The main conclusions of the article refute the hypothesis that rural youth constitute a priority demographic resource: traditional value orientations in rural areas are not converted into larger families because of the unification of reproductive norms and infrastructure deficits, whereas urban youth, possessing resources, demonstrate a rational transition to a one-child model. Inter-generational asymmetry in rural areas creates the phenomenon of the "last traditional generation", which assumes obligations toward elders without the possibility of receiving symmetrical support from younger generations. The policy implications of the study require shifting the focus of family and demographic policy from a geographical target group to structural and resource barriers that differentiate young people not by settlement type but by socio-economic characteristics.

Keywords: rural youth, urban youth, matrimonial strategies, matrimonial dispositions, life plans, life strategies

REFERENCES

1. Shapovalova I.S., Blagorozheva Zh.O. Matrimonial'nye strategii regional'noi molodyozhi: tipologiya, dispoziitsii, dinamika // Integratsiya obrazovaniya. 2025. T. 29. № 4. S. 711–733. DOI: 10.15507/1991-9468.029.202504.711-733. EDN: TWDSOI (in Russian).
2. Verzhibok G.V. Semeinye tsennosti studencheskoi molodyozhi kak matritsa postroeniya budushchego // Yuzhno-rossiiskii zhurnal sotsial'nykh nauk. 2018. T. 19. № 3. S. 75–95. EDN: YAJFSP (in Russian).
3. Rostovskaya T.K., Shabunova A.A., Kalachikova O.N. Brachno-semeinye predstavleniya studencheskoi molodyozhi: po rezul'tatam avtorskogo issledovaniya // Zhenshchina v rossiiskom obshchestve. 2023. № 3. S. 31–42. DOI: 10.21064/WinRS.2023.3.3. EDN: IVVVAZ (in Russian).
4. Sementsova K.R. Brachno-semeinoye povedenie molodyozhi v sovremennom rossiiskom obshchestve: ustanovki i tsennosti // Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta. 2022. T. 12. № 4. S. 109–113. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-4-109-113. EDN: WKLLZX (in Russian).
5. Popova L.A. Reproktivnye ustanovki molodykh real'nykh pokolenii v usloviyakh usileniya mer demograficheskoi politiki // Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Sotsial'no-ekonomicheskie nauki. 2022. № 2. S. 95–111. DOI: 10.15593/2224-9354/2022.2.7. EDN: NBCSGD (in Russian).
6. Vishnevskii Yu.R., Didkovskaya Ya.V., Zyryanova O.B. Matrimonial'nye i reprodktivnye ustanovki molodyozhi v kontekste bezopasnosti molodoi sem'i // Zhenshchina v rossiiskom obshchestve. 2024. № 1. S. 40–55. DOI: 10.21064/WinRS.2024.1.3. EDN: BRHDYG (in Russian).
7. Polenova M.E., Lazurenko N.V., Podporinova N.N., Korolyova K.Yu. Matrimonial'noye povedenie studencheskoi molodyozhi v kontekste izucheniya sotsial'nogo zdorov'ya (gendernyi aspekt) // Problemy sotsial'noi gigieny, zdavookhraneniya i istorii meditsiny. 2023. T. 31. № 1. S. 765–773. DOI: 10.32687/0869-866X-2023-31-s1-765-773. EDN: VZYRHE (in Russian).
8. Rostovskaya T.K., Knyaz'kova E.A. Reproktivnye ustanovki v rossiiskom obshchestve: po dannym vs Rossiiskogo sotsiologicheskogo issledovaniya // Vestnik Yuzhno-Rossiiskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta (NPI). Seriya: Sotsial'no-ekonomicheskie nauki. 2021. T. 14. № 2. S. 121–129. DOI: 10.17213/2075-2067-2021-2-121-129. EDN: MIPPYF (in Russian).
9. Gurko T.A., Tarchenko V.S. Dinamika brachnykh ustanovok i planov studentov // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2019. № 7. S. 102–113. DOI: 10.31857/S013216250005797-9. EDN: IQARLC (in Russian).

10. Shabunova A.A., Kalachikova O.N., Gruzdeva M.A. Sel'skaya i gorodskaya molodyozh': sotsiokul'turnye razryvy sokhranyayutsya? // Narodonaselenie. 2022. T. 25. № 2. S. 39–51. DOI: 10.19181/population.2022.25.2.4. EDN: QMWDZZ (in Russian).
11. Vyal'shina A.A. Otnoshenie studentov k detyam i roditel'stvu: gendernye i sel'sko-gorodskie sopostavleniya // Narodonaselenie. 2024. № 1. S. 132–146. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-S1-132-146. EDN: BHHCXW (in Russian).
12. Shapovalova I.S., Zavodyan I.S. Molodyozhnoe sotsioselfi: sotsial'nye strategii regional'noi molodyozhi // Regionologiya. 2024. T. 32. № 4 (129). S. 768–792. DOI: 10.15507/2413-1407.129.032.202404.768-792. EDN: ZBBIWU (in Russian).
13. Kisilenko A.V., Shapovalova I.S. Proektirovanie zhiznennogo puti ili kakim molodyozh' vidit svoyo budushchee? // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2023. № 2. S. 83–94. DOI: 10.31857/S013216250024385-6. EDN: ODCAGO (in Russian).
14. Blagorozheva Zh.O. Semeinye strategii regional'noi molodyozhi // Nauchnyi rezul'tat. Sotsiologiya i upravlenie. 2022. T. 8. № 3. S. 91–102. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-7. EDN: BXYIMU (in Russian).
15. Blagorozheva Zh.O., Shapovalova I.S. Vliyanie al'ternativnykh tsennostei i ustanovok na matri-monial'nye strategii molodyozhi // Sotsial'naya politika i sotsiologiya. 2024. T. 23. № 2 (151). S. 30–39. DOI: 10.17922/2071-3665-2024-23-2-30-39. EDN: HTXQXM (in Russian).

Индекс УДК 314.642

Код ГРНТИ 05.11.25, 05.21.23

DOI: 10.22204/2587-8956-2026-125-02-59-70

**О.В. КУЧМАЕВА,
Е.Н. ВАСИЛЬЕВА,
Е.А. КНЯЗЬКОВА***

Социально-экономическое положение одиноких граждан в России: специфика и демографические тренды

В работе на основании данных Всероссийских переписей населения за 2002, 2010, 2020 гг. фиксируются демографические тренды увеличения доли домохозяйств, состоящих из одного человека, что связано с ростом доли граждан, никогда не состоящих в браке и вдовых. Указанные тенденции необходимо анализировать, так как снижение брачности в трудоспособных возрастах ведёт к снижению рождаемости и в перспективе — к увеличению коэффициента демографической нагрузки пожилыми, а также к росту социальных обязательств государства по предоставлению социальной поддержки и услуг одиноко проживающим гражданам. На основе данных Комплексного наблюдения условий жизни населения 2024 (КОУЖ-2024) охарактеризовано социально-экономическое положение домохозяйств, состоящих из одного человека. Выявлено, что в возрастных группах до 55 лет одинокое проживание характеризуется высоким качеством жизни, в возрастных старше 55 лет ситуация не так однозначна и зависит от наличия детей, проживающих отдельно. Охарактеризованы межпоколенческие трансферты между домохозяйствами детей и родителей, которые являются основой повышения качества жизни сначала детей за счёт родителей, а далее, наоборот, родителей за счёт укрепивших материальное положение детей. Сформулированы предложения о необходимости транслировать модель рационального развития домохозяйств в условиях увеличения средней продолжительности жизни, поддерживать установки на брачность и рождаемость.

Ключевые слова: демография; брачность; дети; домохозяйства, состоящие из одного человека; одинокие граждане; вдовы; доход домохозяйства; социально-экономическое положение

* **Кучмаева Оксана Викторовна** — доктор экономических наук, главный научный сотрудник Института социальной демографии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (ИСД ФНИСЦ РАН).

E-mail: kuchmaeva@yandex.ru

Васильева Екатерина Николаевна — доктор социологических наук, главный научный сотрудник ИСД ФНИСЦ РАН.

E-mail: vasilievaen@yandex.ru

Князькова Екатерина Александровна — кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник ИСД ФНИСЦ РАН.

E-mail: eapavlova@bk.ru

В современном мире растёт актуальность исследования домохозяйств, состоящих из одного человека. В научной терминологии такие домохозяйства принято называть домохозяйствами-одиночек. Домохозяйства, состоявшие из одного человека, являются разными по основанию: это одинокие граждане, никогда не состоявшие в браке, разведённые и вдовы, не имеющие детей (никогда не было детей или дети умерли), и граждане, не состоящие в браке, вдовы и разведённые, имеющие детей, которые проживают отдельно. В результате важным основанием для различения двух групп домохозяйств-одиночек служит наличие или отсутствие детей.

Основной демографический тренд во многих странах — это увеличение доли одиночек в структуре домохозяйств. Так, в Канаде доля домохозяйств, состоящих из одного человека, составляет 27,6%; в США — 26,7%; в Великобритании — 29,4%; в Нидерландах — 36,9%; в Финляндии — 41% [1]. Зарубежные исследования направлены на анализ социально-экономического положения одиночек, исследуются структура доходов и расходов [2], потребительское поведение, например использование транспортных средств [1], выгоды или их отсутствие от совместного ведения хозяйства [3].

Повышается число одиноких домохозяйств и в нашей стране [4–6]. Российские учёные выделяют следующие причины данного демографического тренда: отложенные брачность и рождаемость, в результате которых брак в ряде случаев так и не заключается, а дети не рождаются [7, 8]. Некоторые учёные связывают сокращение доли браков с цифровизацией общества, которая ведёт к трансформации социальных связей [9]. Следующая причина — повышение уровня жизни и рационализация экономических стратегий, так как доходы выше у домохозяйств, состоящих из 1, 2 человек [3].

Результатом обсуждения изменения структуры населения российских до-

мохозяйств, рисков повышения коэффициента демографической нагрузки пожилыми, а также прогнозирования роста социальных обязательств государства по предоставлению социальной поддержки и услуг одиноко проживающим гражданам выступает артикуляция в общественном дискурсе идеи вернуть налог на бездетность, существовавший в СССР [10]. Таким образом, повышается актуальность исследования социально-демографических и экономических параметров домохозяйств, состоящих из одного человека. В то же время необходимо сформулировать проблему исследования в рамках теории ограниченной рациональности Г. Саймона [11], Д. Канемана, А. Тверски [12]. Действительно ли одинокое проживание является рациональной, наиболее эффективной стратегией поведения? Какие факторы не учитываются акторами? Информационной базой исследования стали данные Всероссийских переписей населения за 2002, 2010, 2020 гг. и Комплексного наблюдения условий жизни населения 2024 (КОУЖ-2024). Цель исследования — охарактеризовать социально-демографические и экономические параметры российских домохозяйств, состоящих из одного человека.

Социально-экономическое положение домохозяйств, состоящих из одного человека

Демографические особенности домохозяйств, состоящих из одного человека

Анализ данных Всероссийских переписей населения за 2002, 2010, 2020 гг. позволил зафиксировать, что в современной России увеличиваются как доля никогда не состоявших в браке в возрасте старше 40 лет, особенно среди мужчин, так и доля вдовых в возрасте старше 70 лет — прежде всего, женщин (табл. 1, 2).

Эти тенденции влияют на рост числа одиноко проживающих граждан и их половозрастную структуру (ил. 1).

Особенно значительно рост вдовства прослеживается для российских женщин,

Таблица 1

Доля никогда не состоявших в браке в возрастах 40–55 лет, по данным переписей населения 2002–2020 гг.¹, на 1000 человек соответствующего пола и возраста

Переписи	Все население		Мужчины		Женщины	
	В возрасте, лет		В возрасте, лет		В возрасте, лет	
	40–44	50–54	40–44	50–54	40–44	50–54
2002	61	41	70	40	51	43
2010	71	42	79	64	55	41
2020	92	60	104	64	80	55

Таблица 2

Доля вдовых в возрастах старше 50 лет, по данным переписей населения 2002–2020 гг.², на 1000 человек соответствующего пола и возраста

	Возраст, лет					
	50–54	55–59	60–64	65–69	70–74	75 и более
2002						
<i>Всё население</i>						
Мужчины	31	47	86	118	246*	
Женщины	136	204	324	425	658*	
<i>Городское население</i>						
Мужчины	31	47	86	118	252*	
Женщины	133	198	318	420	659*	
<i>Сельское население</i>						
Мужчины	31	48	85	117*	233*	
Женщины	148	225	339	437	656*	
2010						
<i>Всё население</i>						
Мужчины	27	42	71	116	251*	
Женщины	125	197	297	429	653*	
<i>Городское население</i>						
Мужчины	27	41	71	114	248*	
Женщины	120	191	290	416	641*	

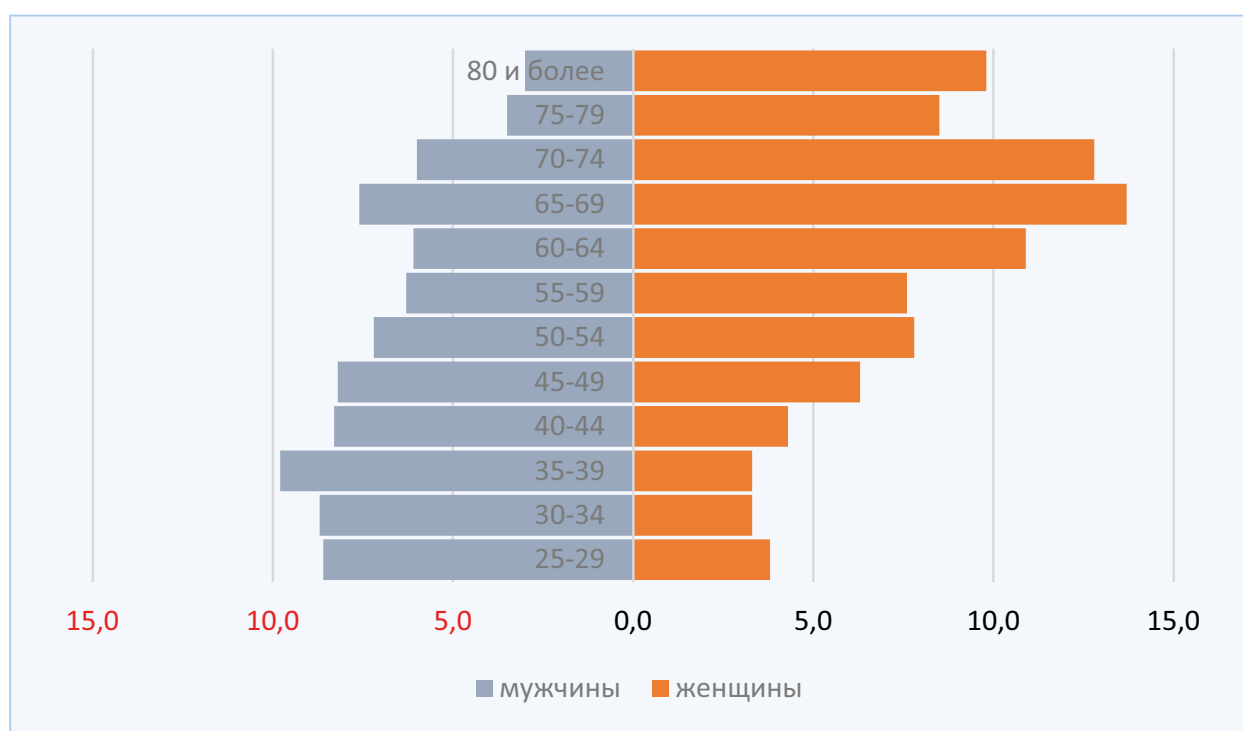
¹ Данные переписи населения 2002 г. Таблица «Население по полу, возрастным группам и состоянию в браке» https://perepis2002.ru/index.html_id=31.html; Данные переписи населения 2010 г. Таблица «Население по возрастным группам, полу и состоянию в браке по субъектам Российской Федерации» https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm; Данные переписи населения 2020 г. Таблица «Население по возрасту, полу и состоянию в браке по субъектам Российской Федерации» https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom2_Vozrastno_polovoj_sostav_i_sostoyanie_v_brake.

² Данные переписи населения 2002 г. Таблица «Население по полу, возрастным группам и состоянию в браке» https://perepis2002.ru/index.html_id=31.html; Данные переписи населения 2010 г. Таблица «Население по возрастным группам, полу и состоянию в браке по субъектам Российской Федерации» https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm; Данные переписи населения 2020 г. Таблица «Население по возрасту, полу и состоянию в браке по субъектам Российской Федерации» https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom2_Vozrastno_polovoj_sostav_i_sostoyanie_v_brake.

Продолжение табл. 2

	Возраст, лет					
	50–54	55–59	60–64	65–69	70–74	75 и более
<i>Сельское население</i>						
Мужчины	28	45	73	121	258*	
Женщины	141	217	319	467	682*	
2020						
<i>Всё население</i>						
Мужчины	21	34	62	93	156	291
Женщины	68	118	200	292	427	627
<i>Городское население</i>						
Мужчины	20	32	59	89	151	270
Женщины	59	103	183	271	404	583
<i>Сельское население</i>						
Мужчины	23	38	67	104	170	358
Женщины	98	159	247	357	508	763

Примечание: * 70 лет и старше.

Ил. 1. Половозрастная пирамида одиноких россиян, 2024

Рассчитано по данным КОУЖ-2024. https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/GKS_KOUZH_2024/index.html

проживающих в сельской местности, что связано с большим разрывом в продолжительности жизни мужчин и женщин. В выборке КОУЖ-2024 доля домохозяйств одиноких людей составляет 33,3%

всех российских домохозяйств. Среди одиноких людей наблюдаются различия в брачном состоянии (табл. 3). Основные группы — это вдовы (вдовцы) — прежде всего женщины, и лица, никогда

Таблица 3

Состояние в браке лиц, проживающих одиноко, %¹

Брачное состояние	Все	Мужчины	Женщины
Вдовец/вдова	38,0	18,6	48,5
Разведён(а)	27,6	29,7	26,6
Разошёлся(лась)	3,9	5,3	3,1
Никогда не состоял(а) в браке	30,5	46,4	21,8
Итого	100,0	100,0	100,0

Таблица 4

Состояние в браке лиц, проживающих одиноко, %²

Возраст, лет	Всё население	Мужчины	Женщины
25–29	5,5	8,6	3,8
30–34	5,2	8,7	3,3
35–39	5,6	9,8	3,3
40–44	5,7	8,3	4,3
45–49	7,0	8,2	6,3
50–54	7,6	7,2	7,8
55–59	7,2	6,3	7,6
60–64	9,2	6,1	10,9
65–69	11,5	7,6	13,7
70–74	10,4	6,0	12,8
75–79	6,8	3,5	8,5
80 и более	7,4	3,0	9,8

не состоявшие в браке — большей частью мужчины.

Структура одиноких россиян представлена разными возрастными группами (ил. 1, табл. 4). Однако существуют определённые различия в зависимости от пола. Среди мужчин в большей степени присутствуют лица молодых возрастов (до 45 лет). Максимальная доля женщин среди одиноких наблюдается в возрастных группах старше 60 лет. Среди мужчин основной категорией являются лица, никогда не состоявшие в браке — 46,2%, что свидетельствует о распространении модели образа жизни холостяка.

Значительную долю также занимают разведённые мужчины — 29,6%. В про-

тивоположность этому среди женщин-одиночек преобладают вдовы, составляющие 48,4% от общей численности женщин, что обусловлено более высокой продолжительностью их жизни. Разведённые женщины составляют 26,6%, тогда как доля никогда не состоявших в браке женщин более чем вдвое ниже, чем у мужчин, — лишь 21,8%.

Социально-экономическая специфика положения одиноких россиян

При анализе возрастной структуры одиноких домохозяйств выявляется, что среди мужчин 72,2% находятся в трудоспособном возрасте, тогда как среди женщин, напротив, 53,2% составляют лица старше трудоспособного возраста. Это

¹ Рассчитано по данным КОУЖ-2024. https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/GKS_KOUZH_2024/index.html.

² Там же.

Таблица 5

Состояние в браке лиц, проживающих одиноко, %¹

Были ли Вы в течение последних 12 месяцев	Доля ответивших «да», %	Средний возраст, лет
В кино	31,0 (29,6)*	37,92 (нет — 60,96)**
В театре	16,6 (14,3)	47,41 (нет — 55,04)
На концерте	25,3 (21,6)	46,7 (нет — 56,19)
В музее	12,0 (9,9)	46,37 (нет — 54,78)
В ресторане, кафе	44,6 (42,1)	32,42 (нет — 63,12)
В религиозном учреждении	27,1 (20,3)	60,35 (нет — 51,29)
На спортивном мероприятии	14,4 (14,0)	37,46 (нет — 56,53)

Примечания: * в скобках представлены данные в целом по совокупности опрошенных; ** в скобках представлен средний возраст одиноких лиц, не посещающих учреждения досуга и культуры.

распределение коррелирует с данными о занятости и экономическом положении женщин и мужчин: средний доход домохозяйства мужчин-одиночек составляет (по данным КОУЖН за 2024 г.) 62 247,27 руб., что существенно выше, чем женщин-одиночек — 48 753,97 руб., при этом граница бедности у мужчин также выше.

Среднее число часов работы в неделю для одиноких мужчин, занятых в экономике, составляет 39,6 часов, для женщин — 38,3 часа. Эти значения совпадают со средним количеством часов работы для других групп занятых. Различия в характеристиках занятости проявляются в характере трудового договора: среди одиноких людей больше тех, кто работает на условиях устной договорённости (4,8%, в среднем в совокупности опрошенных — 3,5%), на условиях временной занятости (2,6% и 2,1% соответственно).

Для домохозяйств, состоящих из одного человека, характерна большая доля тех, кто проживает в отдельных квартирах. По данным КОУЖ-2024, 70,7% одиноких людей проживают в отдельных квартирах (по сравнению с 65,8% домохозяйств, состоящих из двух-трёх человек, и 55,2% домохозяйств из четырёх и более человек). Такая ситуация складывается за счёт того, что меньше одиноких людей живут

в индивидуальных домах (24,6%) по сравнению с домохозяйствами, состоящими из нескольких, особенно из четырёх и более, человек (41,5%). Это обусловлено тем, что домохозяйства, включающие несколько детей, чаще проживают в сельской местности, где в большей степени распространено индивидуальное жилищное строительство. В среднем размер жилища одинокого человека в России составляет 50,42 кв.м. В результате, одиноко проживающие россияне в большей степени удовлетворены своими жилищными условиями; лишь 12,8% из них испытывают потребность в улучшении жилищных условий (18,7% домохозяйств из двух-трёх человек и 35,2% — из четырёх и более человек).

Существует специфика в проведении досуга и отдыха для одиноких людей. Они достаточно часто — на фоне других — совершают туристические поездки (27,6% совершали в течение года одну или несколько туристических поездок продолжительностью менее суток). В табл. 5 представлена доля одиноких людей, посетивших в течение последних 12 месяцев учреждения культуры и досуга.

Полученные данные свидетельствуют, что одинокие люди чаще, по сравнению с другими социально-демографическими группами, посещают учреждения культуры и досуга. Однако это касается людей, сред-

¹ Рассчитано по данным КОУЖ-2024. https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/GKS_KOUZH_2024/index.html.

Таблица 6

Помощь взрослых детей (старше 18 лет) своим одиноко проживающим родителям¹

Виды помощи	Оказывают помощь, %
Покупают продукты, вещи	27,6
Ухаживают во время болезни	39,3
Помогают по хозяйству	31,3
Оказывают денежную помощь	22,1
Оказывают другую помощь	40,1
У них нет такой материальной возможности	0,8
Не могут по состоянию здоровья	0,0
У них нет на это времени	1,2

ний возраст которых не превышает 50 лет (исключение — религиозные учреждения).

У 88,4% одиноких людей есть человек, которого они могут в случае необходимости просить о помощи. Это больше, чем в среднем по совокупности опрошенных (75,3%). 80,7% встречаются с друзьями, родственниками или коллегами (неформально / вне работы) хотя бы раз в неделю. 63,0% одиноких людей общаются в социальных сетях для поддержания личных контактов (58,3% в целом по совокупности).

Наличие взрослых детей, проживающих отдельно

Первичный анализ свидетельствует, что денежные доходы домохозяйств, состоящих из одного человека, выше, чем домохозяйств, состоящих из двух и более человек. Среднедушевой доход домохозяйств, состоящих из одного человека, составляет в среднем 40 284,28 руб., в домохозяйствах из двух, трёх, четырёх, пяти и более человек этот показатель последовательно снижается, достигая 17 699,80 руб. в наиболее многочисленных домохозяйствах. Граница бедности для одиноко проживающих (по данным КОУЖ) наиболее высокая — 50 850,03 руб., тогда как домохозяйствам из четырёх и более человек требуется 106 524,84 руб., что составляет чуть более 26 000 руб. на человека.

У одиноких россиян более высокие материальные запросы: их представления о минимальном месячном доходе, необходимом домохозяйству, чтобы «свести концы с концами» (т.е. оплатить все необходимые ежедневные расходы), на 26,2% превышают их среднедушевой доход (у членов домохозяйств из двух–трёх человек — на 11,5%, четырёх и более человек — 15,5%).

Одинокое проживание россиян не означает отсутствие социальных контактов с близкими людьми. В целом у 46,9% одиноких людей есть взрослые (старше 18 лет) дети, проживающие отдельно. Это касается прежде всего лиц старше 40 лет. У 35,9% россиян, имеющих взрослых детей, проживающих отдельно, дети проживают в том же населённом пункте, у 32,9% — в другом субъекте РФ, у 1,1% — в других государствах. Взрослые дети, проживающие отдельно, оказывают помощь своим одиноким родителям (табл. 6).

Дополнительную смысловую нагрузку в интерпретацию полученных данных вносит анализ форм взаимопомощи между одинокими родителями и их взрослыми детьми. Наиболее интенсивные потоки поддержки зафиксированы в сфере ухода во время болезни (39,3% детей оказывают такую помощь), что сопоставимо с географической доступностью, поскольку

¹ Рассчитано по данным КОУЖ-2024. https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/GKS_KOUZH_2024/index.html.

Таблица 7

**Уровень доходов одиноко проживающих граждан в зависимости
от возраста и наличия детей, проживающих отдельно**

Возраст	Уровень дохода домохозяйств											Всего
		до 14 000	14 001– 19 000	19 001– 27 000	27 001– 35 000	35 001– 45 000	45 001– 60 000	60 001– 75 000	75 001– 100 000	100 001– 150 000	150 001 и выше	
Есть дети, проживающие отдельно												
45–54	Кол-во	93	208	409	527	549	591	295	256	110	28	3066
	%	3,0	6,8	13,3	17,2	17,9	19,3	9,6	8,3	3,6	0,9	100,0
55–64	Кол-во	218	577	1012	756	662	540	234	153	65	17	4234
	%	5,1	13,6	23,9	17,9	15,6	12,8	5,5	3,6	1,5	0,4	100,0
65–74	Кол-во	235	1190	2320	1308	672	319	86	41	20	8	6199
	%	3,8	19,2	37,4	21,1	10,8	5,1	1,4	0,7	0,3	0,1	100,0
75–84	Кол-во	66	369	1157	780	401	129	15	6	3	1	2927
	%	2,3	12,6	39,5	26,6	13,7	4,4	0,5	0,2	0,1	0,0	100,0
85 и старше	Кол-во	20	54	239	284	217	43	4	1	0	0	862
	%	2,3	6,3	27,7	32,9	25,2	5,0	0,5	0,1	0,0	0,0	100,0
Нет детей, проживающих отдельно												
45–54	Кол-во	153	250	507	457	416	416	198	162	66	14	2639
	%	5,8	9,5	19,2	17,3	15,8	15,8	7,5	6,1	2,5	0,5	100,0
55–64	Кол-во	138	332	555	413	344	231	112	70	19	5	2219
	%	6,2	15,0	25,0	18,6	15,5	10,4	5,0	3,2	0,9	0,2	100,0
65–74	Кол-во	149	420	807	523	296	148	67	25	7	1	2443
	%	6,1	17,2	33,0	21,4	12,1	6,1	2,7	1,0	0,3	0,0	100,0
75–84	Кол-во	59	177	406	334	199	69	23	5	2	0	1274
	%	4,6	13,9	31,9	26,2	15,6	5,4	1,8	0,4	0,2	0,0	100,0
85 и старше	Кол-во	15	53	161	138	85	32	10	1	1	0	496
	%	3,0	10,7	32,5	27,8	17,1	6,5	2,0	0,2	0,2	0,0	100,0

эффективный уход предполагает физическое присутствие. Помощь по хозяйству получают 31,3% одиноких родителей, а покупку продуктов и вещей осуществляют 27,6% детей.

Анализ финансовых трансфертов между членами разных типов домохозяйств позволяет реконструировать сложную систему межпоколенческих и внутрисемейных денежных потоков, которая осуществляется как от родителей к взрослым детям, так и обратно, особенно в отношении пожилых родителей. Денежную помощь от детей получают 22,1% одиноких родителей (6 379 человек из 28 871), что в пять раз превышает долю родителей, оказывающих денежную поддержку детям (4,2%). Это различие может объясняться возраст-

ной асимметрией: родители-одиночки в выборке находятся преимущественно в старших возрастных группах (средний возраст — 53,57 года, а для одиноких женщин — 58,13 года), тогда как их дети находятся в экономически активном возрасте. При этом натуральные формы поддержки, такие как помощь по хозяйству (31,3%), покупка продуктов и вещей (27,6%), уход во время болезни (39,3%), распространены значительно шире, чем денежные трансферты. Такая структура указывает на то, что взрослые дети предпочитают оказывать помощь в форме, требующей личного присутствия, но не всегда располагают возможностью для регулярных денежных перечислений либо выбирают более востребованные способы заботы.

Анализ данных, представленных в таблице 7, позволяет выявить существенные различия в уровне доходов одиноко проживающих граждан в зависимости от наличия у них взрослых детей, проживающих отдельно. Установлено, что наличие детей, живущих отдельно, выступает значимым фактором, связанным с более высоким уровнем материального благополучия одиноко проживающих акторов, причём данная закономерность усиливается с увеличением возраста респондентов. В возрастной группе 45–54 лет различия между двумя категориями домохозяйств носят менее выраженный, но уже различимый характер. Среди одиноких граждан, имеющих взрослых детей, доля лиц с доходом выше 60 000 рублей составляет 22,4%, тогда как среди не имеющих детей данный показатель равен 16,6%. Одновременно с этим в группе без детей выше концентрация доходов в наиболее низком диапазоне (до 14 000 рублей): 5,8% против 3,0% в группе имеющих детей.

Начиная с возрастной группы 55–64 лет и особенно в более старших возрастах дифференциация доходов между двумя категориями домохозяйств становится более контрастной. В группе 65–74 лет среди имеющих детей доля лиц с доходом от 19 001 до 27 000 рублей составляет 37,4%, что является наиболее многочисленной категорией. В группе без детей в этом же возрасте распределение доходов смещено в сторону более низких значений.

В возрастных группах 75–84 лет и 85 лет и старше разрыв между двумя категориями домохозяйств достигает максимальных значений. Одновременно с этим в группе без детей выше доля наименее обеспеченных: в возрасте 75–84 лет доля лиц с доходом до 14 000 рублей среди не имеющих детей составляет 4,6% против 2,3% среди имеющих детей. С одной стороны, выявленные различия не очень значительны, с другой стороны, при повышении коэффициента демографической нагрузки, росте продолжительности жизни разни-

ца в доходах одиноких граждан с детьми и без детей будет увеличиваться.

Таким образом, наличие взрослых детей, проживающих отдельно, является значимым фактором, определяющим более высокий уровень доходов одиноких граждан в старших возрастных группах. Данный эффект может быть объяснён действием межпоколенческих трансфертов, когда укрепившие своё материальное положение дети оказывают финансовую поддержку пожилым родителям, что позволяет поддерживать более высокий уровень жизни пожилых людей по мере взросления их детей. Кроме того, возможно, наличие семьи и детей выступает маркером социальной успешности и устойчивости человека, реализации жизненной стратегии, направленной на достижение определённого профессионального успеха, формирования накоплений.

Анализ барьеров, препятствующих оказанию помощи родителям, показывает, что основным ограничением является не столько отсутствие желания, сколько объективные обстоятельства. Среди причин, по которым дети не оказывают помощь, наиболее часто указывается отсутствие материальной возможности, отсутствие времени, что свидетельствует о достаточно высокой доле детей, потенциально готовых к поддержке при наличии соответствующих ресурсов.

Полученные данные позволяют заключить, что нефинансовые трансферты между поколениями представляют собой сложно структурированную систему, в которой инструментальная помощь сочетается с эмоциональной поддержкой, а возможности их реализации в значительной степени определяются пространственной конфигурацией семейных сетей и возрастными характеристиками участников взаимодействия.

Основные выводы

Анализ данных Всероссийских переписей населения за 2002, 2010, 2020 гг. и КОУЖ–2024 позволяет охарактеризовать

устойчивые экономические и демографические закономерности, связанные с изменением структуры домохозяйств, которые проявляются в увеличении доли одиноко проживающих граждан, росте доли мужчин, никогда не состоявших в браке и вдовы женщин. Динамика числа домохозяйств, состоящих из одного человека, во многом обусловлена демографическими тенденциями. Причины распространения домохозяйств одиночек — разница в продолжительности жизни мужчин и женщин, а также реализация стратегий отложенной брачности и рождаемости, которые способствуют повышению дохода в трудоспособном возрасте, но несут риски нереализованности брачных и репродуктивных планов.

Совокупность одиноких россиян очень разнородна по параметрам возрастной структуры, брачного состояния, наличия взрослых детей и, как следствие, социально-экономического положения. Увеличение доли одиноких домохозяйств необходимо сопоставлять с изменением качества и уровня жизни населения. Стоит отметить значительную дифференциацию доходов для разных групп одиноких людей

и роль межпоколенческих взаимодействий в обеспечении благополучия одиноких пожилых людей. Для одиноко проживающих людей характерны более высокий уровень обеспеченности жильём и величина среднедушевых доходов. Необходимо отметить, что для россиян, проживающих одиноко, характерно наличие социальных связей, разнообразие форм досуга. Тем не менее, отложенная брачность и рождаемость негативно влияют на уровень дохода в старших возрастных группах. Не всегда одинокое проживание способствует увеличению дохода, необходимо исследовать дополнительные факторы (наличие ресурсов, уровень образования, семейные связи и др.).

Перспективным направлением исследовательского поиска будет выявление условий, определяющих стратегии реализации акторами брачных и репродуктивных планов в условиях повышения качества жизни населения, а также поиск управленческих решений, направленных на формирование практик здорового долголетия, поддержание семейных связей поколений, развитие инфраструктуры досуга для лиц разных возрастов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Young M., Lachapelle U. Transportation behaviours of the growing Canadian single-person households // *Transport Policy*. 2017. Vol. 57. Pp. 41–50. <https://doi.org/10.1016/j.tranpol.2017.03.022>.
2. Aprea M., Raitano M., Subioli F. From individual earnings to household disposable income: Linking low pay and poverty risks in EU countries // *Economic Systems*. 2025. <https://doi.org/10.1016/j.ecosys.2025.101362>.
3. Calvi R., Penglase J., Tommasi D., Wolf . The more the poorer? Resource sharing and scale economies in large families // *Journal of Development Economics*. 2023. Vol. 160. <https://doi.org/10.1016/j.jdeveco.2022.102986>.
4. Иванова Е.И. Рост числа домохозяйств, состоящих из одного человека: тенденции, факторы и последствия. // *Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН*. 2025. Т. 23. № 2. С. 105–126.
5. Трегубов В.Н. Динамика численности городского и сельского населения, проживавшего с 2002 по 2020 г. в частных домохозяйствах по одному человеку // *Социальные аспекты здоровья населения*. 2024. Т. 70. № 2.
6. Эченике В. Тенденции и перспективные оценки численности домохозяйств в РФ // *Население и экономика*. 2018. № 3. С. 42–69.
7. Синельников А.Б. Влияние демографической политики на брачность и рождаемость в разных поколениях российских мужчин и женщин (по данным переписей) // *Женщина в российском обществе*. 2025. № 4. С. 83–101.

8. Фролова Е.А., Маланина В.А., Касати Ф., Шавлохова А.А. Региональный аспект бедности пожилых людей в России // Векторы благополучия: экономика и социум. 2020. № 4 (39). С. 138–145.
9. Грачёва С.А. Цифровая трансформация как одна из причин увеличения числа домохозяйств из одного человека // Успехи в химии и химической технологии. 2023. Т. 37. № 1 (263). С. 13–15.
10. Белоус А.В. Целесообразность введения налога на бездетность в Российской Федерации // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 6–2.
11. Саймон Г. Рациональность как процесс и продукт мышления // THESIS. Теория и история экономических и социальных институтов и систем. 1993. Т. 1. Вып. 3. С. 16–39.
12. Tversky A., Kahneman D. Judgment under Uncertainty: Heuristics and Biases // Science, New Series. Vol. 185. № 4157. (Sep. 27, 1974). Pp. 1124–1131. URL: <http://www.jstor.org/stable/1738360> (accessed to: 15/ 03/ 2026).

Socio-Economic Situation of Single Persons in Russia: Specific Features and Demographic Trends

Kuchmaeva Oksana Viktorovna — Doctor of Economic Sciences, Chief Research Fellow, Institute for Social Demography, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (ISD FCTAS RAS).

E-mail: kuchmaeva@yandex.ru

Vasileva Ekaterina Nikolaevna — Doctor of Sociological Sciences, Chief Research Fellow, ISD FCTAS RAS.

E-mail: vasilevaen@yandex.ru

Knyazkova Ekaterina Aleksandrovna — Candidate of Political Sciences, Leading Research Fellow, ISD FCTAS RAS.

E-mail: eapavlova@bk.ru

Based on data from the 2002, 2010, and 2020 All-Russian Population Censuses, the study records demographic trends in the increasing share of one-person households, associated with growth in the proportion of citizens who have never been married and widowed persons. These trends require analysis, since declining marriage rates at working ages lead to lower fertility and, in the long term, to an increase in the old-age dependency ratio, as well as to the expansion of state social obligations to provide support and services to people living alone. Based on data from the 2024 Comprehensive Survey of Living Conditions of the Population (CSLC-2024), the socio-economic situation of one-person households is characterized. It is found that in age groups under 55, living alone is associated with a high quality of life; at ages over 55, the situation is less clear-cut and depends on the presence of children living separately. The paper characterizes intergenerational transfers between the households of children and parents, which form the basis for improving quality of life first for children at the expense of parents and subsequently, conversely, for parents at the expense of children whose material situation has strengthened. The authors formulate proposals concerning the need to disseminate a model of rational household development under conditions of increasing average life expectancy and to support orientations toward marriage and fertility.

Keywords: demography; marriage rate; children; single-person households; single citizens; widowed persons; household income; socioeconomic status

REFERENCES

1. Young M., Lachapelle U. Transportation behaviours of the growing Canadian single-person households // *Transport Policy*. 2017. Vol. 57. Pp. 41–50. <https://doi.org/10.1016/j.tranpol.2017.03.022>.
2. Aprea M., Raitano M., Subioli, F. From individual earnings to household disposable income: Linking low pay and poverty risks in EU countries // *Economic Systems*. 2025. <https://doi.org/10.1016/j.ecosys.2025.101362>.
3. Calvi R., Penglase J., Tommasi D., Wolf . The more the poorer? Resource sharing and scale economies in large families // *Journal of Development Economics*. 2023. Vol. 160. <https://doi.org/10.1016/j.jdeveco.2022.102986>.
4. Ivanova E.I. Rost chisla domokhozyaistv, sostoyashchikh iz odnogo cheloveka: tendentsii, faktory i posledstviya. // *Nauchnye trudy: Institut narodnokhozyaistvennogo prognozirovaniya RAN*. 2025. T. 23. № 2. S. 105–126 (in Russian).
5. Tregubov V.N. Dinamika chislennosti gorodskogo i sel'skogo naseleniya, prozhivavshogo s 2002 po 2020 g. v chastnykh domokhozyaistvakh po odnomu cheloveku // *Sotsial'nye aspekty zdorov'ya naseleniya*. 2024. T. 70. № 2 (in Russian).
6. Echenike V. Tendentsii i perspektivnye otsenki chislennosti domokhozyaistv v RF // *Naselenie i ekonomika*. 2018. № 3. S. 42–69 (in Russian).
7. Sinel'nikov A.B. Vliyanie demograficheskoi politiki na brachnost' i rozhdaemost' v raznykh pokoleniyakh rossiiskikh muzhchin i zhenshchin (po dannym perepisei) // *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*. 2025. № 4. S. 83–101 (in Russian).
8. Frolova E.A., Malanina V.A., Kasati F., Shavlokhova A.A. Regional'nyi aspekt bednosti pozhilykh lyudei v Rossii // *Vektory blagopoluchiya: ekonomika i sotsium*. 2020. № 4 (39). S. 138–145 (in Russian).
9. Grachyova S.A. Tsifrovaya transformatsiya kak odna iz prichin uvelicheniya chisla domokhozyaistv iz odnogo cheloveka // *Uspekhi v khimii i khimicheskoi tekhnologii*. 2023. T. 37. № 1 (263). S. 13–15 (in Russian).
10. Belous A.V. Tselesoobraznost' vvedeniya naloga na bezdetnost' v Rossiiskoi Federatsii // *Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk*. 2021. № 6–2 (in Russian).
11. Saimon G. Ratsional'nost' kak protsess i produkt myshleniya // *THESIS. Teoriya i istoriya ekonomicheskikh i sotsial'nykh institutov i sistem*. 1993. T. 1. Vyp. 3. S. 16–39 (in Russian).
12. Tversky A., Kahneman D. Judgment under Uncertainty: Heuristics and Biases // *Science, New Series*. Vol. 185. № 4157. (Sep. 27, 1974). Pp. 1124–1131. URL: <http://www.jstor.org/stable/1738360> (accessed to: 15/ 03/ 2026).

Индекс УДК 314.422

Код ГРНТИ 05.11.91

DOI: 10.22204/2587-8956-2026-125-02-71-85

**Т.П. САБГАЙДА,
А.В. ЗУБКО,
В.Г. СЕМЁНОВА***

Эволюция структуры избыточной смертности российских мужчин

В статье рассмотрена эволюция избыточной смертности российских мужчин с позиции сверхсмертности как отношения показателей мужской и женской смертности. Рассмотрена трансформация структуры причин смертности на фоне социально-экономических изменений на временном интервале с 1965 по 2023 г., проанализировано влияние факторов мужской сверхсмертности в разные периоды времени для возрастных интервалов 15–19 лет (до начала активной трудовой деятельности) и 25–54 года. Рассмотрена группа наиболее экономически активного населения: поздний трудоспособный возраст был исключён из-за большой вероятности коморбидности, ранний — для уменьшения доли учащихся студентов. Сравнивалось влияние биологических, поведенческих и институциональных факторов на избыточную смертность юношей и мужчин активного трудоспособного возраста в конце прошлого века и в текущий период. Сделано заключение, что эффективная политика снижения преждевременной смертности должна учитывать возрастную и гендерную специфику рисков, требует усиления первичной профилактики сердечно-сосудистых заболеваний, повышения эффективности спортивной работы с подростками, совершенствования системы регистрации причин смертности и целенаправленного воздействия на социальные детерминанты здоровья мужчин, включая трансформацию гендерных стереотипов отношения к здоровью.

Ключевые слова: мужская смертность, структура причин смерти, гендерный разрыв в смертности, факторы избыточной смертности мужчин, волны избыточной смертности

* **Сабгайда Тамара Павловна** — доктор медицинских наук, главный научный сотрудник Центра здоровья и самосохранительного поведения Института социальной демографии Федерального научно-исследовательского социологического центра (ИСД ФНИСЦ) РАН.

E-mail: tsabgaida@mail.ru

Зубко Александр Владимирович — кандидат медицинских наук, ведущий научный сотрудник Центра здоровья и самосохранительного поведения ИСД ФНИСЦ РАН.

E-mail: zalexandrae@gmail.com

Семёнова Виктория Георгиевна — доктор экономических наук, главный научный сотрудник Центра здоровья и самосохранительного поведения ИСД ФНИСЦ РАН.

E-mail: vika-home@yandex.ru

Для России характерен один из самых высоких в мире показателей разрыва в ожидаемой продолжительности жизни между мужчинами и женщинами (максимум наблюдался в 2005 г. – в 13,7 года). Высокая смертность мужчин трудоспособного возраста, оказывая негативное влияние на экономику, формирует значительный демографический дефицит: в России одна из самых высоких долей женского населения (53,6%, по данным Росстата 2023 г.). Систематический обзор научных публикаций показывает, что пол – ключевой детерминант значительных вариаций в развитии, клинической картине и течении основных классов болезней, и игнорирование половых особенностей в клинической работе, исследовательских проектах и системах здравоохранения неминуемо ведёт к ухудшению результатов лечения [1].

Детерминанты изменения соотношения смертности мужчин и женщин

Женское преимущество в ожидаемой продолжительности жизни встречается во всём мире, однако гендерные различия в смертности меняются с течением времени в зависимости от социальных условий, состояния здоровья населения и развития медицины. Так, при анализе таблиц дожития, по данным 18 стран Европы и Северной Америки с высоким уровнем дохода, начиная с 1900 г. – периода начала эпидемиологических и демографических изменений, M.R. Cullen и соавторы выявили чрезвычайную вариацию показателя отношения уровня смертности мужчин к смертности женщин [2, с. 71]. Они показали, что в предпереходный период к третьей стадии эпидемиологического перехода отношение уровня смертности мужчин к смертности женщин было ниже единицы, когда мужчины имели преимущество в выживаемости, предположительно из-за сочетания высоких показателей рождаемости и избыточной материнской смертности.

Данные о смертности начала XX в. отражали начало эпидемиологических и демографических изменений, что привело к повороту в соотношении мужской и женской смертности: выживаемость женщин превысила выживаемость мужчин. Исследователи посчитали наиболее поразительным тот факт, что в течение пары десятилетий после начала переходного периода наблюдалась общая тенденция – устойчивости женщин к социальным невзгодам (женская «жизнестойкость»), которая сохраняется и усиливается вплоть до настоящего времени. Авторы показали наличие выявленной закономерности в динамике соотношения мужской и женской смертности с наличием точки «перегиба» при рассмотрении ситуации в странах со средним уровнем дохода и развивающихся странах, где точки «перегиба» отражают изменение стадий эпидемиологического перехода. Мало того, используя, по выражению американских исследователей, «великий естественный эксперимент, начатый горбачёвскими социальными инвестициями в конце 1980-х гг. с последующим падением социалистического централизованного планирования, который привёл к беспрецедентному изменению уровня смертности за очень короткий период времени», они выявили ту же модель женской «жизнестойкости». Эта модель объясняет, почему женщины в бывшем Советском Союзе и Восточной Европе были в значительной степени защищены от катастрофического и ошеломляюще резкого роста смертности, от которого страдали мужчины, особенно в социально неблагополучных районах [2, с. 18].

Отметим, что стадии эпидемиологического перехода разнятся, прежде всего, структурой причин смерти [3]. Для России последней четверти XX в. уже была характерна третья демографическая стадия, тем не менее, социально-политические катаклизмы на рубеже веков привели к «обратному демографическому переходу» с соответствующим

изменением структуры смертности [4]. Однако И.А. Гундаров считал, что страна переживала не нормальный демографический переход, а демографическую деградацию, поскольку в конце прошлого и начале этого века наибольший прирост смертности пришёлся на средние, наиболее дееспособные возрастные группы, что, по его мнению, было чревато разрывом поколений и деградацией социальной структуры общества [5].

Но быстрое снижение рождаемости при общей «жизнестойкости» женщин в тех условиях социальных трудностей свидетельствует о соответствии ситуации общим закономерностям демографического развития. Последующее оздоровление экономики и наблюдаемое снижение смертности до уровня ниже, чем в конце советского периода, не подтвердили мрачные ожидания.

Масштабы вариации гендерного разрыва в смертности при значительных социально-экономических изменениях свидетельствуют, что биологические различия не могут в полной мере учитывать половые различия в выживаемости. Выявленный факт наличия точки «перегиба» в соотношении мужской и женской смертности, когда по мере развития общества выживаемость людей сначала снижается, а затем увеличивается, послужил толчком к серии исследований, на основе которых были сделаны два вывода. Во-первых, пол (биологические различия мужчин и женщин) имеет значение при определении результатов действий в области здравоохранения, во-вторых, гендер (социокультурное поведение и установки, определяемые ролью в обществе) взаимодействует с полом, влияя на процессы развития заболеваний на протяжении всей жизни [6].

Предложено рассматривать гендер как социокультурную переменную, для чего разработан инструмент оценки гендера – Стэнфордские гендерные переменные, позволяющие анализировать влияние гендера на результаты действий в области

здравоохранения [8]. Из 11 гендерных переменных исследователи выделили 7 факторов: стресс у лиц, осуществляющих уход за больными; стресс на работе; независимость; склонность к риску; эмоциональный интеллект; социальная поддержка и дискриминация. Далее они показали, что переменные, относящиеся к гендерным нормам (напряжение, связанное с уходом, и рабочее напряжение) и отношениям (дискриминация и социальная поддержка), имеют более сильную корреляцию с показателями самооценки здоровья, чем переменные, относящиеся к гендерным чертам (за исключением склонности к риску). При этом авторы подчеркнули целесообразность дальнейшего исследования с целью расширения числа пунктов для формирования переменной эмоционального интеллекта, надёжность которого была ниже требуемой.

Выявленные авторами переменные в совокупности отражают психологическое состояние индивида. Действительно, российские исследователи выдвинули гипотезу о том, что в нашей стране в постсоветский период главную роль в формировании гендерного соотношения уровней смертности сыграли факторы психосоциального неблагополучия, что, на наш взгляд, рациональнее. Они установили тесную связь между изменениями индекса мужской сверхсмертности и уровнем психологического неблагополучия населения, определяемого по показателю самоубийств, предположив генетически обусловленную большую устойчивость женского генотипа к действию факторов как психосоциального (психозонального), так и психологического неблагополучия, по сравнению с мужским генотипом [8].

Генетически детерминированная более высокая устойчивость женского организма к воздействиям среды обитания обусловлена эволюционной ролью женского пола как более инертного элемента популяции, обеспечивающего её устойчивость, сохранность генофонда в процессе эволю-

ции антропосистемы, тогда как мужской пол, являясь вариабельным (оперативным) элементом популяции для приспособления к существованию в условиях изменяющейся среды обитания, более чувствителен к изменениям окружающей среды [9]. На основе обзора литературы Ю.В. Зинькина и А.В. Коротаев заключили, что значительное число исследований преимуществ в ожидаемой продолжительности жизни женщин позволяет с уверенностью утверждать, что в основе данного явления лежат биологические факторы, социальные явления и процессы [10].

Однако большинство исследователей анализируют демографическую ситуацию не с помощью модели женской «жизнестойкости», а с позиций мужской сверхсмертности. Возможной причиной предпочтения такого подхода является то, что избыточная смертность именно мужского населения трудоспособного возраста оказывает негативное воздействие на социально-экономическое развитие страны.

Феномен мужской сверхсмертности объясняется с использованием разных подходов, Н.В. Горошко и С.В. Пацала выделили три основных [11]. Первый подход, условно называемый историческим, объясняет половые различия в смертности изменением роли женщины в ходе развития цивилизации, сопровождающейся снижением числа рождений, аборт и материнской смертности. Второй подход, биологический, исходит из неодинаковой биологической резистентности мужского и женского организмов. Социально-экономический подход учитывает поведенческие факторы, основанные на различиях социальных ролей мужчин и женщин в обществе (среди мужчин в большей степени распространены табакокурение, наркомания, алкоголизм, несбалансированное питание, суициды, рисковое поведение, провоцирующее гибель от внешних факторов, пренебрежительное отношение к собственному здоровью). Первый и третий подходы, по сути, отражают социальные

процессы, что в итоге согласуется с двумя группами факторов, формирующих преимущества женщин в ожидаемой продолжительности жизни.

При анализе ключевых факторов, определяющих высокую смертность мужчин трудоспособного возраста в последнее десятилетие, наносящую значительный гуманитарный и экономический ущерб, была выявлена триада взаимосвязанных детерминант: 1) социально-экономические (низкие доходы, опасные условия труда, территориальное неравенство); 2) поведенческие (злоупотребление алкоголем, курение, пренебрежение здоровьем, «маскулинная» модель поведения); 3) институциональные (недостатки в организации первичной медицинской помощи, профилактики, охраны труда) [12]. Здесь авторы исключили из рассмотрения биологический фактор пола, рассмотрев группу социально обусловленных факторов.

Если сверхсмертность мужчин трудоспособного возраста обсуждается преимущественно с позиций экономического ущерба обществу, то смертность юношей чаще оценивается с позиции потерь потенциальной жизни. В структуре смертности наблюдается принципиальное различие между двумя ключевыми возрастными группами: юношами 15–19 лет и мужчинами трудоспособного возраста (25–54 года). Юношеский возраст (15–19 лет) характеризуется специфическим профилем смертности с преобладанием внешних причин: транспортных травм, самоубийств, случайных отравлений и убийств [13]. Этот период жизни отмечается повышенным риском социально-детерминированной смертности, связанной с формированием деструктивных поведенческих паттернов, экспериментированием с психоактивными веществами и адаптационными кризисами. Для мужчин трудоспособного возраста характерна иная структура смертности с доминированием болезней системы кровообращения и внешних причин, при этом наблюдается значительная вариабельность

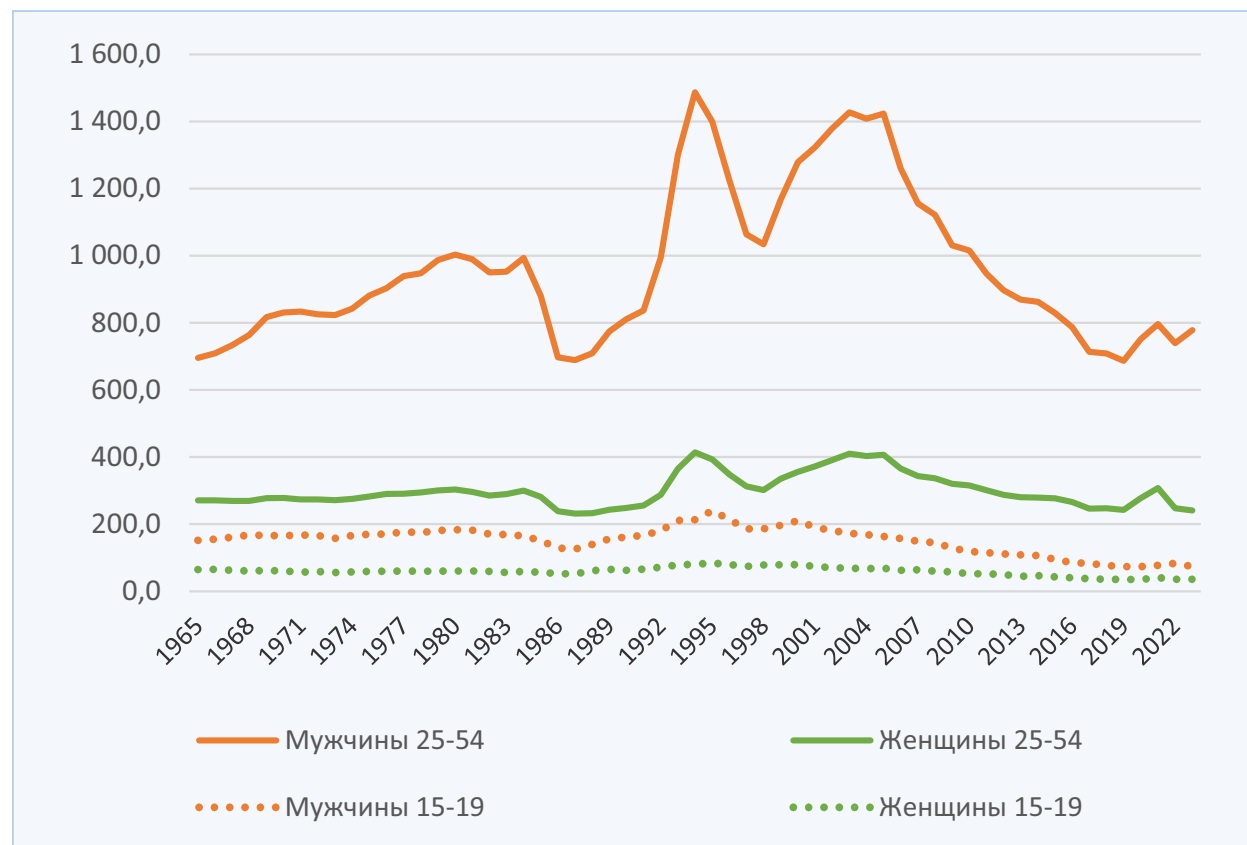
по возрастным подгруппам. Молодые трудоспособные мужчины сохраняют высокую смертность от внешних причин, тогда как в среднем и старшем трудоспособном возрасте на первый план выходят сердечно-сосудистые заболевания, онкология и хронические заболевания, связанные с накоплением факторов риска [14]. Сравнительный анализ структуры смертности разных возрастных групп позволяет выявить как общие, так и специфические детерминанты преждевременной мужской смертности, что имеет ключевое значение для разработки дифференцированных стратегий профилактики в социологии здравоохранения.

Избыточная смертность мужчин в ранний и средний периоды трудоспособности

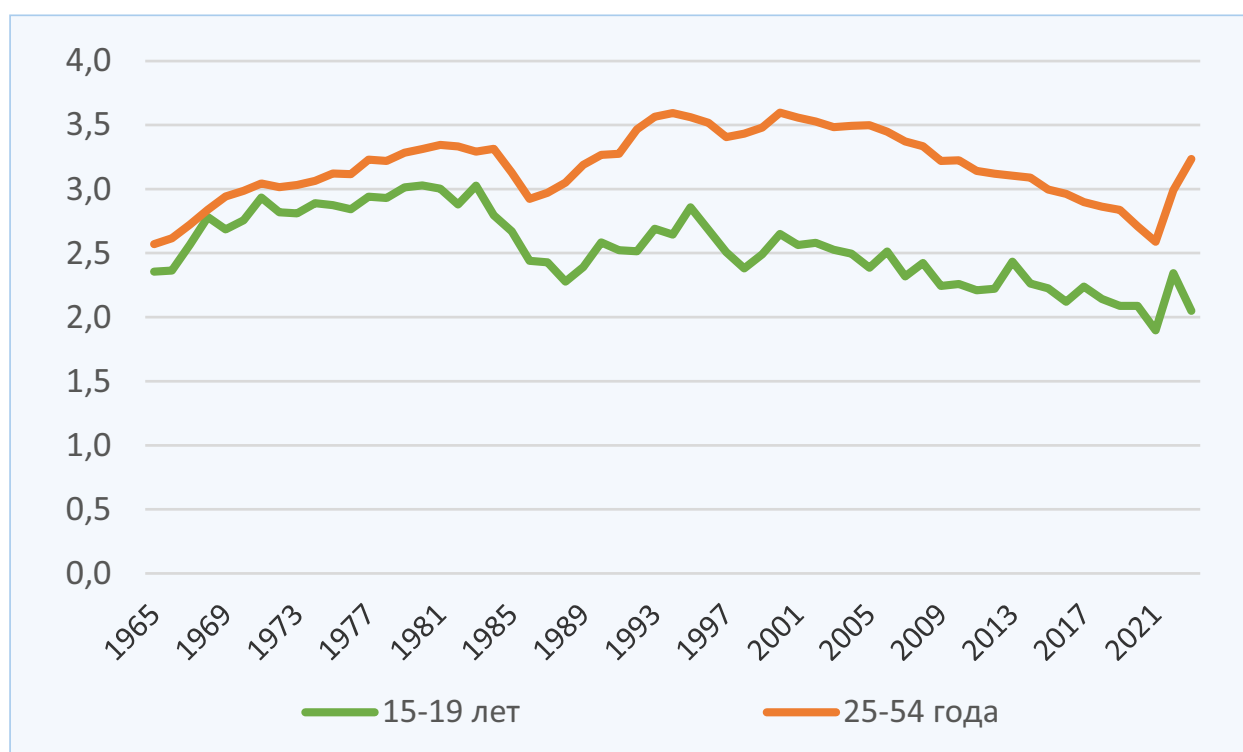
Целью данного исследования был анализ эволюции структуры избыточной смертности российских мужчин двух воз-

растных групп (15–19 лет и 25–54 года). Мы сузили интервал трудоспособности, исключив поздний трудоспособный возраст с большой вероятностью коморбидности и ухудшения здоровья, а также ранний трудоспособный возраст для уменьшения доли студентов, т.е. рассмотрели группу наиболее экономически активного населения. Старшая группа подростков пока не приступила к активной трудовой деятельности с полной загруженностью, что исключает влияние производственных факторов. Используются данные Росстата с 1965 по 2023 г.

На ил. 1 представлена динамика смертности мужчин и женщин сравнимых возрастных групп с тремя пиками смертности, наиболее ярко выраженными у мужчин трудоспособного возраста. Видно, что уровни смертности юношей и мужчин активного трудоспособного возраста различаются многократно и в большей степени, чем уровни

Ил. 1. Динамика смертности мужчин и женщин двух возрастных групп (15–19 лет и 25–54 года) от всех причин за 1965–2023 гг. в Российской Федерации

Ил. 2. Соотношение уровней смертности мужчин и женщин возрастных групп 15–19 лет и 25–54 года от всех причин смерти за 1965–2023 гг. в Российской Федерации

смертности мужчин и женщин. В обеих возрастных группах вариации уровней смертности мужчин более выражены, чем вариации смертности женщин.

С 1965 по 1980 г. – в период относительной экономической стабильности при общем замедлении темпов роста – наблюдался резко выраженный рост смертности мужчин трудоспособного возраста (на 44,2%), в юношеской смертности рост был менее выражен (на 20,6%). Прекращение роста смертности взрослых мужчин и снижение смертности юношей по времени совпали с проведением олимпиады в нашей стране и с вводом войск в Афганистан. Смертность девушек за этот период понизилась, смертность женщин аналогичного возраста выросла на 11,9%. Конец 1980-х – это начало экономических реформ, роста дефицита и социальной напряженности, с 1991 г. – гиперинфляция, массовая безработица, задержки зарплат, обнищание значительной части населения, разрушение социальной инфраструктуры. Всё это спровоцировало быстрый рост смертности.

Второй (наибольший) пик смертности наблюдался в 1994 г. для мужчин и женщин трудоспособного возраста и в 1995 г. – для юношей и девушек. После реализации антиалкогольной кампании 1985–1987 гг. смертность возросла на 116,0% среди взрослых мужчин и на 91,0% – среди юношей, женская смертность увеличилась в меньшей степени: на 78,6% и 62,4%, соответственно. Дальнейшее кратковременное снижение смертности произошло до уровня, соответствующего уровню первого пика смертности, в 1998 г. у мужчин трудоспособного возраста и в 1997 г. – у юношей.

Девальвация рубля 1998 г. стимулировала третий пик смертности, у мужчин в возрасте 25–54 лет он наблюдался в 2003 г. (рост на 38,0%), у юношей наибольший уровень смертности отмечался в 2000 г. (рост на 13,1%). У женщин соответствующие показатели составляли 36,0% и 7,0%. Начиная с 2000-х гг. наблюдались продолжительный экономический рост на фоне высоких цен на нефть,

повышение реальных доходов населения, сокращение безработицы, рост потребления, модернизация здравоохранения, и как итог неуклонно снижалась смертность вплоть до пандемии. Очевидно, что смертность мужчин активного трудоспособного возраста острее реагирует на социально-экономические изменения, чем смертность юношей и женская смертность. Как и в других странах, на третьей стадии эпидемиологического перехода наблюдается большая устойчивость женщин к социальным невзгодам.

Соответственно, при разных темпах изменения мужской и женской смертности отношение их уровней также менялось (ил. 2). Величина отношения уровня мужской смертности к уровню женской смертности с 1965 по 2023 г. менялась в пределах от 1,9 до 3,0 для возрастной группы 15–19 лет (среднее 2,5) и от 2,6 до 3,6 (среднее 3,2) – для возрастной группы 25–54 года. В динамике этого отношения прослеживается влияние социально-экономических изменений в стране: уменьшение гендерных различий смертности в период антиалкогольной кампании, их увеличение в периоды социально-экономических кризисов 1990-х и 1998 г., а также их уменьшение в период пандемии COVID-19.

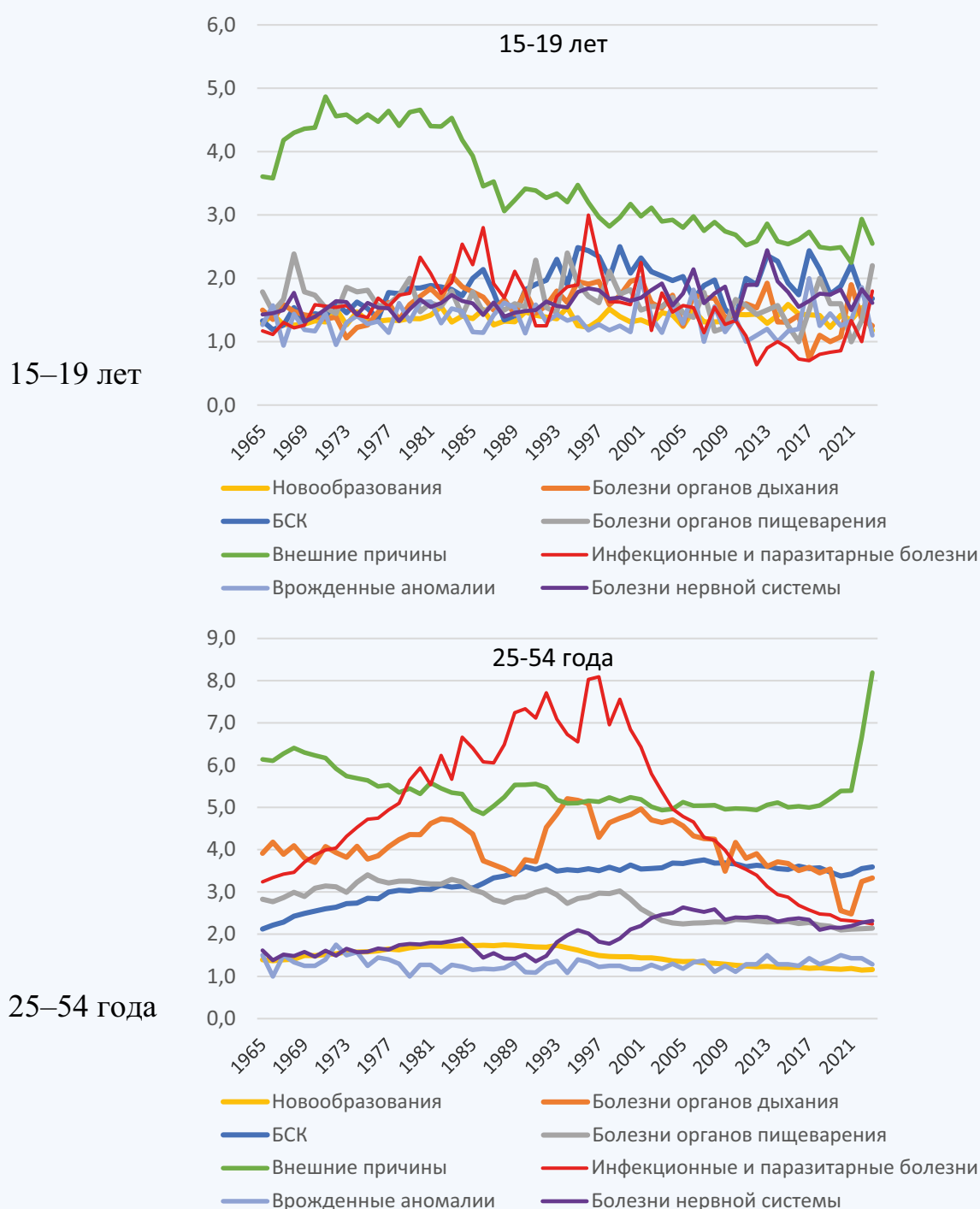
Если в США неуклонное сокращение гендерного разрыва в смертности начинается с 1970 г., а до этого наблюдался его рост, то в нашей стране снижение гендерного разрыва уровней смертности от всех причин началось только с первых лет этого века. Но это не касается смертности от ряда причин, особенно смертности лиц активного трудоспособного возраста.

Основные причины избыточной смертности

На ил. 3 представлены графики соотношения мужской и женской смертности двух анализируемых возрастных групп от основных причин смерти. Вид-

но, что смертность юношей в прошлом веке по многим причинам приближалась к уровню смертности девушек. Исключения составляют внешне причины смерти и инфекционные болезни (преимущественно туберкулёз). Среднее значение за пятидесятилетний период отношения мужской смертности к женской в этой возрастной группе для внешних причин составляет 3,5, варьируя от 2,3 до 4,9, а для инфекционных и паразитарных болезней – 1,5, варьируя от 0,6 до 3,0. Этот факт демонстрирует необходимость учёта гендерных особенностей при разработке персонифицированных программ профилактики с детских лет, а не только для лиц пожилого возраста [15]. Для внешних причин смерти величина соотношения смертности юношей и девушек в 1970-е гг. была относительно стабильна и с 1983 г. начала снижаться, а для инфекционных заболеваний до этого года такое соотношение росло. В нынешнем веке для лиц в возрасте 15–19 лет величина соотношения мужской смертности к женской имеет близкие значения для новообразований, болезней органов дыхания и пищеварения, врождённых аномалий, оставаясь примерно на одном уровне. Для болезней системы кровообращения и болезней нервной системы соотношение смертности юношей и девушек в новых социально-экономических условиях поднялось на более высокий уровень, кратковременно снизившись в 2009–2012 гг.

Для лиц активного трудоспособного возраста в конце прошлого века отношение смертности мужчин к смертности женщин от инфекционных заболеваний существенно превысило такой показатель для внешних причин смерти, а показатель для болезней органов дыхания приблизился к нему. На более высокий уровень в новом столетии поднялось отношение смертности мужчин к смертности женщин для болезней системы кровообращения и болезней нервной системы: более чем в 3,5 раза смертность мужчин в возрасте 25–54 лет превышает

Ил. 3. Соотношение уровней смертности мужчин и женщин возрастных групп 15–19 лет и 25–54 года от основных причин смерти за 1965–2023 гг. в Российской Федерации

смертность женщин этого возраста, что плохо согласуется с утверждением некоторых авторов, что в среднем возрасте риски возникновения сосудистых событий у мужчин и женщин относительно одинаковые [16], хотя может быть объ-

яснено лучшей выживаемостью женщин при таких событиях. В последнем десятилетии показатель сверхсмертности мужчин вышел на плато для внешних причин смерти (за исключением последних лет), болезней системы кровообращения, бо-

Таблица 1

Вклад основных причин смерти в смертность юношей 15–19 лет в разные годы

Классы причин	1965	1975	1985	1995	2005	2015	2023
Инфекции	3,2	1,7	2,1	1,5	1,3	0,9	1,2
Новообразования	7,1	5,7	7,0	3,7	4,1	5,7	5,4
Болезни эндокринной системы	0,5	0,2	0,4	0,3	0,4	0,5	0,5
Болезни крови	0,5	0,4	0,3	0,2	0,2	0,2	0,1
Психические расстройства	0,5	0,5	0,9	0,8	0,1	0,1	0,0
Болезни нервной системы	3,3	3,4	4,1	2,7	2,7	4,3	7,9
Болезни системы кровообращения	5,8	3,9	3,7	3,2	4,3	5,5	6,4
Болезни органов дыхания	2,2	2,5	3,3	1,6	1,5	1,8	2,7
Болезни органов пищеварения	1,6	1,7	1,7	1,0	1,0	1,1	1,5
Болезни мочеполовой системы	1,7	1,5	1,2	0,5	0,3	0,2	0,4
Врождённые аномалии	1,2	1,9	2,0	0,7	1,1	1,5	1,5
Неточно обозначенные причины	2,8	0,8	1,5	2,6	4,7	4,7	4,5
Внешние причины	68,9	75,3	71,2	81,2	78,3	73,5	67,3
Остальные	0,7	0,5	0,6	0	0	0	0,6

лезней органов пищеварения и болезней нервной системы.

Уровень смертности от болезней системы кровообращения за полвека вдвое понизился среди юношей 15–19 лет и в полтора раза возрос у мужчин активного трудоспособного возраста, однако вклад этой причины в структуру смертности повысился в обеих возрастных группах (табл. 1, 2). У юношей этот вклад был наименьшим в 1995 г., когда отношение мужской смертности к женской оказалось наибольшим, а у мужчин активного трудоспособного возраста наименьший вклад сердечно-сосудистых заболеваний в смертность наблюдался в 1965 г. при наименьшем за анализируемый период уровне смертности. Наибольший вклад в смертность мужчин в возрасте 25–54 лет от болезней системы кровообращения наблюдался в 2005 г., а наибольшее значение показателя сверхсмертности – в 2007 г.

Таким образом, изменение структуры смертности не соответствует изменениям в соотношении уровней смертности мужчин и женщин.

В структуре смертности юношей за весь анализируемый период ведущая

роль принадлежала внешним причинам смерти, а болезни системы кровообращения стабильно занимали третье место. В 1965 г. на втором месте находились новообразования, а в 2023 – болезни нервной системы. И наоборот, на четвёртом месте в 1965 г. находились болезни нервной системы, а в 2023 г. – новообразования. На пятое место в смертности юношей в 2023 г. вышли неточно обозначенные состояния (симптомы, признаки, отклонения от нормы, выявленные при клинических и лабораторных исследованиях, не классифицированные в других рубриках), а полвека назад его занимали инфекционные и паразитарные болезни.

Сверхсмертность юношей от всех причин росла до 1985 г., и кроме внешних причин (внёсших основной вклад) заметный вклад в этот рост вносили болезни нервной системы, болезни органов дыхания и пищеварения. Подъём сверхсмертности 1995 г. формировался в основном внешними причинами и болезнями системы кровообращения. В текущий период сверхсмертность юношей определяется внешними причинами, болезнями системы кровообращения, болезнями нервной

Таблица 2

Вклад основных причин смерти в смертность мужчин 25–54 лет в разные годы

Классы причин	1965	1975	1985	1995	2005	2015	2023
Инфекции	9,4	4,0	3,4	3,7	5,1	7,2	5,5
Новообразования	19,6	15,2	15,8	9,8	7,1	9,6	8,2
Болезни эндокринной системы	0,2	0,2	0,3	0,4	0,3	0,5	0,9
Болезни крови	0,1	0,1	0,1	0,1	0,0	0,1	0,1
Психические расстройства	0,7	0,7	0,9	1,8	0,8	0,7	0,4
Болезни нервной системы	1,2	1,1	1,1	1,1	1,3	1,7	2,0
Болезни системы кровообращения	19,9	23,9	27,3	27,7	30,7	28,3	27,5
Болезни органов дыхания	5,2	6,0	5,7	5,1	5,9	4,6	4,2
Болезни органов пищеварения	3,5	3,8	4,0	4,5	6,6	9,5	10,1
Болезни мочеполовой системы	1,3	1,1	1,2	0,8	0,4	0,5	0,5
Врождённые аномалии	0,0	0,1	0,2	0,1	0,1	0,1	0,1
Неточно обозначенные причины	1,8	0,7	1,2	3,3	5,7	5,7	5,1
Внешние причины	36,8	42,8	38,7	41,6	36,0	31,5	34,7
Остальные	0,3	0,3	0,1	0	0	0	0,7

системы и врождёнными аномалиями развития. Последнее обстоятельство, возможно, связано с использованием высокотехнологичных репродуктивных технологий, которые в последние два десятилетия вносят заметный вклад в рождаемость.

В структуре смертности мужчин в возрасте 25–54 лет с 1965 по 2023 г. первое место занимали внешние причины смерти, второе – болезни системы кровообращения. На третьем месте до 2016 г. находились новообразования, уступив это место болезням органов пищеварения, с которыми они практически делили третье место в 2015–2016 гг. Полвека назад болезни органов пищеварения занимали шестое место. В 1965 г. на четвёртом месте находились инфекционные и паразитарные болезни, спустившиеся на пятое место в 2023 г. Неточно обозначенные состояния в 2023 г. вышли на шестое место в смертности мужчин активного трудоспособного возраста, занимая в 1965 г. седьмое место. Иначе говоря, в течение полувека заметная часть причин смерти у экономически и демографически особенно ценной группы мужчин остаётся плохо диагностированной.

Для мужчин активного трудоспособного возраста до конца прошлого века наблюдалась тенденция роста сверхсмертности от всех причин (прервавшись на период антиалкогольной кампании). В этот рост основной вклад внесли болезни органов дыхания, системы кровообращения, органов пищеварения, инфекционные болезни и новообразования. В текущий период сверхсмертность мужчин в возрасте 25–54 лет, как и сверхсмертность юношей, определяется внешними причинами, болезнями системы кровообращения.

Гендерные различия смертности от болезней нервной системы увеличились в последнее десятилетие в обеих анализируемых группах мужчин. При увеличении темпов жизни, росте информационной нагрузки, наличии повышенного числа социальных вызовов, по-видимому, мужчинам стало не хватать физической подготовки и психологической устойчивости к стрессам. Целесообразно наряду с повышением безопасности условий жизни и производства увеличить также активность занятий спортом в школьном возрасте, что будет способствовать как улучшению функциональ-

ной адаптации, так и повышению стрессоустойчивости.

Исходя из факторов, формирующих сверхсмертность мужчин, можно предположить, что для старшей подростковой группы избыточная смертность юношей от врождённых аномалий, новообразований, болезней органов дыхания и пищеварения определяется биологическими факторами, избыточная смертность юношей от внешних причин обусловлена поведенческими факторами, а именно эволюционно закреплённым стремлением к риску и пренебрежительным отношением к собственному здоровью.

Что касается болезней системы кровообращения, то здесь, по-видимому, проявляются институциональные факторы (недостатки в организации первичной медицинской помощи и профилактике). После начала реализации национального проекта «Здоровье» в 2005 г. и «кардиоваскулярной революции» отношение смертности юношей к смертности девушек стало снижаться до уровня влияния биологических факторов. Повышение этого отношения с 2013 г., возможно, связано с изменением подходов к кодированию причин смерти в связи с началом реализации Национальных и Федеральных проектов, в которых сердечно-сосудистая смертность являлась целевым показателем, а возможно, уже в этом возрасте стало проявляться воздействие стрессов из-за меняющихся условий жизни.

Маловыраженная сверхсмертность мужчин в возрасте 25–54 лет от новообразований и врождённых аномалий, по-видимому, определяется биологическими факторами. Среднее значение за 50-летний период отношения мужской смертности к женской в этой возрастной группе составляют 1,5 и 1,3, соответственно, тогда как в возрастной группе 15–19 лет – 1,4 и 1,3. К поведенческим факторам, влияющим на сверхсмертность взрослых мужчин, добавляются вредные привычки (алкоголизм, наркомания), а также излишний риск при работе с вредными веществами

и в опасных условиях труда, семейные проблемы. Среднее значение смертности мужчин от внешних причин к смертности женщин составляет 5,4, что заметно больше, чем в возрастной группе 15–19 лет (3,5). После модернизации системы здравоохранения и улучшения обеспеченности медицинских организаций оборудованием те причины, для которых показатели гендерных различий смертности вышли на плато, можно рассматривать как причины, у которых сверхсмертность мужчин определяется преимущественно институциональными факторами (недостатками в организации первичной медицинской помощи, профилактике, промышленной медицине и гигиене труда).

Наибольшие колебания в отношении мужской смертности к женской в возрастной группе 25–54 лет наблюдаются для инфекционных болезней: от 2,2 до 8,1, в среднем 4,9 (у юношей 1,5), а также для болезней органов дыхания: от 2,5 до 5,2, в среднем 4,1 (у юношей 1,5). Резкое снижение данного отношения с конца прошлого века связано со значительным уменьшением распространённости туберкулёза. Тенденция к уменьшению в текущем столетии соотношения для болезней органов дыхания связана со снижением распространения курения среди мужчин и ростом – среди женщин. Что касается болезней системы кровообращения и болезней органов пищеварения, то для них тенденция соотношения мужской и женской смертности за полвека носит противоположный характер, в первом случае наблюдается рост, во втором – снижение.

В период после 2005 г. (оздоровление экономики и модернизация здравоохранения) наблюдается стабилизация величины соотношения мужской и женской смертности для болезней пищеварения на сравнительно низком уровне, а для болезней системы кровообращения, а также для внешних причин в доковидный период – на высоком уровне. Последнее обстоятельство, а также увеличение этого соотношения для болезней нервной сис-

темы, по-видимому, объясняется некоторой трансформацией социальных ролей мужчин и женщин в обществе. Мужчины перестали играть безусловно лидирующую роль в производственных отношениях, у них повысилась ответственность за детей, однако ожидания общества от их социального лидерства, сохранившаяся у мужчин «мускулиная» установка и пренебрежительное отношение к собственному здоровью на фоне роста социальных вызовов препятствуют снижению смертности от острых сосудистых событий. При этом роль биологических факторов свехсмертности мужчин в возрасте 25–54 лет для болезней системы кровообращения наибольшая – женские гормоны в этом возрасте способствуют меньшему риску сердечно-сосудистых катастроф [17].

Таким образом, полученные результаты отражают влияние различных факторов избыточной смертности мужчин в разные возрастные периоды их жизни. Можно согласиться с заключением, что для устойчивого снижения преждевременной смертности мужчин трудоспособного возраста необходим целостный межведомственный подход, направленный на разрыв причинно-следственной цепи на всех уровнях – от изменения социальной среды и поведенческих норм до повышения эффективности системы здравоохранения и социальной защиты [12].

Заключение

Проведённый анализ динамики и структуры смертности юношей 15–19 лет и мужчин трудоспособного возраста (25–54 года) за период 1965–2023 гг. позволяет сформулировать следующие ключевые выводы.

Во-первых, за полвека произошла существенная трансформация профиля смертности в обеих возрастных группах при сохранении общей тенденции к преждевременной мужской смертности. Внешние причины по-прежнему доминируют в структуре смертности, однако их относительный вклад претерпел измене-

ния, в то время как роль болезней системы кровообращения и болезней нервной системы значительно возросла.

Во-вторых, выявлены принципиальные различия в динамике соотношения мужской и женской смертности по различным классам причин. Для инфекционных заболеваний и болезней органов дыхания наблюдается тенденция к снижению гендерного разрыва, обусловленная улучшением эпидемической обстановки и трансформацией моделей курения, тогда как для болезней системы кровообращения и болезней нервной системы характерен рост сверхсмертности мужчин, связанный с биологическими факторами (защитная роль женских гормонов), с поведенческими факторами (пренебрежительное отношение к здоровью, сохраняющиеся «мускулинные» стереотипы на фоне трансформации социальных ролей) и с институциональными факторами (недостатки в организации первичной медицинской помощи, профилактики, охраны труда).

В-третьих, установлено, что экономические кризисы и периоды социальной нестабильности (1990-е гг., пандемия COVID-19) диспропорционально увеличивают смертность мужского населения, формируя волны избыточной смертности.

В-четвёртых, отмечается тревожная тенденция «плохой диагностики» причин смерти: рост доли неточно обозначенных состояний в структуре смертности юношей и мужчин трудоспособного возраста свидетельствует о недостаточном качестве медицинской диагностики и регистрации смертности в экономически и демографически наиболее ценной группе населения.

В-пятых, для юношей выявлена специфическая детерминанта смертности – рост доли врождённых аномалий развития, вероятно, связанный с расширением использования высокотехнологичных репродуктивных технологий, что требует дополнительного эпидемиологического мониторинга.

В-шестых, структурный анализ показывает, что, несмотря на общее снижение

смертности от инфекционных заболеваний и ряд онкологических достижений, в области онкологии прогресс в снижении преждевременной мужской смертности остаётся неустойчивым. Стабилизация соотношения мужской и женской смертности от болезней пищеварения и системы кровообращения у лиц трудоспособного возраста указывает на необходимость дифференцированных стратегий профилактики, а стабилизация на высоком уровне соотношения мужской и женской смертности от болезней нервной системы и внешних причин смерти в доковидный период указывает на целесообразность усиления спортивной подготовки молодёжи.

Таким образом, результаты исследования подтверждают, что избыточная

мужская смертность в молодом и трудоспособном возрасте представляет собой комплексное явление, обусловленное взаимодействием биологических, поведенческих и социально-структурных факторов. Эффективная политика снижения преждевременной смертности должна учитывать возрастную и гендерную специфику рисков, требует усиления первичной профилактики сердечно-сосудистых заболеваний, повышения эффективности спортивной работы с подростками, совершенствования системы регистрации причин смертности и целенаправленного воздействия на социальные детерминанты здоровья мужчин, включая трансформацию гендерных стереотипов отношения к здоровью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агапова Т.Е., Мулендеева Е.С., Петухова А.Н., Васильева Н.В. Половые различия в структуре заболеваемости // Биология и интегративная медицина. 2026. Т. 79. № 1. С. 114–122. DOI: 10.24412/cl-34438-2026-179-114-122.
2. Cullen M.R., Baiocchi M., Eggleston K., Loftus P., Fuchs V. The weaker sex? Vulnerable men, resilient women, and variations in sex differences in mortality since 1900. National Bureau of Economic Research. 2015. (NBER Working Paper No. w21114).
3. Omran A.R. The epidemiologic transition: a theory of the epidemiology of population change // The Milbank Memorial Fund Quarterly. 1971. Vol. 49. № 4. Pp. 509–538.
4. Семёнова В.Г. Обратный эпидемиологический переход в России. М.: ЦСП, 2005.
5. Гундаров И.А. Путин и здоровье России. Почему вымирает народ. М.: ЛитРес, Алгоритм, 2021.
6. Klein S.L., Schiebinger L., Stefanick M.L., Cahill L., Danska J., de Vries G.J., Kibbe M.R., McCarthy M.M., Mogil J.S., Woodruff T.K., Zucker I. Opinion: sex inclusion in basic research drives discovery // PNAS. 2015. Vol. 112. № 17. Pp. 5257–5258.
7. Nielsen M.W., Stefanick M.L., Peragine D. et al. Gender-related variables for health research // Biology of Sex Differences. 2021. Vol. 12. Article 23. DOI: 10.1186/s13293-021-00366-3.
8. Лещенко Я.А. Гендерные тренды смертности населения Иркутской области // Acta biomedica scientifica. 2020. Т. 5. № 4. С. 28–32. DOI: 10.29413/ABS.2020-5.4.4.
9. Геодакян В.А. Теория дифференциации полов в проблемах человека // Фролов И.Т. (ред.). Человек в системе наук. М.: Наука, 1989. С. 171–189.
10. Зинькина Ю.В., Коротаев А.В. Разрыв в ожидаемой продолжительности жизни мужчин и женщин: обзор генетических, социальных и ценностных факторов // Демографическое обозрение. 2021. Т. 8. № 1. С. 106–126.
11. Горошко Н.В., Пацала С.В. Социальные факторы смертности мужского населения: Россия на мировом фоне // Социально-трудовые исследования. 2023. Т. 53. № 4. С. 81–96. DOI: 10.34022/2658-3712-2023-53-4-81-96.
12. Рахимова Д.В., Леженина С.В. Факторы смертности мужчин трудоспособного возраста // Биология и интегративная медицина. 2025. Т. 78. № 6. С. 248–259. DOI: 10.24412/cl-34438-2025-678-248-259.

13. Редько А.Н., Мартыненко В.В. Тенденции смертности детей и подростков Краснодарского края за последние десятилетия // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15. № 4. С. 149–157. DOI: 10.17213/2075-2067-2022-4-149-157.
14. Короленко А.В. Нозологический и половозрастной профиль смертности населения Вологодской области и обусловленных ей демографических потерь // Статистика и экономика. 2021. № 3. С. 27–45. DOI: 10.21686/2500-3925-2021-3-27-45.
15. Конькова Н.И., Рудакова Н.П. Гендерные особенности факторов риска развития когнитивных нарушений в пожилом возрасте // Вестник науки. 2025. Т. 5. № 11 (92). С. 596–603.
16. Медведев В.А., Кичерова О.А., Ахмадеева Л.Р., Рейхерт Л.И., Кичерова К.П., Доян Ю.И., Ахмадеева Э.Н. Гендерные особенности сердечно-сосудистой и цереброваскулярной патологии: обзор литературы // Неврология и нейрохирургия. Восточная Европа. 2025. Т. 15. № 2. С. 251–262.
17. Туйчиева С.К., Ташкенбаева Э.Н. Роль эстрогенов в развитии сердечно-сосудистых заболеваний у женщин // Research Focus. 2024. Т. 3. № 12. С. 176–185. DOI: 10.5281/zenodo.14588225.

Evolution of the Structure of Excess Mortality among Russian Men

Sabgayda Tamara Pavlovna — Doctor of Medical Sciences, Chief Research Fellow, Center for Health and Self-Preservation Behavior, Institute for Social Demography, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (ISD FCTAS RAS).

E-mail: tsabgaida@mail.ru

Zubko Aleksandr Vladimirovich — Candidate of Medical Sciences, Leading Research Fellow, Center for Health and Self-Preservation Behavior, ISD FCTAS RAS.

E-mail: zalexandrae@mail.ru

Semyonova Victoria Georgievna — Doctor of Economic Sciences, Chief Research Fellow, Center for Health and Self-Preservation Behavior, ISD FCTAS RAS.

E-mail: vika-home@yandex.ru

The article examines the evolution of excess mortality among Russian men from the perspective of male supermortality, understood as the ratio of male to female mortality rates. It considers the transformation of the structure of causes of death against the background of socio-economic changes over the period from 1965 to 2023 and analyzes the influence of factors of male supermortality in different periods for the age intervals 15-19 years (before the start of active working life) and 25-54 years. The group of the most economically active population is considered: late working age was excluded because of the high likelihood of comorbidity, and early working age was excluded to reduce the proportion of students. The influence of biological, behavioral, and institutional factors on the excess mortality of adolescent males and men of active working age at the end of the previous century and in the current period is compared. The article concludes that an effective policy to reduce premature mortality must take into account the age and gender specificity of risks, strengthen primary prevention of cardiovascular diseases, improve sports work with adolescents, enhance the system for registering causes of death, and target the social determinants of men's health, including the transformation of gender stereotypes concerning attitudes toward health.

Keywords: male mortality, structure of causes of death, gender gap in mortality, factors of excess male mortality, waves of excess mortality

REFERENCES

1. Agapova T.E., Mulendeeva E.S., Petukhova A.N., Vasil'eva N.V. Polovye razlichiya v strukture zabolevaemosti // *Biologiya i integrativnaya meditsina*. 2026. T. 79. № 1. S. 114–122. DOI: 10.24412/cl-34438-2026-179-114-122 (in Russian).
2. Cullen M.R., Baiocchi M., Eggleston K., Loftus P., Fuchs V. The weaker sex? Vulnerable men, resilient women, and variations in sex differences in mortality since 1900. National Bureau of Economic Research. 2015. (NBER Working Paper No. w21114).
3. Omran A.R. The epidemiologic transition: a theory of the epidemiology of population change // *The Milbank Memorial Fund Quarterly*. 1971. Vol. 49. № 4. Pp. 509–538.
4. Semyonova V.G. Obratnyi epidemiologicheskii perekhod v Rossii. M.: TSSP, 2005 (in Russian).
5. Gundarov I.A. Putin i zdorov'e Rossii. Pochemu vymiraet narod. M.: LitRes, Algoritm, 2021 (in Russian).
6. Klein S.L., Schiebinger L., Stefanick M.L., Cahill L., Danska J., de Vries G.J., Kibbe M.R., McCarthy M.M., Mogil J.S., Woodruff T.K., Zucker I. Opinion: sex inclusion in basic research drives discovery // *PNAS*. 2015. Vol. 112. № 17. Pp. 5257–5258.
7. Nielsen M.W., Stefanick M.L., Peragine D. et al. Gender-related variables for health research // *Biology of Sex Differences*. 2021. Vol. 12. Article 23. DOI: 10.1186/s13293-021-00366-3.
8. Leshchenko Ya.A. Gendernye trendy smertnosti naseleniya Irkutskoi oblasti // *Acta biomedica scientifica*. 2020. T. 5. № 4. S. 28–32. DOI: 10.29413/ABS.2020-5.4.4 (in Russian).
9. Geodakyan V.A. Teoriya differentsiatsii polov v problemakh cheloveka // Frolov I.T. (red.). *Chelovek v sisteme nauk*. M.: Nauka, 1989. S. 171–189 (in Russian).
10. Zin'kina Yu.V., Korotaev A.V. Razryv v ozhidaemoi prodolzhitel'nosti zhizni muzhchin i zhen-shchin: obzor geneticheskikh, sotsial'nykh i tsennostnykh faktorov // *Demograficheskoe obozrenie*. 2021. T. 8. № 1. S. 106–126 (in Russian).
11. Goroshko N.V., Patsala S.V. Sotsial'nye faktory smertnosti muzhskogo naseleniya: Rossiya na mirovom fone // *Sotsial'no-trudovye issledovaniya*. 2023. T. 53. № 4. S. 81–96. DOI: 10.34022/2658-3712-2023-53-4-81-96 (in Russian).
12. Rakhimova D.V., Lezhenina S.V. Faktory smertnosti muzhchin trudosposobnogo vozrasta // *Biologiya i integrativnaya meditsina*. 2025. T. 78. № 6. S. 248–259. DOI: 10.24412/cl-34438-2025-678-248-259 (in Russian).
13. Red'ko A.N., Martynenko V.V. Tendentsii smertnosti detei i podrostkov Krasnodarskogo kraja za poslednie desyatiletia // *Vestnik Yuzhno-Rossiiskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-ekonomicheskie nauki*. 2022. T. 15. № 4. S. 149–157. DOI: 10.17213/2075-2067-2022-4-149-157 (in Russian).
14. Korolenko A.V. Nozologicheskii i polovozrastnoi profil' smertnosti naseleniya Vologodskoi oblasti i obuslovlennyykh ei demograficheskikh poter' // *Statistika i ekonomika*. 2021. № 3. S. 27–45. DOI: 10.21686/2500-3925-2021-3-27-45 (in Russian).
15. Kon'kova N.I., Rudakova N.P. Gendernye osobennosti faktorov riska razvitiya kognitivnykh narushenii v pozhilom vozraste // *Vestnik nauki*. 2025. T. 5. № 11 (92). S. 596–603 (in Russian).
16. Medvedev V.A., Kicherova O.A., Akhmadeeva L.R., Reikher L.I., Kicherova K.P., Doyan Yu.I., Akhmadeeva E.N. Gendernye osobennosti serdechno-sosudistoi i tserebrovaskulyarnoi patologii: obzor literatury // *Nevrologiya i neirokhirurgiya. Vostochnaya Evropa*. 2025. T. 15. № 2. S. 251–262 (in Russian).
17. Tuichieva S.K., Tashkenbaeva E.N. Rol' estrogenov v razvitii serdechno-sosudistykh zabolevanii u zhenshchin // *Research Focus*. 2024. T. 3. № 12. S. 176–185. DOI: 10.5281/zenodo.14588225 (in Russian).

ДЕМОГРАФИЯ И ЗДОРОВЬЕ НАСЕЛЕНИЯ

Индекс УДК 314.3

Код ГРНТИ 05.11.21, 05.11.61

DOI: 10.22204/2587-8956-2026-125-02-86-101

Н.Е. РУСАНОВА*

Репродуктивное здоровье семьи как фактор повышения рождаемости

Для повышения рождаемости актуальным становится анализ факторов, влияющих на этот процесс. Цель — оценка вклада репродуктивного здоровья в процесс изменения рождаемости. Выделены показатели, характеризующие репродуктивное здоровье населения на разных этапах общественного развития с учётом демографической ситуации. Определена связь компонентов репродуктивного здоровья с выбором числа и времени рождения детей на общегосударственном (репродуктивная и экстрагенитальная заболеваемость мужчин и женщин, доступность охраны репродуктивного здоровья) и индивидуальном (поведенческие практики населения) уровне. Использованные методы: исторический анализ административного регулирования физиологических и социальных компонентов репродуктивного здоровья, статистический анализ заболеваемости в РФ за разные периоды 1990–2024 гг. На базе выявленной специфики обозначены основные направления регулирования репродуктивного здоровья, ориентированные на повышение рождаемости: диагностика и лечение патологий репродуктивной сферы, начиная с периода новорождённости, диспансеризация репродуктивного здоровья для населения фертильного возраста, повышение доступности медико-ассоциированной репродукции, включая вспомогательные репродуктивные технологии, с учётом модификации современных форм семейных отношений. Эффект повышения рождаемости за счёт компонентов репродуктивного здоровья определяется комплексным подходом: национальными традициями профилактики репродуктивных нарушений (сохранение физиологической фертильности на протяжении репродуктивного возраста, абортивные и контрацептивные практики, коррекция бесплодия, субфертильности и проч.) и современной общедоступной системой здравоохранения, включающей превентивную репродуктологию.

Ключевые слова: рождаемость, фертильность, субфертильность, бесплодие, аборты, контрацепция, вспомогательные репродуктивные технологии, экстракорпоральное оплодотворение

* **Русанова Нина Евгеньевна** — доктор экономических наук, главный научный сотрудник Института социальной демографии ФНИСЦ РАН.
E-mail: ninrus238@mail.ru

Сегодня в России на фоне увеличения продолжительности жизни происходит снижение рождаемости, которое уже достигло уровня, критичного даже для простого воспроизводства населения: в 2025 г. суммарный коэффициент рождаемости (СКР), по данным Росстата, в 2026 г. сокращался с 1,362 в январе до 1,352 в июне¹. Для повышения рождаемости необходим анализ факторов, влияющих на этот процесс. Среди них особое место занимает состояние репродуктивного здоровья (РЗ), влияние которого на выбор числа и времени рождения детей растёт. Целью работы является оценка вклада РЗ в процесс изменения рождаемости; в задачи исследования входит выделение показателей, характеризующих РЗ населения на разных этапах общественного развития с учётом демографической ситуации, и определение связи компонентов РЗ с выбором числа и времени рождения детей на общегосударственном и индивидуальном уровнях. Методы основаны на историческом анализе административного регулирования физиологических и социальных компонентов РЗ и статистическом анализе заболеваемости в РФ за разные периоды 1990–2024 гг. по данным официальной и отраслевой статистики и научных публикаций.

История и теория вопроса

Изучение РЗ человека имеет давнюю историю: ещё римский поэт Лукреций в поэме «О природе вещей» отмечал, что причины трудностей с зачатием коренятся в организме женщины и мужчины [1]. К началу XX в. было выяснено, что плодотворность связана с наследственными причинами, и появилась возможность определить долю женщин, не имевших рождений к концу индивидуального репродуктивного периода. Развитие репродуктивной медицины и внедрение вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ), основанных на экстракорпоральном оплодот-

ворении (ЭКО), в практику общественного здравоохранения позволили принципиально исключить прямое воздействие репродуктивных патологий на индивидуальное деторождение и изменить их роль в демографических процессах, в связи с чем потребовались более чёткие дефиниции базовых категорий проблемы.

В последней четверти XX в. Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) определила РЗ как способность человека к воспроизводству и регулированию фертильности, включая сексуальные отношения, безопасную беременность, роды, использование контрацептивов, а также выживаемость, рост и здоровье новорождённых. С учётом этого в начале 1990-х гг. в Глобальном обзоре проблем РЗ в мире было указано 60–80 млн бесплодных пар, среди которых 3–5% с первичным бесплодием, т.е. таким, которое невозможно предотвратить или вылечить, остальные — с вторичным, вызванным инфекциями, передаваемыми половым путем (ИППП), абортами и послеродовыми осложнениями. Обзор отразил региональную дифференциацию состояния РЗ во взаимосвязи с социально-экономическим развитием стран, образом жизни, эффективностью национальных систем здравоохранения и уровнем медицинских знаний [2]. Через четверть века повторный Обзор показал, что население многих стран обладает необходимыми знаниями и навыками для реализации мер, улучшающих РЗ и не требующих больших затрат [3].

В 2016 г. вышел первый том международного междисциплинарного журнала *Global Reproductive Health*, издаваемого Международной федерацией обществ репродуктивной медицины (IFFS). Целью журнала было сотрудничество с медицинскими работниками и исследователями в таких областях, как контроль рождаемости, преконцептивное и сексуальное здоровье, репродуктивная генетика, невынашивание беременности на ранних сроках,

¹ <https://www.fedstat.ru/indicator/62852> (дата обращения: 10.07.2026).

гинекологическая практика, связанная с РЗ, репродуктивная хирургия, эпидемиология нарушений репродуктивной функции, оказание услуг, наука и практика ВРТ, контроль их качества и безопасности, а также экономика репродуктивного здравоохранения¹. Это предполагало внимание к состоянию нерепродуктивных (экстрагенитальных) органов и систем, влияние которых на зачатие, вынашивание и рождение здорового ребёнка особенно заметно при снижении числа детей в семье. Тем самым были определены основные элементы исследовательской категории «РЗ», актуальные в XXI в.

Обычно оценка состояния РЗ проводится с помощью показателей (индикаторов), число и состав которых зависят от трактовки этой исследовательской категории. Универсальными являются лишь несколько, которые характеризуют физиологическую фертильность, но измеряются через трудности с зачатием, вынашиванием и рождением здорового ребёнка. Чаще всего используется понятие «бесплодие», однако его содержание неоднократно менялось.

Бесплодие во всём мире долго оставалось семейной проблемой, которую можно констатировать, но почти невозможно решить: *«Бесплодие [бесплодие], врождённое или приобретённое состояние женского организма, делающее его неспособным к зачатию. ...Различные терапевтические и хирургические мероприятия могут устранить бесплодие. Там же, где причины неизвестны или неустранимы — неустранимо и бесплодие². Мужское бесплодие ... неизлечимо»*. Речь шла только о бесплодном браке, т.е. официальном супружеском союзе, *«в котором проходит довольно длинный ряд лет (5–10) при правильном совокуплении, без выкидышей и преждевременных родов»* [4].

В России в первой четверти XX в. почти половина супругов фертильного возраста отмечали проблемы с появлением потомства [5]. Бесплодие диагностировалось при *«отсутствии деторождения в чадородном возрасте в течение известного периода; для первичного бесплодия таким сроком может быть 3 года, причём если беременность не наступает в течение 5 лет, то бесплодие можно считать абсолютным; при вторичном бесплодии этот срок изменяется в зависимости от индивидуальных различий, но составляет 3–5 лет»* [6].

Основная форма бесплодия связывалась с отсутствием оплодотворения, остальные — с невынашиваемостью беременности и невыживаемостью новорождённых. Вторичное бесплодие встречалось вдвое чаще первичного, в 2/3 случаев возникало после первых родов, в 1/3 — после искусственных или самопроизвольных аборт [7]. К 1927 г. число обращений по бесплодию ежегодно возрастало почти на четверть, и VII Всесоюзный съезд гинекологов и акушеров назвал его *«...угрозой не только семье, но и государству из-за важных социальных последствий»* [5], хотя демографических последствий ещё не ощущалось, поскольку суммарный коэффициент рождаемости был около шести [8].

После 1970-х гг. в СССР проблема бесплодия стала возрастать до общегосударственного масштаба, при котором 15%-ный уровень в структуре населения превысила доля женщин 50 лет и старше, никогда не имевших детей, либо доля бесплодных женщин 20–29 лет (при начале биологического снижения фертильности с 35 лет) [9]. В стране фиксировалось 10–20% бесплодных браков³, когда беременность не наступала в течение двух лет без контрацепции (по нормативам ВОЗ — 12 месяцев [10]), женское беспло-

¹ Global Reproductive Health. <https://journals.lww.com/grh/Pages/Aims-and-Scope.aspx> (дата обращения: 10.02.2026).

² Энциклопедический словарь т-ва «Бр. А. и И. Гранат и Ко. М., 1909. Т. 5. С. 166–167, 186.

³ Большая медицинская энциклопедия, М.: Советская энциклопедия, 1985. С. 80–85.

дие подразделялось на «физиологическое» (в детском и старческом возрасте, при лактации) и «патологическое» (вызванное гинекологическими и некоторыми другими заболеваниями). В патологическом бесплодии выделялся «стерилитет» (неспособность к зачатию) и «инфертильность» (неспособность к вынашиванию плода). Оно могло быть «первичным» (беременностей не было никогда) и «вторичным» (были беременности с любым исходом, но после последней два года зачатий не было), «абсолютным» (беременность невозможна никогда, например, при отсутствии детородных органов) и «относительным» (беременность в принципе возможна), «врождённым» и «приобретённым»¹. Бесплодие долгое время не рассматривалось обществом как «просто болезнь», лишь в 1989 г. ВОЗ включила в XIV класс Международной классификации болезней (МКБ-10) мужское (№ 46) и женское (№ 97) бесплодие [11].

Критерии бесплодия изменяются, в том числе, из-за уточнения причин, среди которых выделяется влияние внешней среды (химии, радиации, образа жизни, характера труда и проч.), иногда — урбанизации и связанными с ней «патологиями городской среды». Сегодня ВОЗ трактует бесплодие как *«расстройство мужской или женской репродуктивной системы, определяемое как неспособность добиться беременности после регулярных незащищённых половых актов на протяжении 12 или более месяцев»*². Выявлено, что *«распространённость заболеваний репродуктивной системы у женщин высока и не имеет тенденции к снижению: за последние 10 лет*

число женщин с бесплодием составляет в среднем 8 на 1000 женщин репродуктивного возраста», но *«многие проблемы и заболевания репродуктивной системы протекают бессимптомно и обуславливаются нарушением развития половых органов, неправильной закладкой стволовых клеток, а также образом жизни»*³. Такая группировка причин репродуктивных нарушений принципиально не изменилась за столетие: в начале XX в. врачи выделяли три группы причин бесплодия [5, с. 239]:

- аномалии половой сферы и болезненные состояния, препятствующие сексуальной жизни — 62%;
- воспалительные заболевания половой сферы — 24%;
- некоторые внутренние болезни (например, тучность) — 14%.

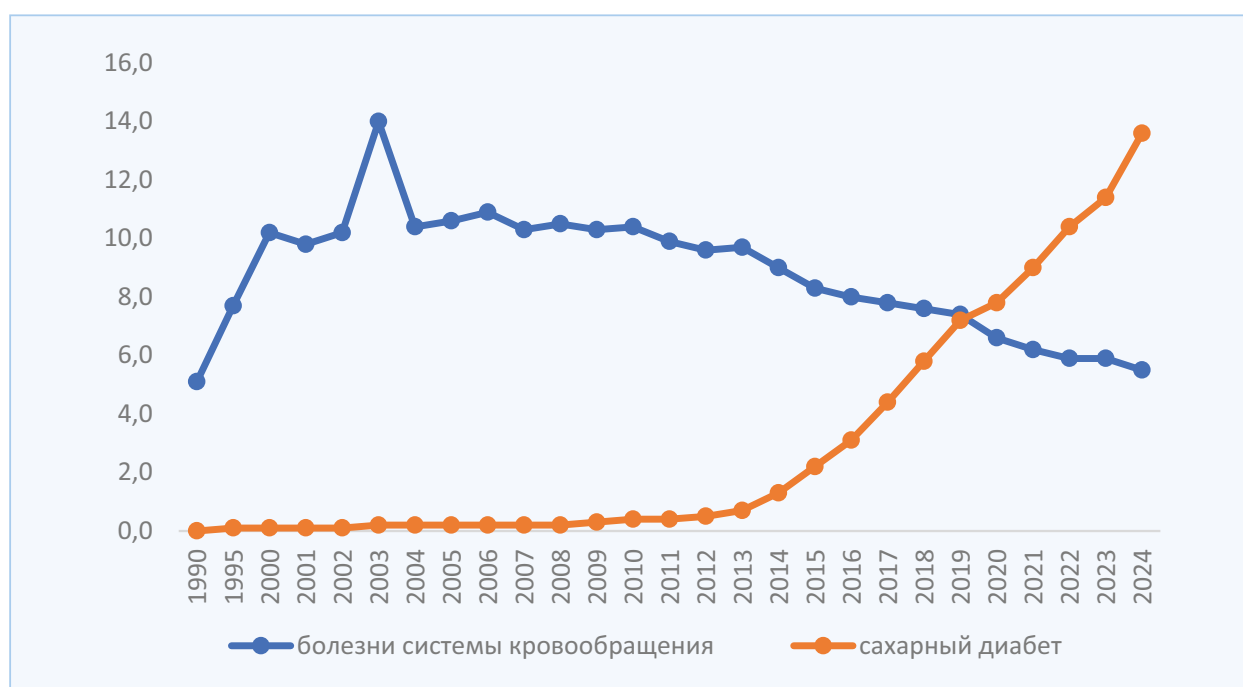
Репродуктивное здоровье женщины

Важной характеристикой российской рождаемости последних лет остаётся ухудшение здоровья женщин репродуктивного возраста, что приводит к росту числа беременностей, протекающих на фоне экстрагенитальных патологий. Часть таких патологий относится к группе неинфекционных заболеваний (НИЗ): незаразных, хронических, обычно медленно прогрессирующих, объединённых по общим характеристикам в четыре группы: сердечно-сосудистые заболевания (ССЗ — инсульты, инфаркты и прочие патологии системы кровообращения), онкологические заболевания (ЗНО — злокачественные новообразования), заболевания органов дыхания (хроническая обструктивная болезнь лёгких, аст-

¹ Большая медицинская энциклопедия, М.: Советская энциклопедия, 1985. С. 80–85.

² Бесплодие. ВОЗ. 22.05.2024, <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/infertility> (дата обращения: 10.02.2026).

³ Методические рекомендации по диспансеризации мужчин и женщин репродуктивного возраста с целью оценки репродуктивного здоровья (утв. Министерством здравоохранения Российской Федерации 27 февраля 2026 г.) <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/413725546/?ysclid=mrbov085ep756261596> (дата обращения 20.06.2026).

Ил. 1. Беременности, завершившиеся в срок, у женщин с болезнями системы кровообращения и сахарным диабетом (из числа закончивших беременность, %)

ма и проч.) и эндокринные заболевания (диабет)¹. Распространение НИЗ среди населения проходит настолько интенсивно, что охарактеризовано как «эпидемия НИЗ», которая долгое время фиксировалась преимущественно в пожилых и старших возрастах. Однако в последние годы НИЗ стремительно «молодеют», выявляются в репродуктивном и даже детском возрасте, осложняя течение беременности, состояние плода и новорожденного. Их распространенность среди беременных различна: ССЗ (артериальная гипертензия, врожденные и приобретенные пороки сердца, аритмии и проч.) составляют около 10% в структуре экстрагенитальной патологии [12], бронхиальная астма поражает до 12% беремен-

ных женщин во всем мире [13]. У 1–2% женщин репродуктивного возраста в РФ диагностируется сахарный диабет 1-го и 2-го типов, а у 4,5–6,5% беременных — гестационный сахарный диабет («диабет беременных») [14], доля которых среди успешно завершенных беременностей выросла с 0,1% в 1995–2002 гг. до 13,6% — в 2024 г.² (ил. 1)³.

Особое место среди НИЗ, негативно влияющих на репродуктивное здоровье, занимают ЗНО, каждый шестой-седьмой случай которых диагностируется у женщин репродуктивного возраста, достигая максимума среди 45–49-летних (ил. 2)⁴.

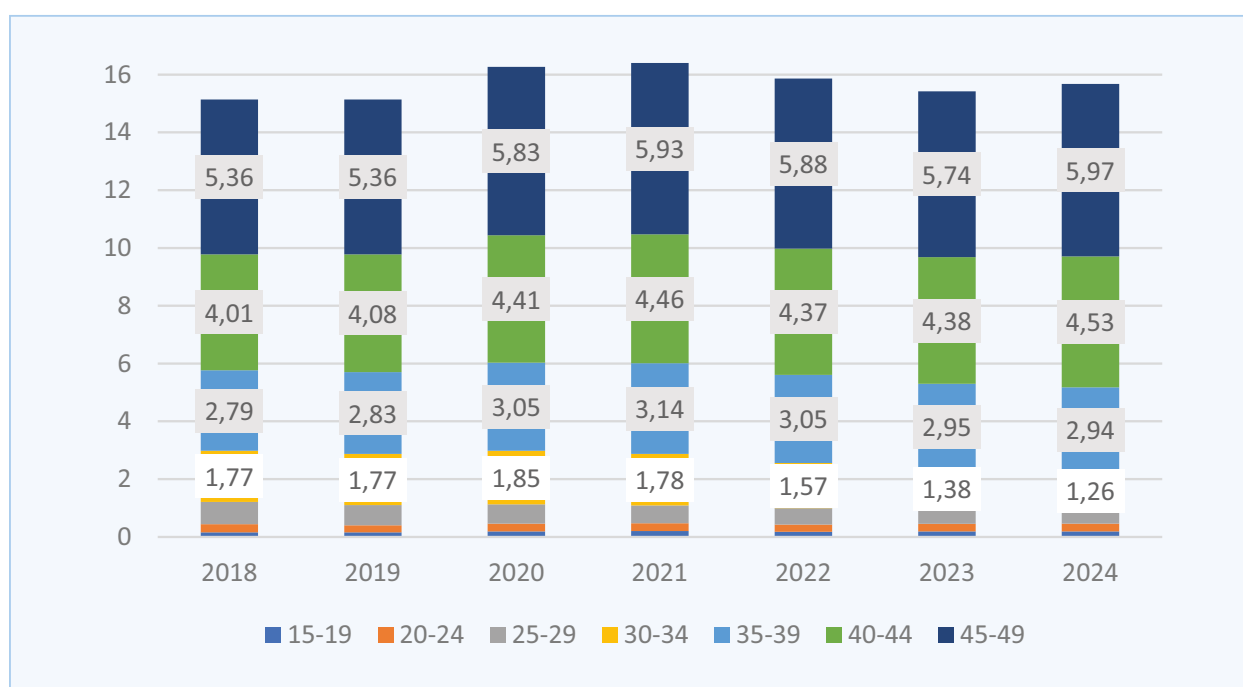
Некоторый рост доли ЗНО в 2020–2022 гг. может быть связан с проблемами диагностики периода пандемии ковида,

¹ Неинфекционные заболевания, <https://www.who.int/ru/health-topics/noncommunicable-diseases> (дата обращения: 10.02.2026).

² Состояние здоровья беременных, рожениц, родильниц и новорожденных (по данным Минздрава России, расчет Росстата). Росстат/Статистика/Официальная статистика/Население/Здравоохранение/Показатели здоровья матери и ребенка (rosstat.gov.ru).

³ Там же.

⁴ Злокачественные новообразования в России (заболеваемость и смертность), 2002–2025 гг. М.: МНИОИ им. П.А. Герцена. <http://www.oncology.ru/service/st>.

Ил. 2. Заболеваемость ЗНО у женщин репродуктивного возраста в России в 2018–2024 гг.
(% от ЗНО, зарегистрированных у женщин всех возрастов)

когда увеличился удельный вес ЗНО женской репродуктивной системы (молочной железы, вульвы, влагалища, шейки и тела матки, яичника, плаценты) в репродуктивном возрасте среди ЗНО женской репродуктивной системы у женщин всех возрастов (ил. 3)¹.

Более 24% нарушений РЗ обусловлены врождёнными пороками развития органов мочеполовой системы², заметен также рост функциональных нарушений индивидуальной репродуктивной функции (ил. 4)³. К 2024 г. первичная заболеваемость женским бесплодием выросла до 67,9 тыс. чел., хотя в отдельные годы наблюдался почти двукратный рост (более 92,2 тыс. чел. в 2015–2017 гг.).

Затем распространённость бесплодия несколько снизилась, но продолжился

рост расстройства менструаций, которое часто бывает предиктором бесплодия — с 356,3 тыс. чел. в 2004 г. до 696,2 тыс. чел. в 2024 г.). Общая заболеваемость (на 100 000 женского населения) также росла: бесплодие увеличилось почти в три раза среди женщин 18–49 лет, расстройство менструаций — почти в четыре раза среди женщин 10–49 лет (ил. 5)⁴. Локальные данные свидетельствуют о росте распространённости других заболеваний, негативно влияющих на репродуктивную функцию женщин (эндометриоз, сальпингит, оофорит и проч.) [15], причём реальные масштабы могут быть больше, поскольку не все обращаются за помощью к специалистам.

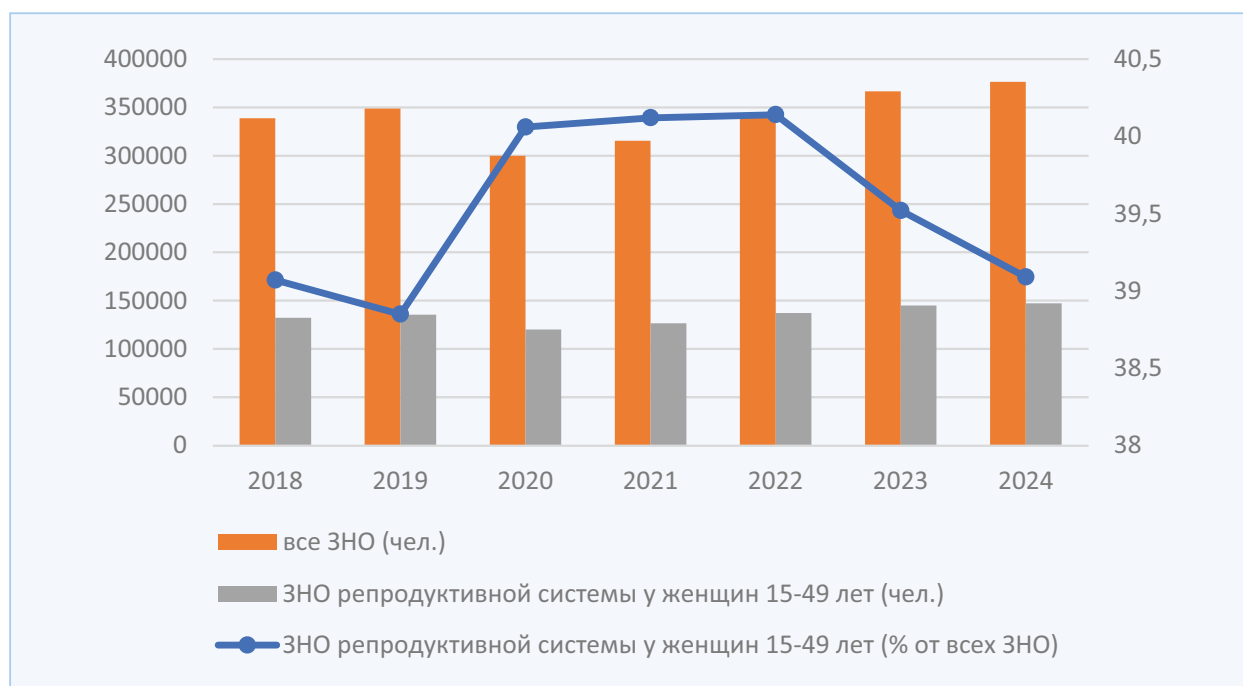
Сохраняется влияние нарушений индивидуального РЗ, возникших в репродук-

¹ Состояние здоровья беременных, рожениц, родильниц и новорождённых (по данным Минздрава России, расчёт Росстата). Росстат/Статистика/Официальная статистика/Население/Здравоохранение/Показатели здоровья матери и ребёнка (rosstat.gov.ru).

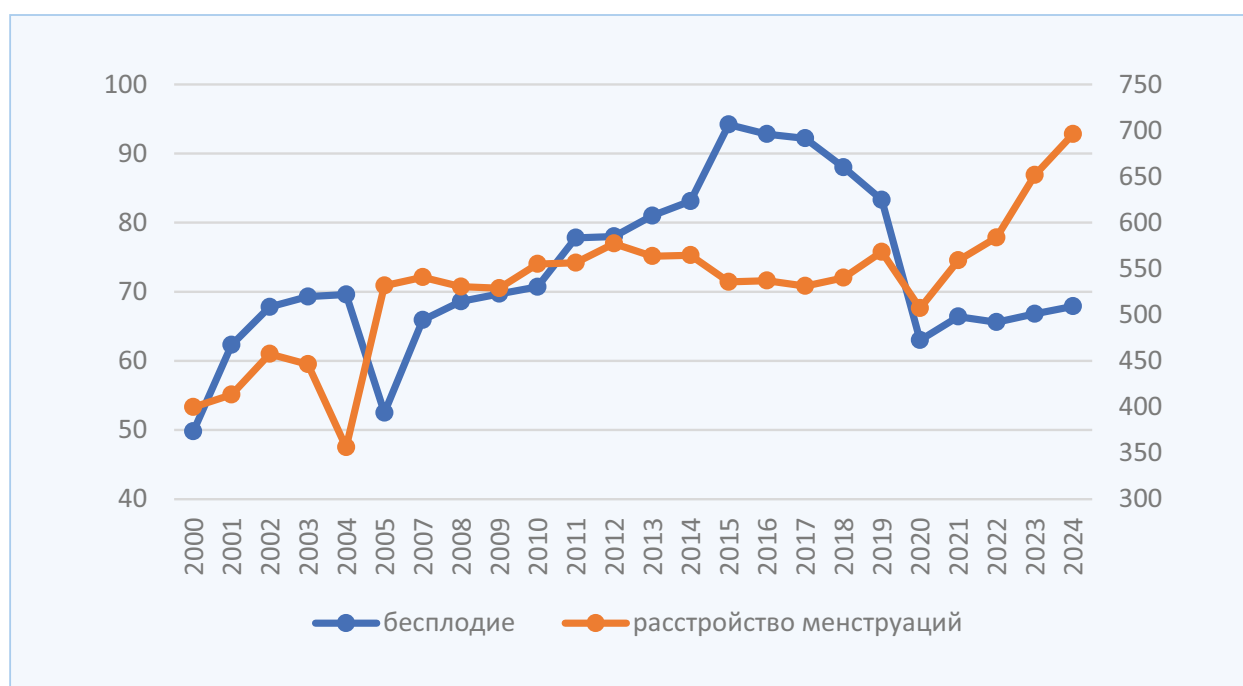
² Там же.

³ Здравоохранение в России: Статистический сборник. 2000...2025. www.rosstat.gov.ru.

⁴ Там же.

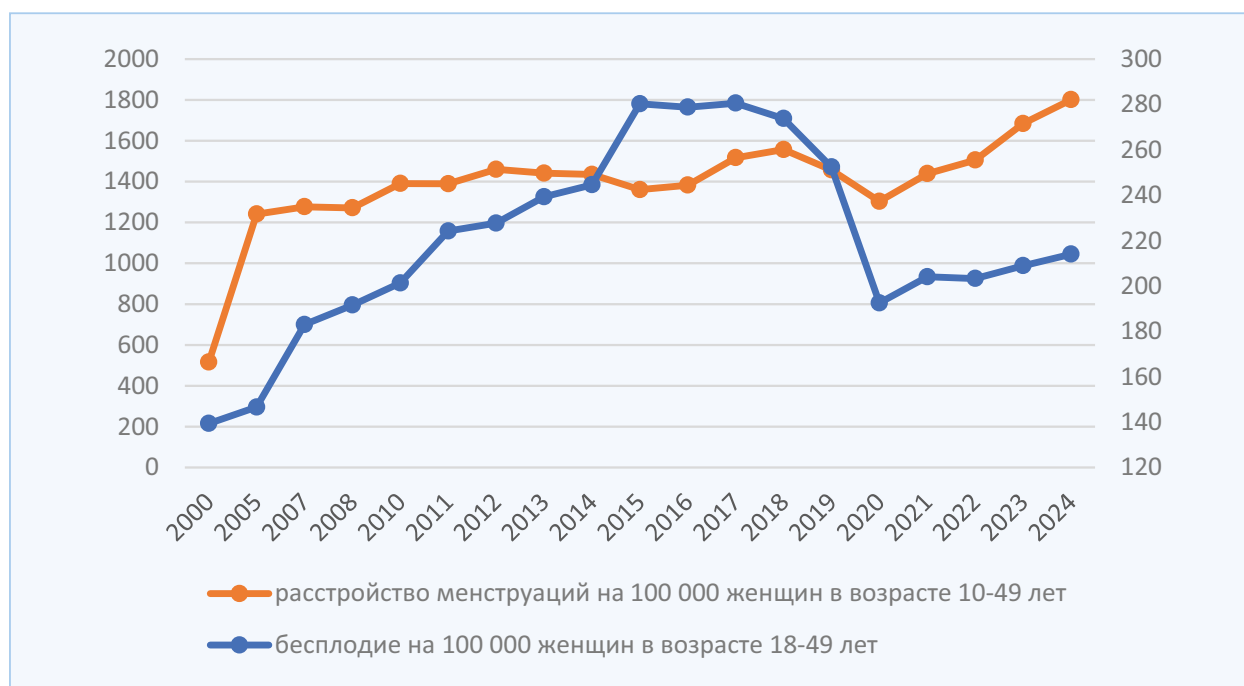
Ил. 3. Заболеваемость женщин репродуктивного возраста в России злокачественными новообразованиями в 2018–2024 гг.

Ил. 4. Число женщин с диагнозом, установленным впервые, тыс.

тивном возрасте до первой неудачной попытки зачатия (вторичное бесплодие, ИППП). Несмотря на достаточную изученность, разработанность схем лечения и широкую информированность насе-

ления, ИППП остаются одними из угроз РЗ, приводящими к патологии беременности, самопроизвольным выкидышам, росту числа недоношенных и маловесных младенцев, а также детей с врожден-

Ил. 5. Число женщин с диагнозом «бесплодие» и «расстройство менструаций», на 100 000 женского населения, тыс. чел.

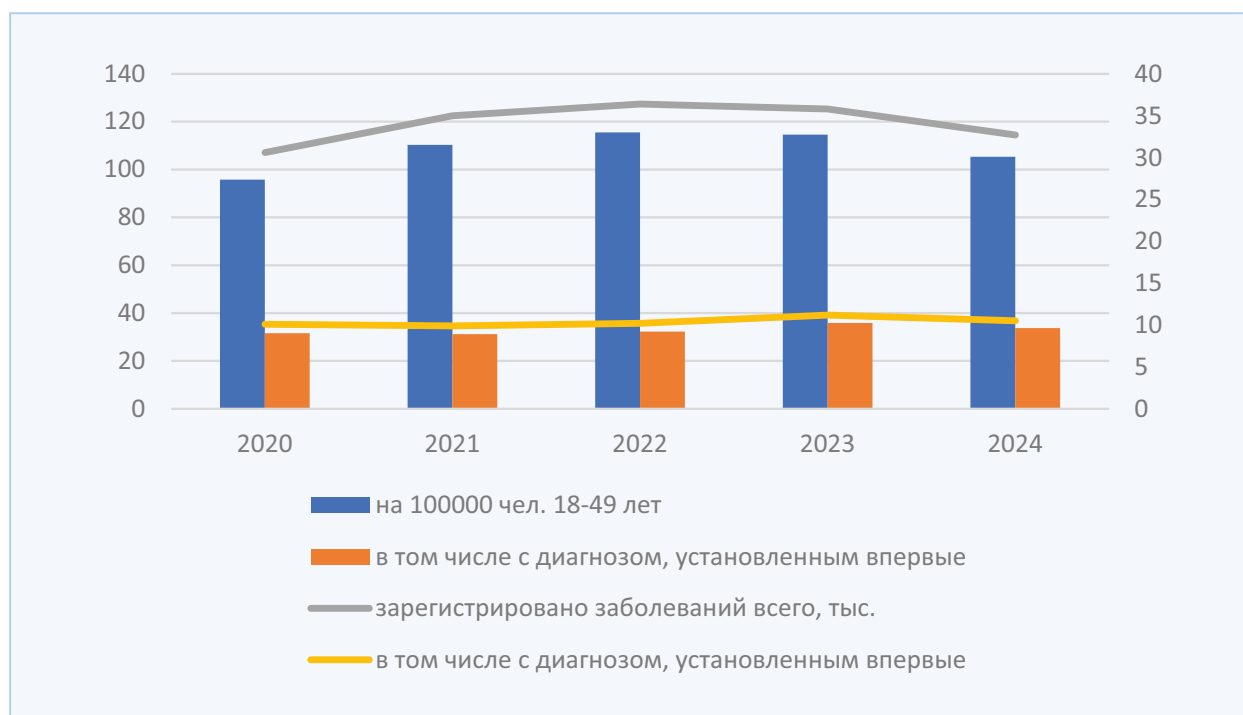

Ил. 6. Аборты у первобеременных

ными пороками. Выявлена взаимосвязь некоторых ИППП (например, вируса папилломы человека) с онкологическими заболеваниями, трудно диагностируемыми на начальных стадиях и требующими

гонадотоксической терапии (вероятность наступления беременности после такого лечения снижается на 2/3) [15].

Позитивной тенденцией является снижение числа абортов: за 2015–2024 гг.

Ил. 7. Мужское бесплодие

их стало меньше в России почти вдвое (с 848,2 тыс. до 444,3 тыс.), сократившись и среди женщин (с 23,7 до 13,0 на 100 женщин 15–49 лет), и относительно числа родов (с 44,0 до 36,5 абортот на 100 родов), однако тенденцию абортот у первобеременных в последние годы нельзя назвать устойчивой, хотя доля их среди всех медицинских легальных абортот составляет 5,2–6,3% (ил. 6)¹.

Репродуктивное здоровье мужчин

В начале XX в. до 25–30% бесплодия в паре связывалось с мужскими аномалиями развития, функциональными или психическими расстройствами и ещё 20–25% — с мужскими ИППП [16, с. 159]. За прошедший век тенденции принципиально не изменились: мужское РЗ продолжает ухудшаться из-за роста масштабов заболеваемости репродуктивной системы, обусловленного вредными привычками,

ИППП и патологиями органов мочеполовой системы (78% обращений к урологам среди мужского населения разного возраста), хотя наибольшего внимания требует РЗ мужчин 18–49 лет [15]. Абсолютный риск бесплодия после некоторых заболеваний мужской репродуктивной сферы может достигать 35% [17].

Ключевым аспектом сохранения РЗ мужчин является своевременная диагностика: зачастую мужское бесплодие выявляется у тех, кто не предъявляет жалоб со стороны репродуктивной системы, хотя число таких нарушений растёт, достигнув в 2024 г. 32,7 тыс. чел. (105,3 на 100 тыс. мужчин 18–49 лет), причём почти треть из них ежегодно выявляется впервые (10,5 и 33,7 соответственно) (ил. 7)².

Пример ЗНО репродуктивной сферы мужчин (молочной железы, полового члена, предстательной железы, яичка, мошонки) свидетельствует о росте их нега-

¹ Здравоохранение в России: Статистический сборник. 2000...2025. www.rosstat.gov.ru.

² Там же, с. 28–29.

Ил. 8. ЗНО репродуктивной сферы, мужчины

тивного влияния не только на РЗ мужчин всех репродуктивных возрастов (ил. 8)¹, но и на РЗ мужчин в возрастах максимальной фертильности: в 2024 г. эти заболевания составляли почти пятую часть всех ЗНО у мужчин 20–24 лет, почти шестую — 25–29 лет (ил. 9)².

Несмотря на способность мужчины к зачатию ребёнка даже в старшем возрасте, с каждым годом эта вероятность уменьшается: шанс живорождения при возрасте будущего отца старше 35 лет вдвое ниже по сравнению с более молодыми отцами, даже при применении ЭКО³. С одной стороны, это осложняет коррекцию репродуктивных нарушений, но с другой — создаёт новые возможности благодаря медико-ассоциированной репродукции (МАР). Однако локальные

исследования показывают, что дети, рождённые от возрастных отцов, зачастую отличаются худшими показателями здоровья: с возрастом отца тесно связана более высокая вероятность развития у ребёнка шизофрении, расстройств аутистического спектра, острого лимфобластного лейкоза, а также многих врождённых синдромов и аномалий развития [18].

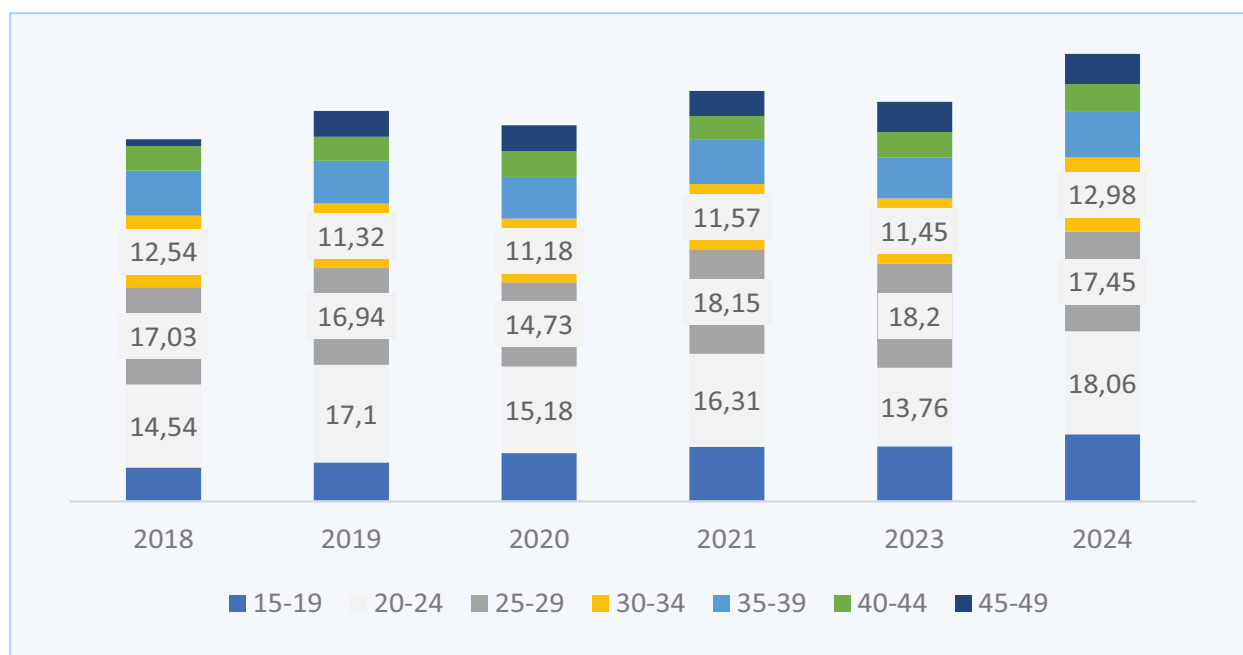
Репродуктивное здоровье семьи и перспективы повышения рождаемости

РЗ семьи является комплексной характеристикой супружеской пары, зависящей и от индивидуального РЗ потенциальных родителей, и от экстрагенитальных патологий каждого из них, и от биологической

¹ Состояние здоровья беременных, рожениц, родильниц и новорождённых (по данным Минздрава России, расчёт Росстата). Росстат/Статистика/Официальная статистика/Население/Здравоохранение/Показатели здоровья матери и ребёнка (rosstat.gov.ru).

² Здравоохранение в России: Статистический сборник. 2000...2025. www.rosstat.gov.ru.

³ Методические рекомендации по диспансеризации мужчин и женщин репродуктивного возраста с целью оценки репродуктивного здоровья (утв. Министерством здравоохранения Российской Федерации 27 февраля 2026 г.) <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/413725546/?ysclid=mrobov085ep756261596> (дата обращения 20.06.2026).

Ил. 9. Мужское бесплодие

совместимости. Также имеют значение поведенческие факторы, т.е. образ жизни, репродуктивное просвещение, профилактика репродуктивных нарушений:

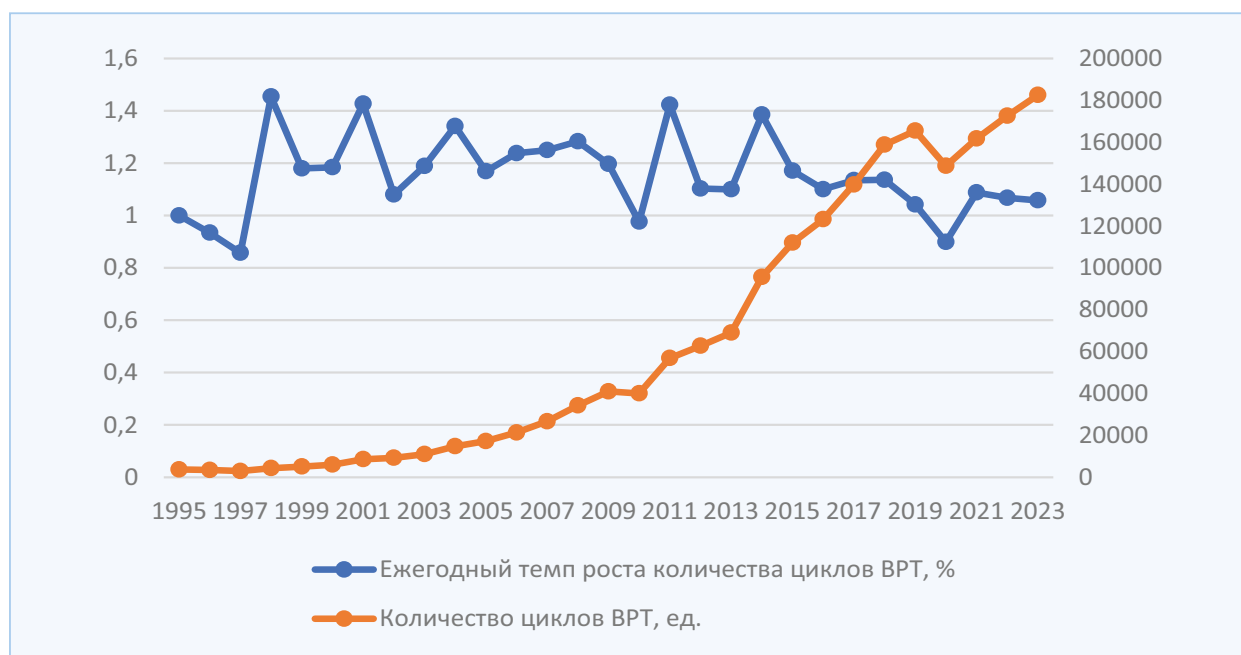
- Безответственные половые контакты одного или обоих супругов, в том числе до образования потенциальной родительской пары: у подавляющего большинства девушек 17–19 лет сексуальный дебют происходит до вступления в брак, причём у 41% из них – без какой-либо контрацепции [19].

Формирование адекватной модели контрацептивного поведения связано с ранним началом половой жизни, не оформленным официальным супружеством, увеличением числа семей, в которых супруги большую часть времени проживают отдельно. Современная структура применения контрацепции традиционна для России: наиболее распространены легкодоступные мужские презервативы, защищающие от ИППП, не требующие медицинского консультирования, не имеющие

побочных действий. По-прежнему, используются внутриматочные спирали (ВМС), в отличие от непопулярных спермицидов, экстренной контрацепции и добровольной стерилизации, а молодые образованные и обеспеченные горожанки охотно обращаются к инновационным методам (типа гормональных релизинг-систем) [20].

- «Курение увеличивает риск бесплодия в 1,6 раз. Потребление алкоголя более 20 г этанола в день увеличивает риск бесплодия на 60%. Высокий уровень потребления кофеина (500 мг, или более 5 чашек в день) снижает шансы наступления беременности в 1,45 раз»¹.
- Особенности профессиональной деятельности одного или обоих супругов (вредность, стресс и проч.).
- Отношение к своему здоровью (здоровый образ жизни (ЗОЖ), посещение врачей, диспансеризация, самолечение и т.д.). Важно нормализовать массу тела: время до зачатия увеличивается вдвое при индексе массы тела (ИМТ)

¹ Методические рекомендации по диспансеризации мужчин и женщин репродуктивного возраста с целью оценки репродуктивного здоровья (утв. Министерством здравоохранения Российской Федерации 27 февраля 2026 г.) <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/413725546/?ysclid=mrobv085ep756261596> (дата обращения 20.06.2026).

Ил. 10. Число циклов ВРТ и ежегодные темпы их роста в России

$>35 \text{ кг}/(\text{м})^2$ и в четыре раза — при ИМТ $< 18 \text{ кг}/(\text{м})^2$ ¹.

Наиболее эффективными для коррекции бесплодия сегодня считаются ВРТ, во многом из-за того, что приносят результат в самых сложных, ранее считавшихся безнадежными случаях. Расчётная потребность в них составляет около 1500 циклов на 1 млн населения в год², в России в 2023 г. было 1249 циклов (ил. 10)³. За 1995–2023 гг. количество циклов ВРТ увеличилось с 3690 до 182 568, т.е. почти в 50 раз, а число медицинских учреждений, проводивших программы с применением ЭКО, — с 12 до 345, т.е. почти в 30 раз, что свидетельствует о расширении доступности этого вида репродуктивной помощи.

Доступность улучшается благодаря расширению оснований для проведения ЭКО

в рамках обязательного медицинского страхования (ОМС), распространяемого на бесплодие, не поддающееся лечению, или на наличие медицинских диагнозов, при которых беременность невозможна без ЭКО. С 2013 г. финансовое обеспечение лечения бесплодия с применением ВРТ в России включено в программу государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи в части реализации базовой программы ОМС⁴, но таких циклов чуть больше половины (ил. 11)⁵.

- Профилактика нарушений РЗ независимо от фактических семейных отношений.

Изменение традиций брачно-семейных отношений предполагает доступность профилактики и коррекции нарушений РЗ независимо от возраста и официаль-

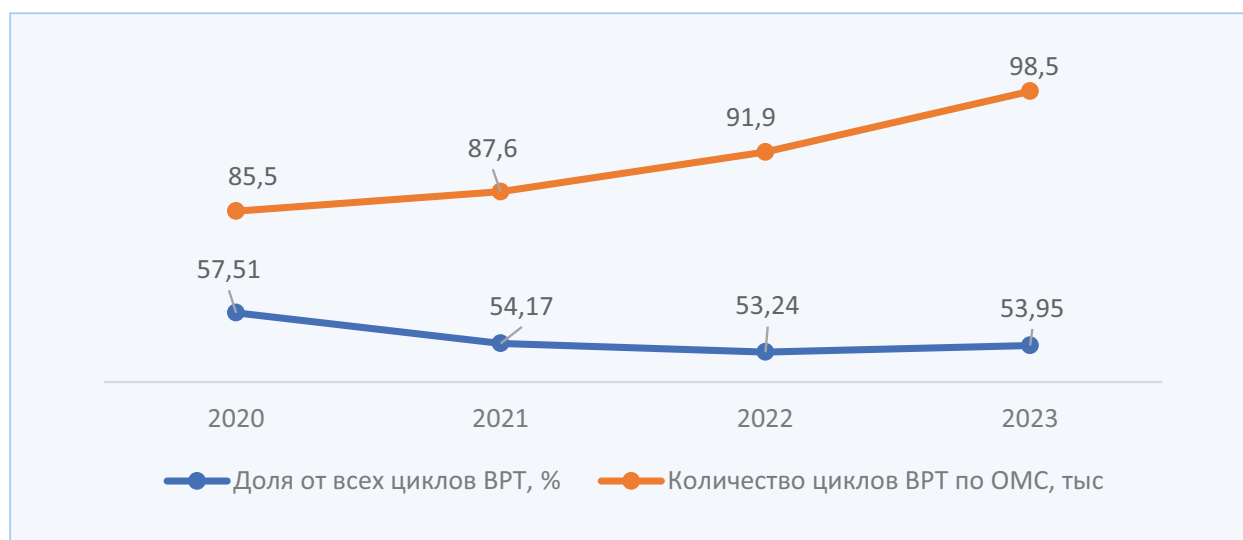
¹ Методические рекомендации по диспансеризации мужчин и женщин репродуктивного возраста с целью оценки репродуктивного здоровья (утв. Министерством здравоохранения Российской Федерации 27 февраля 2026 г.) <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/413725546/?ysclid=mrobv085ep756261596> (дата обращения 20.06.2026).

² European IVF monitoring of ART and development of a strategy for vigilance <https://www.eshre.eu/Annual-Meeting/Barcelona-2018/ESHRE-2018-Press-releases/De-Geyter>.

³ Регистр ВРТ в России. Отчёты за 1995–2023 гг. https://old.rahr.ru/registr_otchet.php?ysclid=mnccv2e2kp327541429.

⁴ С момента включения ЭКО в ОМС проведено более 800 тыс. процедур <https://www.ffoms.gov.ru/news/ffoms/s-momenta-vklyucheniya-eko-v-oms-provedeno-bolee-800-tys-protsedur/> 24.09.2024 (дата обращения: 25.12.2025).

⁵ Там же.

Ил. 11. Вспомогательные репродуктивные технологии по ОМС

ного семейного статуса. Диагностические возможности для выявления нарушений РЗ предоставляют перинатальные центры, детские лечебно-профилактические учреждения и женские консультации; там же предусматривается психологическая, правовая, социальная и иная поддержка женщин в ситуации репродуктивного выбора. С 2024 г. в программу государственных гарантий бесплатной медицинской помощи как инструмент ранней диагностики для мужчин и женщин 18–49 лет включена трёхэтапная диспансеризация для оценки РЗ. За это время её прошли 2,6 млн мужчин и 4,1 млн женщин, всего 6,7 млн чел., из них 75,8% отнесены к 1-й группе здоровья («здоров и почти здоров»), 15,8% — ко 2-й группе («есть факторы риска»), 8,4% — к 3-й группе («выявлены заболевания и патологии»)¹.

Вопросы профилактического медицинского осмотра и диспансеризации регулируются нормативными документами², в соответствии с которыми вводится Перечень мероприятий по оценке РЗ мужского и женского населения репродуктивного возраста с целью выявления у граждан признаков заболеваний или состояний, которые могут негативно повлиять на беременность и последующее течение беременности, родов и послеродового периода, а также факторов риска их развития. Для женщин и мужчин репродуктивного возраста поэтапно в зависимости от возрастных групп одновременно с прохождением профилактического осмотра или диспансеризации организуется проведение диспансеризации, направленной на оценку их РЗ, включающей исследования и иные медицинские вмешательства по перечню согласно приложению № 6 Программы³.

¹ Пройти диспансеризацию для оценки репродуктивного здоровья. Возможности Национального проекта РФ «Семья». <https://национальныепроекты.рф/new-opportunities/proyti-dispanserizatsiyu-dlya-otsenki-reproduktivnogo-zdorovya/?ysclid=mnncbg12uog311125979> (дата обращения: 20.06.2026).

² Порядок проведения профилактического медицинского осмотра и диспансеризации определённых групп взрослого населения, утверждённый приказом Минздрава России от 27.04.2021 г. № 404н. <http://www.garant.ru/ipo/prime/doc/401314440/?ysclid=mnncbr51gt3192362629> (дата обращения: 20.06.2026).

³ Программа государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи на 2026 год и на плановый период 2027 и 2028 годов, утверждённая постановлением Правительства Российской Федерации от 29.12.2025 г. № 2188. <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/413295026/?ysclid=mnncb6a0e0644716297> (дата обращения: 20.06.2026).

Заключение

К настоящему времени состояние РЗ населения России нельзя признать удовлетворительным, поскольку по результатам скрининга почти у четверти обследованных выявлены нарушения РЗ или факторы риска таких нарушений. Это не способствует повышению рождаемости как одной из целей демографической политики, однако позитивной тенденцией является расширение доступности современных эффективных методов коррекции нарушений репродуктивной функции мужчин и женщин, их профилактики, а также нивелирование влияния репродуктивно-ассоциированных экстрагенитальных патологий. Развитие репродуктивной медицины и внедрение ВРТ в практику общественного здравоохранения позволило принципиально исключить прямое воздействие репродуктивных патологий на индивидуальное деторождение и изменить их роль в демографических процессах. Хотя использование показателей РЗ связано с объективными трудностями и ограничениями, они остаются инстру-

ментами, необходимыми для принятия решений в рамках государственной демографической политики.

Исследование РЗ как фактора повышения рождаемости в России позволило выделить основные направления его регулирования, имеющие пронатальный эффект: диагностика и лечение патологий репродуктивной сферы начиная с периода новорожденности, профилактика и раннее выявление нарушений РЗ для населения фертильного возраста, повышение доступности МАР, включая ВРТ, с учётом модификации современных форм семейных отношений.

Эффект повышения рождаемости за счёт компонентов РЗ определяется комплексным подходом: национальными традициями профилактики репродуктивных нарушений (сохранение физиологической фертильности на протяжении репродуктивного возраста, abortивные и контрацептивные практики, коррекция бесплодия и субфертильности и проч.) и современной общедоступной системой здравоохранения, включающей превентивную репродуктологию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тит Лукреций Кар. О природе вещей. Кн. 4. Раздел «Деторождение», стихи 1209–1277. М., 2006.
2. Fathalla MF. Reproductive health: a global overview. Ann NY Acad Sci. 1991; 626:1–10. DOI: 10.1111/j.1749-6632.1991.tb37894.x. PMID: 2058944.
3. Fathalla M. Sexual and Reproductive Health: Overview. 2017. DOI: 10.1016/B978-0-12-803678-5.00402-1.
4. Ланда Э.И. Причины и способы лечения женского бесплодия // Акушерка. 1909. № 13–14. С. 195.
5. Шустер-Кадыш М.А. К вопросу об этиологии и лечении бесплодия // Труды VII Всесоюзного съезда гинекологов и акушеров. Л., 1927. С. 238.
6. Какушкин Н.М. Основные предпосылки к изучению вопроса о женском бесплодии // Труды VII Всесоюзного съезда гинекологов и акушеров. Л., 1927. С. 234.
7. Парсамов О., Яковлев В. О бесплодии женщины // Гинекология и акушерство. 1932. № 3. С. 36.
8. Вишневский А.Г. Рождаемость: великий перелом // Демоскоп Weekly 16 марта 2003.
9. Эпидемиология бесплодия: Доклад научной группы ВОЗ. Серия технических докладов ВОЗ, № 582. Женева: ВОЗ, 1977.
10. Tietze C., Guttmacher A.F., Rubin S. Time required for conception in 1727 planned pregnancies // Fertility and Sterility. 1950. Vol. 1. Pp. 338–346.
11. WHO consultation on the diagnosis and treatment of endocrine causes of infertility. Hamburg: WHO, 1976.

12. Диагностика и лечение сердечно-сосудистых заболеваний при беременности. 2018. Национальные рекомендации // Российский кардиологический журнал. 2018. № 3 (155). С. 91–134. <http://dx.doi.org/10.15829/1560-4071-2018-3-91-134>.
13. Teelucksingh S., Davis A., Nelson-Piercy C., Asthma and Pregnancy: A Narrative Review, CHEST, Vol. 169. Iss. 3. 2026. Pp. 605–615. <https://doi.org/10.1016/j.chest.2025.08.043>.
14. Петрухин В.А. Беременность и сахарный диабет // Акушерство: Национальное руководство / Под ред. Г.М. Савельевой, Г.Т. Сухих, В.Н. Серова, В.Е. Радзинского. 2-е изд., доп. и перераб. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2015. С. 507–522.
15. Каприн А.Д., Аполихин О.И., Сивков А.В., Трушина О.И., Новикова Е.Г., Мухтарулина С.В., Юдина В.С., Лопухов П.Д. Междисциплинарный подход к улучшению репродуктивного здоровья подростков и взрослого населения // Эпидемиология и вакцинопрофилактика. 2022. 21 (1). С. 103–109. <https://doi.org/10.31631/2073-3046-2022-21-1-103-109>.
16. Гротьян А. Социальная патология. М.: Мосздравотдел, 1925. С. 159.
17. Шорманов И.С., Ворчалов М.М., Рыжков А.И. Острый эпидидимит: медицинские и социальные аспекты. Современные возможности патогенной терапии // ЭКУ. 2012. № 3. С. 71–78.
18. Nybo Andersen AM, Urhoj SK. Is advanced paternal age a health risk for the offspring? Fertil Steril. 2017 Feb. 107 (2). Pp. 312–318. DOI: 10.1016/j.fertnstert.2016.12.019.
19. Аганезов С.С., Мороцкая А.В., Аганезова Н.В. Контрацепция среди молодёжи: предпочтения и знания // Акушерство и гинекология. 2016. № 4. С. 126–132. <http://dx.doi.org/10.18565/aig.2016.4.126-132>.
20. Русанова Н.Е. Репродуктивные возможности демографического развития. М.: Спутник+, 2008. С. 65–92.

Family Reproductive Health as a Factor in Increasing Fertility

Rusanova Nina Evgenievna — Doctor of Economic Sciences, Chief Research Fellow, Institute for Social Demography, FCTAS RAS.

E-mail: ninrus238@mail.ru

In order to increase fertility, analysis of the factors influencing this process is becoming particularly relevant. The aim is to assess the contribution of reproductive health to changes in fertility. Indicators characterizing the reproductive health of the population at different stages of social development are identified with due regard to the demographic situation. The relationship between components of reproductive health and the choice of the number and timing of births is determined at the national level (reproductive and extragenital morbidity among men and women, access to reproductive health care) and at the individual level (behavioral practices of the population). The methods used include historical analysis of administrative regulation of the physiological and social components of reproductive health and statistical analysis of morbidity in the Russian Federation across different periods from 1990 to 2024. On the basis of the identified specific features, the main directions of reproductive health regulation aimed at increasing fertility are outlined: diagnosis and treatment of reproductive pathologies starting from the neonatal period; reproductive health screening for the population of fertile age; and increased access to medically assisted reproduction, including assisted reproductive technologies, taking into account modifications of contemporary forms of family relations. The effect of increasing fertility through reproductive health components is determined by an integrated approach: national traditions of preventing reproductive disorders (maintaining physiological fertility throughout reproductive age, abortion and contraceptive practices, correction of infertility, subfertility, etc.) and a modern universally accessible health-care system that includes preventive reproductology.

Keywords: fertility, fecundity, subfertility, infertility, abortions, contraception, assisted reproductive technologies, in vitro fertilization

REFERENCES

1. Tit Lukretsii Kar. O prirode veshchei. Kn. 4. Razdel «Detorozhdenie», stikhi 1209–1277. M., 2006 (in Russian).
2. Fathalla MF. Reproductive health: a global overview. Ann NY Acad Sci. 1991; 626:1–10. DOI: 10.1111/j.1749-6632.1991.tb37894.x. PMID: 2058944.
3. Fathalla M. Sexual and Reproductive Health: Overview. 2017. DOI: 10.1016/B978-0-12-803678-5.00402-1.
4. Landa E.I. Prichiny i sposoby lecheniya zhenskogo besplodiya // Akusherka. 1909. № 13–14. S. 195 (in Russian).
5. Shuster-Kadysh M.A. K voprosu ob etiologii i lechenii besplodiya // Trudy VII Vsesoyuznogo s"ezda ginekologov i akusherov. L., 1927. S. 238 (in Russian).
6. Kakushkin N.M. Osnovnye predposylki k izucheniyu voprosa o zhenskom besplodii // Trudy VII Vsesoyuznogo s"ezda ginekologov i akusherov. L., 1927. S. 234 (in Russian).
7. Parsamov O., Yakovlev V. O besplodii zhenshchiny. // Ginekologiya i akusherstvo. 1932. № 3. S. 36 (in Russian).
8. Vishnevskii A.G. Rozhdaemost': velikii perelom // Demoskop Weekly 16 marta 2003 (in Russian).
9. Epidemiologiya besplodiya: Doklad nauchnoi gruppy VOZ. Seriya tekhnicheskikh dokladov VOZ, № 582. Zheneva: VOZ, 1977 (in Russian).
10. Tietze C., Guttmacher A.F., Rubin S. Time required for conception in 1727 planned pregnancies // Fertility and Sterility. 1950. Vol. 1. Pp. 338–346.
11. WHO Scientific Group. Recent Advances in Medically Assisted Conception. Geneva: WHO Technical Report Series, 1992. Pp. 820.
12. Diagnostika i lechenie serdechno-sosudistikh zabolevaniy pri beremennosti. 2018. Natsionalnye rekomendatsii // Rossiyskiy kardiologicheskiy zhurnal. 2018. № 3 (155). S. 91–134. DOI: 10.15829/1560-4071-2018-3-91-134. (in Russian).
13. Teelucksingh S., Davis A., Nelson-Piercy C., Asthma and Pregnancy: A Narrative Review, CHEST, Vol. 169. Iss. 3. 2026. Pp. 605–615. <https://doi.org/10.1016/j.chest.2025.08.043>.
14. Petrukhin V.A. Beremennost' i sakharnyi diabetes // Akusherstvo: Natsional'noe rukovodstvo / Pod red. G.M. Savel'evoi, G.T. Sukhikh, V.N. Serova, V.E. Radzinskogo. 2-e izd., dop. i pererab. M.: GEOTAR-Media, 2015. S. 507–522 (in Russian).
15. Kaprin A.D., Apolikhin O.I., Sivkov A.V., Trushina O.I., Novikova E.G., Mukhtarulina S.V., Yudina V.S., Lopukhov P.D. Mezhdistsiplinarnyi podkhod k uluchsheniyu reproduktivnogo zdorov'ya podrostkov i vzroslogo naseleniya // Epidemiologiya i vaksinooprofilaktika. 2022. 21 (1). S. 103–109. <https://doi.org/10.31631/2073-3046-2022-21-1-103-109> (in Russian).
16. Grot'yan A. Sotsial'naya patologiya. M.: Moszdravotdel, 1925. S. 159 (in Russian).
17. Shormanov I.S., Vorchalov M.M., Ryzhkov A.I. Ostryi epididimit: meditsinskie i sotsial'nye aspekty. Sovremennye vozmozhnosti patogennoi terapii // ECU. 2012. № 3. S. 71–78 (in Russian).
18. Nybo Andersen AM, Urhøj SK. Is advanced paternal age a health risk for the offspring? Fertil Steril. 2017 Feb. 107 (2). Pp. 312–318. DOI: 10.1016/j.fertnstert.2016.12.019.
19. Aganezov S.S., Morotskaya A.V., Aganezova N.V. Kontratsepsiya sredi molodyozhi: predpochteniya i znaniya // Akusherstvo i ginekologiya. 2016. № 4. S. 126–132. <http://dx.doi.org/10.18565/aig.2016.4.126-132> (in Russian).
20. Rusanova N.E. Reproduktivnye vozmozhnosti demograficheskogo razvitiya. M.: Sputnik+, 2008. S. 65–92 (in Russian).

Индекс УДК 159.9; 37.018.36

Код ГРНТИ 04.51; 04.41.31

DOI: 10.22204/2587-8956-2026-125-02-102-118

**Т.К. РОСТОВСКАЯ,
Я.С. РОЧЕВА***

Ресурсный потенциал молодых мужчин с приобретённой инвалидностью: экспертная оценка возможностей его сохранения и развития

В статье рассматривается ресурсный потенциал молодых мужчин с приобретённой инвалидностью в контексте современной социальной модели инвалидности, согласно которой ограничения жизнедеятельности обусловлены не только состоянием здоровья человека, но и особенностями социальной среды, институциональными практиками и культурными установками общества. Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения факторов социальной интеграции молодых людей с инвалидностью в период формирования их образовательных, профессиональных и жизненных стратегий. Теоретико-методологической основой работы выступают положения теории инвалидности, социальной модели инвалидности и концепции ресурсного потенциала.

Цель исследования состоит в выявлении факторов, определяющих ресурсный потенциал молодых мужчин с приобретённой инвалидностью, понимаемый как готовность и способность к обучению, освоению новых профессий, участию в социальной и гражданской активности. Эмпирическую базу исследования составили результаты экспертного опроса руководителей и специалистов органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, реализующих программы поддержки людей с инвалидностью. Всего проанализированы 55 экспертных интервью, проведённых в 11 субъектах РФ, и результаты формализованного анкетирования молодых мужчин с приобретённой инвалидностью, проведённого на территории 25 субъектов РФ. Выборка целевая: 419 мужчин в возрасте от 18 до 35 лет, имеющих инвалидность, установленную вследствие заболеваний или травм.

* **Ростовская Тамара Керимовна** — доктор социологических наук, директор Института социальной демографии ФНИСЦ РАН, профессор кафедры государственного и муниципального управления Российского университета дружбы народов.

E-mail: rostovskaya.tamara@mail.ru

Рочева Яна Сергеевна — кандидат социологических наук, руководитель отдела мониторинга соблюдения прав инвалидов Федерального научно-образовательного центра медико-социальной экспертизы и реабилитации им. Г.А. Альбрехта Министерства труда и социальной защиты РФ, доцент кафедры связей с общественностью Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина).

E-mail: rocheva_yana@mail.ru

** Публикация подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 25-28-00140, руководитель доктор социологических наук, профессор Т.К. Ростовская.

Результаты исследования показывают, что ресурсный потенциал молодых мужчин с приобретённой инвалидностью формируется под влиянием комплекса объективных и субъективных факторов. К объективным факторам относятся социально-экономическое положение, уровень образования, семейная поддержка, общественное отношение к инвалидности, доступность социальной инфраструктуры и институциональная поддержка. Существенное влияние оказывают также характер травмы и инвалидности. Среди субъективных факторов важную роль играют индивидуальный опыт переживания инвалидности, личностная мотивация, самооценка и стратегии адаптации к изменившимся жизненным условиям.

Полученные результаты позволяют рассматривать ресурсный потенциал молодых мужчин с инвалидностью как важный фактор их социальной интеграции и реализации человеческого капитала. Исследование подчёркивает необходимость комплексной государственной политики, направленной на развитие доступной среды, поддержку образования и занятости, а также формирование позитивных общественных установок по отношению к людям с инвалидностью.

Ключевые слова: инвалидность, социальная интеграция, ресурсный потенциал, молодые люди с инвалидностью, социальная модель инвалидности, инклюзивная среда, трудовая интеграция, социальная политика

В современной России вопросы сохранения человеческого потенциала, социальной устойчивости и демографического развития всё в большей степени сопряжены с необходимостью осмысления новых социальных рисков, связанных с ростом числа мужчин с приобретённой инвалидностью. Особую значимость данная проблематика приобрела в условиях актуализации государственной политики в сфере поддержки участников Специальной военной операции, ветеранов боевых действий, а также других категорий граждан, столкнувшихся с инвалидизацией вследствие производственных травм, травм в результате ДТП, заболеваний и чрезвычайных обстоятельств. В связи с этим инвалидность всё чаще рассматривается не только как медицинская или социальная категория, но и как важный фактор, влияющий на трудовой, семейно-демографический, гражданский и личностный потенциалы населения.

Ресурсный потенциал молодых мужчин с приобретённой инвалидностью представляет собой совокупность личностных, социальных и институциональных возможностей, позволяющих человеку адаптироваться к новым жизненным условиям, сохранять социальную активность и реализовывать себя в профессиональной и общественной сферах.

Значимым подтверждением общественной и научной востребованности данной темы стало проведение 19 февраля 2025 года в Общественной палате РФ с участием Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН Всероссийской научно-практической конференции «Социальное партнёрство, поддержка и социализация мужчин с приобретённой инвалидностью», объединившей представителей академического сообщества, органов государственной власти, региональных институтов социальной политики и общественных организаций (ил. 1)¹. Во всту-

¹ 19.02.2025. Всероссийская научно-практическая конференция «Социальное партнёрство, поддержка и социализация мужчин с приобретённой инвалидностью» URL: <https://idrras.ru/news/2025/2/podderzhka-i-socializaciya-muzhchin-s-priobretyonnoy-invalidnostyu.html>.

Ил. 1. Всероссийская научно-практическая конференция «Социальное партнёрство, поддержка и социализация мужчин с приобретённой инвалидностью» (Москва, 19 февраля 2025 г.)

пительной части мероприятия было подчёркнуто, что проблема восстановления здоровья, социальной адаптации и интеграции мужчин с приобретённой инвалидностью, включая участников СВО, приобретает стратегическое значение в Год защитника Отечества и в контексте реализации государственных задач по сбережению мужчин, укреплению семьи и поддержке ответственного отцовства.

В рамках конференции подчёркивалось, что мужчины с приобретённой инвалидностью обладают значительными семейным, трудовым, демографическим и социальными потенциалами, реализация которых возможна при условии формирования комплексной системы поддержки, включающей медицинскую, психологическую, образовательную, профессиональную и социальную реабилитацию.

Современные социальные трансформации требуют переосмысления роли мужчин с инвалидностью в обществе не только как получателей социальной помощи, но и как активных субъектов семейных, профессиональных и обще-

ственных отношений. Представленные на конференции региональные и федеральные практики показали, что развитие потенциала мужчин с приобретённой инвалидностью связано с расширением возможностей образования, трудоустройства, социальной мобильности, психологической реадaptации и укрепления семейной системы. Подобный подход соответствует современной социальной модели инвалидности, в рамках которой ограничения жизнедеятельности определяются не только состоянием здоровья человека, но и качеством институциональной среды, доступностью инфраструктуры и характером общественных установок.

Продолжение обсуждения данного вопроса состоялось на Всероссийской научно-практической конференции «Поддержка и социальная адаптация мужчин с приобретённой инвалидностью — участников Специальной военной операции», состоявшейся в Санкт-Петербурге 16–17 октября 2025 г. на базе ФГБУ Федеральный научно-образовательный центр медико-социальной экспертизы и реабили-

литации им. Г.А. Альбрехта» Министерства труда и социальной защиты РФ (ил. 2)¹.

Современная государственная повестка в сфере социальной политики всё более ориентируется на комплексную реабилитацию как многоуровневую систему, включающую медицинскую, психологическую, социальную, профессиональную и семейную адаптацию. В рамках обозначенной конференции особое внимание было уделено необходимости разработки инновационных технологий комплексной реабилитации, внедрения цифровых сервисов, расширения практик профессиональной адаптации и повышения ресурсного потенциала мужчин с приобретённой инвалидностью. Подобный подход отражает переход от компенсаторной модели социальной помощи к модели развития человеческого капитала, где человек с инвалидностью рассматривается не как объект поддержки, а как носитель социального, трудового, семейного и гражданского потенциалов.

Вопросы социальной интеграции и реализации потенциала людей с инвалидностью занимают важное место в современной социологии. В последние десятилетия происходит постепенный переход от медицинской модели инвалидности к социальной, рассматривающей инвалидность как результат взаимодействия индивида с социальной средой. В рамках этой модели ограничения жизнедеятельности обусловлены не только физическими особенностями человека, но и барьерами социальной инфраструктуры, культурными установками и институциональными практиками общества. Особую актуальность приобретает изучение положения молодых людей с инвалидностью, поскольку именно в этот период происходит формирование образовательных и профессиональных траекторий, а также жизненных стратегий социальной интегра-

ции. В рамках настоящей статьи изучается ресурсный потенциал молодых мужчин с инвалидностью.

Научная значимость исследования определяется также недостаточной разработанностью категории «ресурсный потенциал» применительно к молодым мужчинам с приобретённой инвалидностью. Несмотря на наличие значительного числа исследований, посвящённых медико-социальной реабилитации, вопросам доступной среды и социальной защиты инвалидов, проблема сохранения жизнеспособности, социальной субъектности, семейного и профессионального потенциала молодых мужчин как особой социально-демографической группы остаётся изученной фрагментарно. Между тем именно молодые мужчины находятся на этапе активного формирования трудовых, семейных, репродуктивных и гражданских стратегий, а приобретённая инвалидность способна существенно трансформировать их жизненные траектории, влияя не только на индивидуальный уровень благополучия, но и на более широкие процессы воспроизводства трудовых ресурсов, демографического развития и социальной устойчивости общества.

Практическая значимость изучения данной проблемы связана с необходимостью совершенствования государственной политики в области социальной интеграции, реабилитации и поддержки молодых людей с инвалидностью. В современных условиях ключевым становится не только восстановление утраченных функций, но и создание институциональных условий для сохранения социальной активности, профессиональной реализации, семейного благополучия и гражданского участия. В этом контексте ресурсный потенциал выступает важнейшим индикатором успешности социальной политики, отражая способность человека адаптировать-

¹ 16–17.10.2025, Всероссийская научно-практическая конференция «Поддержка и социальная адаптация мужчин с приобретённой инвалидностью – участников Специальной военной операции» URL: <https://isd-ras.ru/news/2025/10/podderzhka-i-socialnaya-adaptaciya-muzhchin.html>.

Ил. 2. Всероссийская научно-практическая конференция
«Поддержка и социальная адаптация мужчин с приобретённой инвалидностью –
участников Специальной военной операции» (Санкт-Петербург, 16–17 октября 2025 г.)

ся к новым жизненным обстоятельствам, осваивать новые социальные роли и сохранять активное участие в жизни общества.

Актуальность настоящего исследования определяется несколькими взаимосвязанными обстоятельствами: ростом социальной значимости проблемы приобретённой инвалидности среди мужчин трудоспособного возраста; необходимостью научного осмысления ресурсного потенциала молодых мужчин как стратегического ресурса демографического и социально-экономического развития; запросом на разработку системных мер поддержки и социальной адаптации; а также потребностью в формировании комплексной модели социальной политики, ориентированной на развитие общества равных возможностей. Изучение ресурсного потенциала молодых мужчин с приобретённой инвалидностью позволяет выйти за рамки традиционного компенсаторного подхода и сосредоточиться на выявлении механизмов сохранения, развития и реализации человеческого капитала в новых социальных условиях.

Методологические основания исследования ресурсного потенциала молодых мужчин с приобретённой инвалидностью обозначены в работе Т.К. Ростовской, Э.К. Наберушкиной [1]. Ресурсный потенциал понимается исследовательским коллективом как готовность и способность к обучению, освоению новых профессий, к вовлечению в социальные активности гражданского общества и др. для молодых людей с приобретённой инвалидностью.

Теоретическими направлениями исследования ресурсного потенциала молодых мужчин с приобретённой инвалидностью выступают теории инвалидности и ресурсного потенциала. Отдельно следует отметить специфические особенности социальной группы молодых инвалидов.

Изучение инвалидности охватывает различные аспекты понимания: медицинский, социальный конструктивизм, теории стигматизации, критическую рефлексию и кросс-культурные исследования [2]. В современной зарубежной социальной науке изучение инвалидности происходит

в рамках междисциплинарного направления **disability studies** (изучение проблем инвалидности), которое объединяет социологию, социальную политику, психологию и исследования молодёжи. Одной из ключевых теоретических основ является **социальная модель инвалидности**, согласно которой ограничения жизнедеятельности людей с инвалидностью обусловлены не только медицинскими факторами, но и социальными барьерами. Как отмечает Т. Shakespeare, инвалидность формируется в процессе взаимодействия человека с институциональными и культурными ограничениями общества [3]. В рамках данного подхода акцент переносится с медицинского дефицита на **ресурсный потенциал личности и условия его реализации**.

Значительное внимание уделяется роли социальной среды в формировании возможностей участия молодых инвалидов в общественной жизни. Исследования показывают, что ограничение возможностей молодых людей с инвалидностью зачастую связано с инфраструктурными, образовательными и культурными барьерами [4].

Одним из центральных направлений зарубежных исследований является анализ **социального участия (participation)** молодых людей с инвалидностью. Под социальным участием понимается вовлечённость в образовательные, культурные, экономические и гражданские практики общества. Исследование Р. Carroll и соавторов показало, что молодые люди с инвалидностью значительно реже участвуют в общественной жизни, образовательных программах и трудовой деятельности по сравнению со своими сверстниками без инвалидности [5]. Авторы подчёркивают, что участие в общественной жизни способствует формированию социального капитала, расширению сетей социальных связей, повышению уровня субъективного благополучия. Соответственно, степень участия может рассматриваться как важный показатель **ресурсного потенциала** молодых людей с инвалидностью.

Одними из важнейших измерений ресурсного потенциала являются **экономическая активность и трудовая интеграция**. Систематический обзор факторов трудоустройства молодых инвалидов показывает, что их включение в рынок труда зависит от нескольких ключевых факторов, таких как уровень образования, психологическая устойчивость, социальная поддержка, наличие программ профессиональной подготовки.

При этом значительная часть исследований фиксирует структурные барьеры при переходе от образования к трудовой деятельности [5]. Дополнительно исследования демонстрируют, что трудовая интеграция является не только экономическим фактором, но и важным механизмом социальной включённости. В частности, анализ траекторий занятости показывает, что устойчивое трудоустройство молодых людей с инвалидностью связано с расширением социальных связей и повышением качества жизни [6].

Инклюзивное образование рассматривается как один из ключевых институтов формирования человеческого капитала молодых инвалидов. Международные исследования показывают, что доступ к качественному образованию способствует развитию профессиональных компетенций, формированию социальной идентичности, расширению возможностей трудоустройства. Однако даже в странах с развитой системой инклюзивного образования сохраняются барьеры, связанные с недостаточной адаптацией образовательной среды и ограниченным доступом к цифровым ресурсам [7].

Анализ зарубежной научной литературы позволяет выделить несколько ключевых факторов формирования ресурсного потенциала молодых инвалидов: социальное участие и гражданская активность, доступ к инклюзивному образованию, экономическая интеграция и занятость, развитие социального капитала, поддерживающая институциональная среда. Современные исследования всё чаще рас-

смаатривают молодых людей с инвалидностью не как объект социальной помощи, а как **носителей человеческого, социального и культурного капитала**, реализация которого зависит от степени инклюзии социальной среды.

В отечественной научной традиции исследование инвалидности развивалось преимущественно в рамках **социальной политики, социологии социальной защиты и реабилитации**. В последние десятилетия внимание исследователей смещается к анализу **ресурсного потенциала людей с инвалидностью**, их социальной активности и механизмов интеграции в общество. Отечественные исследователи, так же как и зарубежные, отмечают, что социальная политика в отношении инвалидов должна учитывать не только медицинские аспекты инвалидности, но и социальные условия, влияющие на уровень их жизненной активности и участие в общественной жизни [8]. В рамках социальной модели инвалидности подчёркивается необходимость формирования комплексной системы реабилитации, направленной на расширение возможностей социальной интеграции и самореализации людей с инвалидностью.

Важным направлением отечественных исследований является изучение **социальной интеграции молодых людей с инвалидностью**. Социологические исследования показывают, что интеграция инвалидов в общество зависит от ряда факторов: доступности социальной инфраструктуры, уровня образования, возможностей профессиональной реализации, развития институтов социальной поддержки. При этом одним из ключевых барьеров остаётся недостаточная развитость социальной среды и инфраструктуры инклюзивного взаимодействия [9]. Авторы отмечают, что для повышения эффективности социальной интеграции необходимо развивать **ресурсные центры поддержки инвалидов, программы социальной реабилитации и инклюзивное волонтерство**. Значительное внимание исследователи уделяют развитию **социальной активно-**

сти молодых людей с инвалидностью. В работе А.И. Токарева анализируется роль **инклюзивного добровольчества** как инструмента повышения социальной активности молодых людей с ментальными нарушениями. Результаты социологического исследования показали, что участие в добровольческой деятельности способствует развитию коммуникативных навыков, формированию социальных связей, повышению самооценки и уровня социальной адаптации [10]. Таким образом, социальная активность выступает важным компонентом формирования ресурсного потенциала молодых инвалидов.

Одним из ключевых аспектов ресурсного потенциала является **трудовая активность**. Ю.С. Ненахова отмечает, что трудовой потенциал инвалидов остаётся недостаточно реализованным из-за структурных барьеров на рынке труда, включая дискриминацию работодателей, низкую доступность рабочих мест и недостаточную адаптацию условий труда [11]. В российской научной литературе подчёркивается, что повышение уровня занятости инвалидов возможно при реализации таких мер, как развитие программ профессиональной реабилитации, стимулирование работодателей, создание доступной производственной среды.

Ресурсный потенциал может применяться не только для анализа ресурсной составляющей индивида, но и для анализа системы комплексной реабилитации молодых людей с приобретённой инвалидностью. Реабилитация выступает не только механизмом восстановления утраченных функций, но и важным фактором **актуализации личностных и социальных ресурсов**, необходимых для социальной интеграции и профессиональной самореализации. Современные исследования подтверждают, что эффективность реабилитации определяется комплексным взаимодействием индивидуальных возможностей человека, социальной поддержки и институциональных условий общества [12–14].

Анализ работ российских исследователей позволяет выделить несколько ключевых направлений изучения ресурсного потенциала молодых людей с инвалидностью, которые во многом схожи с зарубежными: **социальная интеграция и участие в общественной жизни, трудовой потенциал и занятость, возможности среды.** Отечественные исследования показывают, что ресурсный потенциал молодых инвалидов во многом зависит от уровня развития институциональной поддержки, доступности социальной инфраструктуры и возможностей включения в образовательную и профессиональную деятельность, от реализации комплексной реабилитации.

Изучение ресурсного потенциала в зарубежной и отечественной социологии объединяет то, что в основу интеграции в общественные отношения положена социальная модель инвалидности, социальное участие и агентность. Значимую роль в формировании ресурсного потенциала играют образование и последующее трудоустройство. Ресурсный потенциал не является однородной величиной, а включает уровни: индивидуальный, социальный, институциональный и культурно-ценностный уровень. Исследований, посвящённых ресурсному потенциалу молодых инвалидов, очень мало; чаще изучаются отдельные его элементы [15, 16], что подчёркивает актуальность настоящей работы.

Материалы и методы

Целью данной работы является выявление факторов, определяющих ресурсный потенциал молодых мужчин с приобретённой инвалидностью (готовность и способность к обучению, освоению новых профессий, к вовлечению в социальные активности гражданского общества и др. вопросы. Методической основой исследования явились и результаты экспертного опроса руководителей и специалистов органов исполнительной власти, реализующих программы поддержки данной категории населения. Выборку исследования

составили 55 интервью экспертов из 11 субъектов Российской Федерации и формализованное анкетирование молодых мужчин с приобретённой инвалидностью, проведённое на территории 25 субъектов РФ. Выборка целевая: 419 мужчин в возрасте от 18 до 35 лет, имеющих инвалидность вследствие заболеваний или травм.

Результаты и заключение

Анализ ответов экспертов органов исполнительной власти субъектов РФ показывает, что **большинство респондентов признают наличие общих интересов у инвалидов и остального населения региона.** Экспертные оценки демонстрируют доминирование представления о том, что люди с инвалидностью являются полноправными членами общества, они обладают сходными базовыми потребностями и жизненными ориентациями. К ним относятся стремление к достойному уровню жизни, возможности трудоустройства, получения образования, создания семьи, участия в общественной жизни.

Эксперты подчёркивают, что люди с инвалидностью имеют те же жизненные цели, что и остальные граждане, однако возможности их реализации зачастую ограничены социальными и инфраструктурными барьерами. *«У инвалидов и остального населения региона много общих интересов, только возможности реализовать свои цели и мечты абсолютно разные. Это и возможность учиться, работать на интересной работе, жить полноценной жизнью и иметь свою семью»* (Белгородская область, эксперт 4).

Подобная позиция отражает распространённое среди экспертов понимание инвалидности в контексте социальной модели, согласно которой основная проблема заключается не в самих ограничениях здоровья, а в условиях социальной среды.

В значительном числе ответов эксперты указывают на **общность интересов, связанных с качеством жизни и доступностью социальной инфраструктуры.** В частности, речь идёт о развитии систе-

мы здравоохранения, доступности образования, улучшении жилищных условий, транспортной инфраструктуры и городской среды. По мнению экспертов, эти проблемы затрагивают всех жителей региона, однако для людей с инвалидностью они имеют более выраженный характер. *«Инвалиды, как и остальное население региона, заинтересованы в том, чтобы были сильная власть, комфортные условия для проживания, доступная среда, хорошая работа и достойная заработная плата»* (Приморский край, эксперт 3).

Доступность социальной инфраструктуры эксперты рассматривают как фактор, способствующий не только социальной интеграции инвалидов, в том числе и молодых мужчин с приобретённой инвалидностью, но и повышению качества жизни населения в целом.

Ещё одной значимой группой интересов, выделяемой экспертами, являются **интересы в сфере культурной, спортивной и общественной активности**. Эксперты отмечают, что люди с инвалидностью активно участвуют в различных общественных мероприятиях, спортивных соревнованиях, творческих конкурсах и социальных проектах. *«Среди лиц с инвалидностью немало людей увлечённых, творческих и талантливых. Они регулярно участвуют в различных инклюзивных творческих конкурсах и проектах»* (Красноярский край, эксперт 2). Можно сделать вывод о том, что социальную активность людей с инвалидностью эксперты рассматривают как важный элемент их интеграции в общественную жизнь. Ряд экспертов акцентирует внимание на том, что ключевым объединяющим фактором является **стремление к социальной интеграции и равным возможностям для всех членов общества**. *«Инвалиды — полноправные члены общества... должны иметь равные с другими гражданами возможности участвовать в труде, отдыхе, досуге и быту»* (Санкт-Петербург, эксперт 2). Данная позиция отражает современное понимание инклюзии как

процесса создания равных возможностей участия в социальной жизни.

Несмотря на преобладание позитивных оценок, в ряде ответов встречаются **более критические позиции**, согласно которым общность интересов между людьми с инвалидностью и остальным населением выражена слабо. Это связано прежде всего с недостаточной информированностью общества о проблемах инвалидности и сохраняющимися социальными барьерами. *«Осведомлённость населения об инвалидах и их жизни настолько мала, что общность интересов мизерная»* (Ставропольский край, эксперт 3). Подобные оценки свидетельствуют о необходимости дальнейшего развития социальной политики и повышения уровня общественной информированности о проблемах людей с инвалидностью. Анализ экспертных интервью позволяет выделить несколько ключевых групп общих интересов инвалидов и остального населения региона: **базовые жизненные интересы** (образование, трудоустройство, создание семьи, достойный уровень жизни), **интересы в сфере социальной инфраструктуры** (доступность здравоохранения, транспорта, городской среды и социальных услуг), **интересы в сфере общественной и культурной жизни** (участие в культурных, спортивных и общественных мероприятиях), **интересы социальной интеграции** (обеспечение равных возможностей участия в жизни общества).

Положение инвалидов в оценках представителей органов государственной власти показывает, что большинство респондентов характеризуют их как **сложное, уязвимое и неоднородное**, при этом отмечая постепенные позитивные изменения, связанные с развитием государственной социальной политики и программ поддержки инвалидов и молодых мужчин с приобретённой инвалидностью.

Эксперты отмечают существование проблем, связанных с доступностью социальной инфраструктуры, трудоустройством, уровнем доходов и социальной интеграцией. Положение инвалидов **«можно**

описать как “ограниченные возможности”. Это отражает как физические возможности, так и социальные, экономические барьеры» (Ставропольский край, эксперт 1). Некоторые эксперты подчёркивают социальную уязвимость данной категории населения: *«Инвалиды относятся к наиболее социально незащищённой категории населения: у них доход ниже среднего, большие потребности в медицинском обслуживании»* (Свердловская область, эксперт 1).

В целом эксперты сходятся во мнении, что положение инвалидов в России остается **социально уязвимым**, несмотря на постепенное развитие институциональных механизмов поддержки, что во многом определяет положение молодых людей с приобретённой инвалидностью.

Особое внимание респонденты уделяют программе «Доступная среда», которая стала одним из ключевых инструментов формирования инклюзивной инфраструктуры. *«Сейчас много что делается, чтобы положение инвалидов и в России в целом менялось в лучшую сторону. Реализуется государственная программа «Доступная среда», есть возможность получать образование, квотируются рабочие места для инвалидов»* (Амурская область, эксперт 4). В ряде ответов также подчёркивается значительный прогресс по сравнению с предыдущими десятилетиями.

Одной из ключевых тем в ответах экспертов является **существенная региональная дифференциация** положения людей с инвалидностью. Большинство экспертов отмечают, что ситуация в разных субъектах РФ может значительно отличаться. Основными факторами различий называются: уровень экономического развития региона, возможности регионального бюджета, развитость социальной инфраструктуры, уровень реализации региональной социальной политики. *«Несмотря на федеральные гарантии, регионы, исходя из бюджета и местных условий, имеют возможность усиливать социальную помощь и поддержку инвалидов. Поэтому положение инвалидов в разных регионах*

может отличаться существенно» (Тамбовская область, эксперт 1).

При этом часть экспертов отмечает, что в крупных городах и экономически развитых регионах условия для людей с инвалидностью, как правило, более благоприятные.

Некоторые эксперты указывают на **конкретные региональные особенности**, влияющие на положение людей с инвалидностью. Например, в исторических городах значительную проблему представляет архитектурная недоступность старых зданий, а в сельских территориях — ограниченная доступность медицинской помощи и социальной инфраструктуры.

В мегаполисах чаще реализуются программы инклюзии и адаптации городской среды, тогда как в небольших населённых пунктах проблемы доступности остаются более острыми.

Дискуссия

Эксперты сходятся во мнении, что положение людей с инвалидностью в России характеризуется **одновременным сочетанием институционального прогресса и сохраняющихся структурных проблем**, а также значительной территориальной дифференциацией условий социальной интеграции. Полученные результаты свидетельствуют о необходимости дальнейшего развития государственной политики, направленной на снижение **регионального неравенства** и создание более эффективных механизмов социальной интеграции людей с инвалидностью, в том числе молодых людей с приобретённой инвалидностью.

Анализ экспертных оценок показывает, что препятствия для активного включения людей с инвалидностью в общественную жизнь носят **комплексный характер** и обусловлены совокупностью инфраструктурных, социально-экономических, психологических и институциональных факторов. Наиболее часто эксперты указывают на **недостаточную доступность городской и социальной инфраструк-**

туры. Отсутствие безбарьерной среды ограничивает мобильность людей с инвалидностью и существенно снижает их возможности участия в общественной, культурной и профессиональной жизни. Эксперты отмечают, что многие общественные здания, транспортные системы и городская инфраструктура по-прежнему недостаточно адаптированы для маломобильных граждан. *«Физические барьеры могут быть связаны с недоступностью для инвалидов зданий, улиц и общественных мест. Например, отсутствие пандусов, лифтов или других устройств делает невозможным посещение магазинов, кинотеатров и других мест»* (Белгородская область, эксперт 3). Инфраструктурные ограничения остаются одним из ключевых факторов социальной изоляции людей с инвалидностью.

Второй важной группой факторов являются **социально-психологические барьеры**, связанные с существованием стереотипов и предвзятого отношения к людям с инвалидностью. Эксперты отмечают, что общество нередко воспринимает инвалидность через призму жалости или недоверия к возможностям человека. *«Существуют предубеждения, предрассудки и стереотипы в отношении людей с инвалидностью, которые создают барьеры на пути к получению образования, занятости и участию в общественной жизни»* (Ростовская область, эксперт 4).

Сами молодые мужчины с приобретённой инвалидностью отмечают, что наиболее важными потребностями, по их мнению, выступают дорогие лекарственные препараты (58,6%), эффективная физическая реабилитация (36,3%), психологическая поддержка (24,6%), протезы, кресла-коляски (22,5%) и переоборудование жилого помещения для безбарьерной среды (12,5%).

Значительное место в ответах экспертов занимает проблема **низкого уровня материального обеспечения и недостаточной поддержки социальных институтов**. Эксперты отмечают, что ограниченные финансовые ресурсы зачастую

препятствуют получению образования, медицинской помощи, средств реабилитации и других необходимых услуг.

Часть экспертов обращает внимание на **внутренние психологические барьеры**, которые могут препятствовать социальной активности людей с инвалидностью. Среди них выделяются низкая самооценка, страх общественного осуждения, отсутствие уверенности в собственных возможностях. Кроме того, в некоторых ответах отмечается влияние семейных и социальных установок, формирующих у человека с инвалидностью чувство социальной зависимости или пассивности. *«Формируется личность с определённым мышлением “жертвы”, и только очень сильным духом людям удаётся активно включаться в жизнь общества»* (Белгородская область, эксперт 5).

Сами молодые люди с приобретённой инвалидностью действительно отмечают отдельные трудности в материальном положении и оценивают его преимущественно в средних характеристиках, описывая как: «хватает средств на текущее потребление, но на крупные покупки и отдых приходится копить (брать кредит)» — 47,4%. Однако треть опрошенных (30,3%) отмечают, что им «с трудом хватает средств на необходимые траты, связанные с питанием, одеждой, оплатой счетов и лечения».

Субъективный опыт молодых людей с приобретённой инвалидностью позволяет говорить о значительной распространённости стигматизации в изучаемой группе. Почти 40% молодых мужчин с приобретённой инвалидностью имеют личный опыт столкновения с различными формами стигматизации и дискриминации. Наиболее часто фиксируются такие формы, как вербальное отторжение (39,8%) и столкновение с мнением о своей социальной бесполезности (36,8%). Примерно каждый десятый сталкивается с этими явлениями систематически (неоднократно или постоянно), что формирует хроническую стрессовую среду и является серьёзным барьером для успешной реинтеграции.

Семья и ближайшее окружение выступают источниками поддержки в решении значимых вопросов. Наиболее часто респонденты указывают на общение с «приходящими знакомыми, друзьями, родственниками» (70,5%) и «проживающими совместно членами семьи» (58,2%). Значимая доля приходится на общение с коллегами (32,4%) и соседями (19,7%). Обращает на себя внимание низкая доля тех, кто указал на регулярное общение с социальными работниками и волонтерами (12,1%), что может говорить либо о низкой вовлечённости данных специалистов в жизнь респондентов, либо о том, что это общение не воспринимается как значимое и регулярное.

В целом результаты экспертного опроса показывают, что проблема социальной интеграции людей с инвалидностью носит **многоуровневый характер** и требует комплексных решений, направленных как на развитие доступной инфраструктуры, так и на изменение общественных установок, расширение образовательных и трудовых возможностей, а также усиление механизмов социальной поддержки.

Представления окружающих людей о лицах с инвалидностью носят **неоднородный и противоречивый характер**. Экспертные оценки демонстрируют наличие как **негативных стереотипных установок**, так и **постепенно формирующегося более инклюзивного и гуманистического восприятия**.

Во-первых, значительная часть экспертов отмечает, что в массовом сознании инвалидность по-прежнему ассоциируется с **беспомощностью, болезнью и социальной зависимостью**. Люди с инвалидностью нередко воспринимаются как нуждающиеся в постоянной помощи и поддержке, ограниченные в своих возможностях и неспособные к активной социальной и профессиональной деятельности. Подобные представления формируются вследствие недостатка информации, редкого опыта взаимодействия с людьми с инвалидностью и сохранения традиционных социальных стереотипов. *«Навер-*

ное, очень больными, сломленными и несчастными людьми. Всё потому, что нам мало показывают и рассказывают о вдохновляющих примерах из жизни инвалидов» (Амурская область, эксперт 2).

Во-вторых, эксперты обращают внимание на **распространённость стигматизирующих и упрощённых образов инвалидности**. В общественном сознании инвалид зачастую ассоциируется с видимыми физическими ограничениями (например, использованием инвалидной коляски или отсутствием конечностей), тогда как менее заметные формы инвалидности остаются непонятными для окружающих. В результате формируется упрощённый образ «больного» или «иждивенца», что способствует социальной дистанции и ограничивает возможности полноценной интеграции людей с инвалидностью.

В-третьих, часть экспертов отмечает существование **амбивалентного отношения**: с одной стороны, инвалид воспринимается как человек, вызывающий жалость и требующий поддержки, а с другой — как человек, который может демонстрировать силу характера, настойчивость и способность преодолевать жизненные трудности. Подобные представления формируют образ «героизации инвалидности», когда достижения людей с инвалидностью рассматриваются как исключительные, а не как результат равных возможностей. *«Многие люди представляют инвалидов как зависимых и нуждающихся в постоянной помощи, что часто не соответствует реальности»* (Свердловская область, эксперт 3).

В-четвёртых, эксперты указывают на **изменение общественного восприятия в последние годы**, связанное с развитием инклюзивного образования, расширением информационного пространства и ростом социальной активности людей с инвалидностью. Однако этот процесс носит постепенный характер, и стереотипные установки всё ещё сохраняются, особенно среди групп населения с низким уровнем информированности или ограниченным опытом общения с людьми

ми с инвалидностью. Слово «инвалид» всё ещё ассоциируется с определением «больной». У большинства людей складывается представление об инвалидах как о пациентах больницы, которым требуется постоянный посторонний уход» (Ставропольский край, эксперт 2).

Анализ экспертных интервью показывает, что руководители органов исполнительной власти субъектов РФ в целом поддерживают идею формирования инклюзивной профессиональной среды, в которой люди с инвалидностью могут реализовать свой трудовой потенциал и достигать профессиональных успехов. Вместе с тем эксперты отмечают необходимость дальнейшего совершенствования институциональных механизмов поддержки, развития доступной инфраструктуры, стимулирования работодателей и изменения общественных установок в отношении трудовой деятельности людей с инвалидностью.

Большинство экспертов в целом позитивно оценивают перспективы создания условий для профессиональной реализации людей с инвалидностью, однако подчеркивают, что достижение подобных результатов возможно только при соблюдении комплекса институциональных, социально-экономических и культурных условий.

Эксперты отмечают, что в современной России уже формируется институциональная база, направленная на расширение возможностей профессиональной реализации людей с инвалидностью. К таким условиям относятся развитие инклюзивного образования, программы профессиональной подготовки и переподготовки, государственная поддержка трудоустройства, квотирование рабочих мест и развитие дистанционных форм занятости. Эксперты подчёркивают, что при эффективной реализации этих механизмов люди с инвалидностью могут успешно реализовывать свой профессиональный потенциал.

Респонденты указывают на необходимость устранения инфраструктурных

и институциональных барьеров, которые продолжают ограничивать доступ людей с инвалидностью к образованию и рынку труда.

Ряд экспертов отмечает, что достижение профессионального успеха зависит не только от внешних условий, но и от личной мотивации, образовательного уровня и профессиональных компетенций самих людей с инвалидностью. По мнению респондентов, при наличии соответствующей поддержки и равных возможностей люди с инвалидностью способны достигать высоких профессиональных результатов наравне с другими членами общества.

Анализ экспертных интервью показывает, что руководители органов исполнительной власти субъектов РФ в целом поддерживают идею формирования инклюзивной профессиональной среды, в которой люди с инвалидностью могут реализовать свой трудовой потенциал и достигать профессиональных успехов. Вместе с тем эксперты отмечают необходимость дальнейшего совершенствования институциональных механизмов поддержки, развития доступной инфраструктуры, стимулирования работодателей и изменения общественных установок в отношении трудовой деятельности людей с инвалидностью.

К числу ключевых объективных факторов, определяющих ресурсный потенциал молодых мужчин с приобретённой инвалидностью, эксперты относят социально-экономический статус, семейную поддержку, общественное отношение.

Мнения экспертов подтвердили, что значительное влияние оказывает социально-экономическое положение человека. Наличие образования, профессиональных навыков, стабильного дохода и доступа к социальной инфраструктуре существенно повышает возможности социальной и профессиональной самореализации. В условиях ограниченности финансовых ресурсов и нестабильной занятости адаптация к инвалидности становится более сложной, что снижает по-

тенциал активного участия человека в общественной жизни.

Наряду с объективными условиями важное значение имеют **субъективные факторы**, связанные с индивидуальным опытом переживания инвалидности и личностными установками человека.

Одним из ключевых факторов выступает **субъективный опыт столкновения с инвалидностью**, включающий процесс принятия нового жизненного статуса и переосмысление жизненных целей. Для многих людей приобретённая инвалидность становится серьёзным жизненным кризисом, требующим значительных психологических ресурсов для адаптации. Как отмечают эксперты, общественные представления о людях с инвалидностью зачастую усиливают этот кризис.

Другим важным субъективным фактором является **восприятие человеком того, как инвалидность повлияла на его жизненную траекторию**. В одних случаях инвалидность рассматривается как фактор, ограничивающий возможности профессионального и личностного развития, в других — как стимул к поиску новых форм самореализации.

Кроме того, важную роль играет **личная мотивация и стремление к самореализации**, которые во многом определяют способность человека использовать доступные ресурсы и возможности социаль-

ной среды. *«Многое зависит не только от государства, но и от самих людей — их мотивации, образования и стремления реализовать себя в профессии»* (Амурская область, эксперт 3).

Таким образом, ресурсный потенциал молодых мужчин с приобретённой инвалидностью формируется под влиянием комплекса взаимосвязанных факторов. В числе **объективных условий** — социально-экономический статус, семейная поддержка, общественное отношение, которые создают структурные рамки для социальной интеграции. В то же время **субъективные факторы**, включая индивидуальный опыт переживания инвалидности, личностную мотивацию и стратегии адаптации, определяют способность человека использовать имеющиеся ресурсы и реализовывать свой потенциал.

Проведённый анализ показывает, что расширение ресурсного потенциала людей с инвалидностью возможно при сочетании институциональной поддержки, развития инклюзивной социальной среды и формирования позитивных общественных установок в отношении инвалидности. Создание подобных условий способствует не только социальной интеграции людей с инвалидностью, но и более полному раскрытию их человеческого и профессионального потенциалов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ростовская Т.К. Молодые мужчины с приобретённой инвалидностью: разработка исследовательского проекта / Т.К. Ростовская, Э.К. Наберушкина // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2024. Т. 17. № 1. С. 99–109. DOI: 10.17213/2075-2067-2024-1-99-109. EDN QVQFMY.
2. Ростовская Т.К. Современные отечественные и зарубежные парадигмы социальной работы и реабилитации мужчин с инвалидностью, включая участников специальной военной операции: Научный обзор / Т.К. Ростовская, О.Е. Фомина, Я.С. Рочева // Экология человека. 2025. Т. 32. № 6. С. 377–389. DOI: 10.17816/humeco643579. EDN NDYQZA.
3. Mikton C., Shakespeare T. Introduction to special issue on violence against people with disability // Journal of interpersonal violence. 2014. Т. 29. №. 17. С. 3055–3062.
4. Carroll P., Witten K., Calder-Dawe O. et al. Enabling participation for disabled young people: study protocol. BMC Public Health 18, 712 (2018). <https://doi.org/10.1186/s12889-018-5652-x> DOI<https://doi.org/10.1186/s12889-018-5652-x>.

5. Engelbrecht M.A literature review on work transitioning of youth with disabilities into competitive employment / M. Engelbrecht, L. Shaw, L. van Niekerk // African Journal of Disability. 2017. Vol. 6. Article 298. DOI: 10.4102/ajod.v6i0.298.
6. Mostafa S. Competitive integrated employment for youth with disabilities: aligning measurement with conceptualization using latent growth curve modeling / S. Mostafa, Y.C. Wang // PLoS ONE. 2023. Vol. 18. № 11. e0290573. DOI: 10.1371/journal.pone.0290573.
7. Pacheco E. Digital technologies in the context of university transition and disability: theoretical and empirical advances // arXiv Preprint. 2023. arXiv:2304.13262. DOI: 10.48550/arXiv.2304.13262.
8. Старшинова А.В. Реабилитация людей с инвалидностью и оценка её результативности: социологическое обоснование и практика / А.В. Старшинова, Т.В. Рогачёва, Е.В. Шестакова // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2025. № 1. С. 94–104. DOI: 10.29039/1998-6785/2025-1/94-104.
9. Гевандова М.Г. Социально-медицинские аспекты проблемы развития инклюзии в современном российском обществе: одномоментное исследование / М.Г. Гевандова, Н.К. Маяцкая, В.В. Горбунова // Социология медицины. 2022. Т. 21. № 2. С. 171–176. DOI: 10.17816/socm115066.
10. Токарев А.И. Развитие социальной активности молодых людей с ментальными нарушениями в процессе инклюзивного добровольчества // Евразийский союз учёных. 2019. № 4–5 (61). С. 52–56. EDN WZAKRP.
11. Ненахова Ю.С. Трудовой потенциал инвалидов: проблемы реализации // Народонаселение. 2018. Т. 21. № 3. С. 96–108. DOI: 10.26653/1561-7785-2018-21-3-07. EDN YNHELБ.
12. Красуцкая О.В. Доступность социальной реабилитации для инвалидов (на примере Нижегородской области): специальность 22.00.04 «Социальная структура, социальные институты и процессы»: Дисс. ... канд. социолог. наук. 2019. EDN OTMATS.
13. Физическая и реабилитационная медицина: национальное руководство / Г.Р. Абусева, П.В. Антипенко, В.В. Арьков и др. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2020. EDN KSMCPP.
14. Мирюкова М.А. Формирование социального благополучия инвалидов посредством профессиональной реабилитации и трудоустройства (итоги социологических опросов) / М.А. Мирюкова, С.Г. Терскова // Теория и практика общественного развития. 2020. № 3 (145). С. 23–27. DOI: 10.24158/tipor.2020.3.3. EDN YWLNDU.
15. Жигунова Г.В. Ресурсный потенциал инвалидов ювенальной категории / Г.В. Жигунова, И.Л. Ткаченко. М.; Берлин: Директмедиа Паблишинг, 2014. EDN UDIKNF.
16. Наберушкина Э.К. Инклюзивный потенциал молодых инвалидов в сфере медико-социальной помощи и реабилитации / Э.К. Наберушкина, О.В. Бессчётнова // Общество: социология, психология, педагогика. 2022. № 8 (100). С. 24–30. DOI: 10.24158/spp.2022.8.2. EDN RBJDCJ.

Resource Potential of Young Men with Acquired Disabilities: An Expert Assessment of Opportunities for Its Preservation and Development

Rostovskaya Tamara Kerimovna — Doctor of Sociological Sciences, Director of the Institute for Social Demography, FCTAS RAS, Professor, Department of State and Municipal Administration, RUDN University.
E-mail: rostovskaya.tamara@mail.ru

Rocheva Yana Sergeevna — Candidate of Sociological Sciences, Head of the Department for Monitoring the Rights of Persons with Disabilities, G.A. Albrecht Federal Scientific and Educational Center for Medical and Social Expertise and Rehabilitation of the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation; Associate Professor, Department of Public Relations, Saint Petersburg Electrotechnical University "LETI" named after V.I. Ulyanov (Lenin).
E-mail: rocheva_yana@mail.ru

The article examines the resource potential of young men with acquired disabilities in the context of the contemporary social model of disability, according to which limitations in life activity are caused not only by a person's health condition but also by the characteristics of the social environment, institutional practices, and cultural attitudes in society. The relevance of the study is determined by the need to examine factors of social integration among young people with disabilities during the formation of their educational, professional, and life strategies. The theoretical and methodological basis of the study comprises the provisions of disability theory, the social model of disability, and the concept of resource potential.

The aim of the study is to identify the factors that determine the resource potential of young men with acquired disabilities, understood as readiness and ability to study, acquire new professions, and participate in social and civic activity. The empirical basis consists of the results of an expert survey of heads and specialists of executive authorities in constituent entities of the Russian Federation implementing support programs for people with disabilities. In total, 55 expert interviews conducted in 11 constituent entities of the Russian Federation were analyzed, along with the results of a formalized survey of young men with acquired disabilities conducted in 25 constituent entities of the Russian Federation. The sample was purposive: 419 men aged 18 to 35 with disabilities established as a result of illness or injury.

The results show that the resource potential of young men with acquired disabilities is shaped by a complex of objective and subjective factors. Objective factors include socio-economic status, level of education, family support, public attitudes toward disability, accessibility of social infrastructure, and institutional support. The nature of the injury and disability also has a significant influence. Among subjective factors, an important role is played by individual experience of living with disability, personal motivation, self-esteem, and strategies of adaptation to changed life circumstances.

The findings make it possible to regard the resource potential of young men with disabilities as an important factor in their social integration and realization of human capital. The study emphasizes the need for a comprehensive state policy aimed at developing an accessible environment, supporting education and employment, and fostering positive public attitudes toward people with disabilities.

Keywords: disability, social integration, resource potential, young people with disabilities, social model of disability, inclusive environment, labor integration, social policy

REFERENCES

1. Rostovskaya T.K. Molodye muzhchiny s priobretyonnoi invalidnost'yu: razrabotka issledovatel'skogo proekta / T.K. Rostovskaya, E.K. Naberushkina // Vestnik Yuzhno-Rossiiskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-ekonomicheskie nauki. 2024. T. 17. № 1. S. 99–109. DOI: 10.17213/2075-2067-2024-1-99-109. EDN QVQFMY (in Russian).
2. Rostovskaya T.K. Sovremennye otechestvennye i zarubezhnye paradigmy sotsial'noi raboty i reabilitatsii muzhchin s invalidnost'yu, vklyuchaya uchastnikov spetsial'noi voennoi operatsii: Nauchnyi obzor / T.K. Rostovskaya, O.E. Fomina, Ya.S. Rocheva // Ekologiya cheloveka. 2025. T. 32. № 6. S. 377–389. DOI: 10.17816/humeco643579. EDN NDYQZA (in Russian).
3. Mikton C., Shakespeare T. Introduction to special issue on violence against people with disability // Journal of interpersonal violence. 2014. T. 29. № 17. S. 3055–3062.
4. Carroll P., Witten K., Calder-Dawe O. et al. Enabling participation for disabled young people: study protocol. BMC Public Health 18, 712 (2018). <https://doi.org/10.1186/s12889-018-5652-x> DOI: <https://doi.org/10.1186/s12889-018-5652-x>.

5. Engelbrecht M.A literature review on work transitioning of youth with disabilities into competitive employment / M. Engelbrecht, L. Shaw, L. van Niekerk // *African Journal of Disability*. 2017. Vol. 6. Article 298. DOI: 10.4102/ajod.v6i0.298.
6. Mostafa S. Competitive integrated employment for youth with disabilities: aligning measurement with conceptualization using latent growth curve modeling / S. Mostafa, Y.C. Wang // *PLOs ONE*. 2023. Vol. 18. № 11. e0290573. DOI: 10.1371/journal.pone.0290573.
7. Pacheco E. Digital technologies in the context of university transition and disability: theoretical and empirical advances // *arXiv Preprint*. 2023. arXiv:2304.13262. DOI: 10.48550/arXiv.2304.13262.
8. Starshinova A.V. Reabilitatsiya lyudei s invalidnost'yu i otsenka eyo rezul'tativnosti: sotsiologicheskoe obosnovanie i praktika / A.V. Starshinova, T.V. Rogachyova, E.V. Shestakova // *Oikumenena. Regionovedcheskie issledovaniya*. 2025. № 1. S. 94–104. DOI: 10.29039/1998-6785/2025-1/94-104 (in Russian).
9. Gevandova M.G. Sotsial'no-medsitsinskie aspekty problemy razvitiya inklyuzii v sovremennom rossiiskom obshchestve: odnomomentnoe issledovanie / M.G. Gevandova, N.K. Mayatskaya, V.V. Gorbunova // *Sotsiologiya meditsiny*. 2022. T. 21. № 2. S. 171–176. DOI: 10.17816/socm115066 (in Russian).
10. Tokarev A.I. Razvitie sotsial'noi aktivnosti molodykh lyudei s mental'nymi narusheniyami v protsesse inklyuzivnogo dobrovol'chestva // *Evraziiskii soyuz uchyonykh*. 2019. № 4–5 (61). S. 52–56. EDN WZAKRP (in Russian).
11. Nenakhova Yu.S. Trudovoi potentsial invalidov: problemy realizatsii // *Narodonaselenie*. 2018. T. 21. № 3. S. 96–108. DOI: 10.26653/1561-7785-2018-21-3-07. EDN YNHELB (in Russian).
12. Krasutskaya O.V. Dostupnost' sotsial'noi reabilitatsii dlya invalidov (na primere Nizhegorodskoi oblasti): spetsial'nost' 22.00.04 «Sotsial'naya struktura, sotsial'nye instituty i protsessy»: Diss. ... kand. sotsiolog. nauk. 2019. EDN OTMATS (in Russian).
13. Fizicheskaya i reabilitatsionnaya meditsina: natsional'noe rukovodstvo / G.R. Abuseva, P.V. Antipenko, V.V. Ar'kov i dr. M.: GEOTAR-Media, 2020. EDN KSMCPP (in Russian).
14. Miryukova M.A. Formirovanie sotsial'nogo blagopoluchiya invalidov posredstvom professional'noi reabilitatsii i trudoustroistva (itogi sotsiologicheskikh oprosov) / M.A. Miryukova, S.G. Terskova // *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. 2020. № 3 (145). S. 23–27. DOI: 10.24158/tipor.2020.3.3. EDN YWLNDU (in Russian).
15. Zhigunova G.V. Resursnyi potentsial invalidov yuvenal'noi kategorii / G.V. Zhigunova, I.L. Tkachenko. M.; Berlin: Direktmedia Publishing, 2014. EDN UDIKNF (in Russian).
16. Naberushkina E.K. Inklyuzivnyi potentsial molodykh invalidov v sfere mediko-sotsial'noi pomoshchi i reabilitatsii / E.K. Naberushkina, O.V. Besschyotnova // *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika*. 2022. № 8 (100). S. 24–30. DOI: 10.24158/spp.2022.8.2. EDN RBJDCJ (in Russian).

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В ДЕМОГРАФИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Индекс УДК 314, 332.1

Код ГРНТИ 05.11.65

DOI: 10.22204/2587-8956-2026-125-02-119-131

В.А. БЕЗВЕРБНЫЙ*

Моделирование оптимальной (достаточной) численности населения регионов России**

Цель статьи — разработать интегральную интервальную модель оценки оптимальной (достаточной) численности населения регионов России и апробировать её на массиве из 85 субъектов Российской Федерации, использованном в исходных авторских расчётах. В отличие от описательных демографических оценок предложенный подход измеряет не фактическую динамику населения, а потенциальную ёмкость территории, при которой обеспечиваются устойчивое хозяйственное освоение, воспроизводство сети расселения, агломерационные эффекты и геостратегическая устойчивость. Базовая формула объединяет площадь региона, базовую плотность населения и систему поправочных коэффициентов, отражающих ресурсный, климатический, экономический, инфраструктурный, технологический и сценарный блоки. Результатом моделирования выступает не точечное значение, а интервал, соответствующий консервативному и активному сценариям пространственного развития. Расчёты показывают, что совокупная оптимальная численность населения России находится в диапазоне 180–220 млн человек при текущем фактическом уровне в районе 146 млн. Наибольший дефицит населения характерен для Дальневосточного, Сибирского и Уральского федеральных округов; зона относительного равновесия фиксируется в Центральном и Северо-Кавказском округах. Избыточная концентрация населения выявлена прежде всего в Москве и Санкт-Петербурге. Показано, что наиболее чувствительным блоком модели выступают климатические параметры. Сделан вывод о применимости модели в качестве инструмента пространственно-демографического планирования, а не механистической нормы административного перераспределения населения.

* **Безвербный Вадим Александрович** — кандидат экономических наук, заведующий лабораторией цифровой демографии ФНИСЦ РАН, и.о. заведующего кафедрой национальной экономики и экономического регулирования МГИМО МИД РФ.
E-mail: vadim_ispr@mail.ru

**Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 25-78-30004, <https://rscf.ru/project/25-78-30004>.

Ключевые слова: пространственная демография, оптимальная численность населения, достаточная численность населения, регионы России, система расселения, пространственное развитие, геостратегические территории, агломерационный эффект, инфраструктурная обеспеченность, демографическое моделирование

Проблема пространственного распределения населения в России имеет не только демографическое, но и экономико-географическое, инфраструктурное и геостратегическое измерения. Для крупнейшей по территории страны мира ключевым становится не столько абсолютная численность населения сама по себе, сколько её размещение относительно ресурсов, транспортных коридоров, узлов расселения и центров принятия решений. В демографической теории вопрос об «оптимальности населения» восходит к работам П.-Ф. Ферхюльста, показавшего, что рост популяции ограничивается ёмкостью среды [1]. В региональной науке эта логика была дополнена представлениями о пространственной организации хозяйства, транспортных издержках и агломерационных преимуществах [2–4].

Российская Федерация обладает крупнейшей в мире территорией (17,1 млн км²) при численности населения около 146,1 млн человек, что соответствует средней плотности порядка 8,5 чел./км². Этот показатель в 4–5 раз ниже среднемирового и на порядок ниже значений, характерных для большинства развитых стран. Сложившаяся пространственная структура расселения отличается выраженной асимметрией: более 68% населения сосредоточено на европейской части страны, составляющей менее 25% её площади. При этом обширные территории Сибири, Дальнего Востока и Арктики

остаются демографически разрежёнными, что создаёт риски как для экономического освоения ресурсного потенциала, так и для обеспечения территориальной связности страны.

В российской научной литературе в последние годы усилилось внимание к пространственной демографии, геостратегическим территориям и дефициту населения в северных и восточных частях страны¹. Одновременно сохраняется другой полюс пространственного неравновесия — сверхконцентрация населения и функций в крупнейших столичных центрах. Такая конфигурация означает, что фактическое население ряда регионов отражает не их долгосрочную ёмкость, а сложившуюся институциональную и транспортную инерцию.

Действующая Стратегия пространственного развития Российской Федерации до 2030 г. с прогнозом до 2036 г. вновь актуализировала вопрос о полицентричности, опорных населённых пунктах, транспортной связности и снижении межрегиональных диспропорций [5]. Значительно реже ставится нормативно-аналитическая задача: какова достаточная численность населения, при которой регион может устойчиво реализовывать свой ресурсный, инфраструктурный и экономический потенциал?

Частичный ответ на этот вопрос содержится в работах, посвящённых анализу закона Ципфа и сбалансированности систем расселения² [9–13]. Однако дан-

¹ Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2024 года: Статистический бюллетень / Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13282> (дата обращения: 09.04.2026).

² Доклад об особенностях климата на территории Российской Федерации за 2024 год / Росгидромет. М., 2025. URL: <https://www.meteorf.gov.ru/press/news/39990/> (дата обращения: 09.04.2026).

ные исследования, как правило, сосредоточены либо на городских иерархиях, либо на проверке правила «ранг–размер» и не охватывают одновременно природно-ресурсные, климатические, технологические и геостратегические факторы. Между тем для России именно их совместный учёт принципиален: слабая климатическая комфортность может компенсироваться инфраструктурой и технологиями, а низкая текущая плотность населения — высоким ресурсным и транспортно-логистическим потенциалом.

Цель настоящего исследования состоит в построении интегральной модели оптимальной (достаточной) численности населения регионов России и в её апробации на массиве авторских расчётов по её субъектам. Рабочая гипотеза заключается в том, что значительная часть региональных диспропорций объясняется не «естественной» недостаточностью населения, а несоответствием между фактическим размещением населения и потенциальной ёмкостью территории, зависящей от сочетания ресурсов, климата, экономики, инфраструктуры и сценарных приоритетов развития.

Материалы и методы

Эмпирической основой статьи выступает авторская расчётная база, включающая 85 субъектов Российской Федерации. В качестве входных параметров использовались площадь региона, текущая численность населения, показатели ресурсной обеспеченности, характеристики климата, социально-экономические и инфраструктурные индикаторы. Для параметризации отдельных блоков модели применимы официальные статистиче-

ские и ведомственные источники: данные о численности населения и муниципальном составе¹, социально-экономических параметрах регионов² [7], сводные макростатистические показатели³, а также материалы государственного климатического мониторинга⁴.

Под оптимальной (достаточной) численностью населения региона в настоящем исследовании понимается такой её уровень, при котором достигается наилучшее сочетание показателей социально-экономического развития, полноты использования ресурсного потенциала территории, устойчивости расселения и качества жизни населения. В отличие от демографической ёмкости, понимаемой как предельно допустимое число жителей, и от понятия прожиточного минимума населения, оптимум рассматривается как динамическая величина, зависящая от технологического уровня, климатических условий, структуры экономики и характера инфраструктуры.

Принципиальным является отказ от одnofакторного подхода (например, только по плотности населения или только по обеспеченности ресурсами) в пользу многофакторной интегральной оценки. Подобный подход согласуется с методологией пространственного анализа и позволяет учитывать разнокачественные характеристики территории в рамках единого формального аппарата.

В статье различаются два близких, но не тождественных понятия. Под достаточной численностью населения понимается минимальный масштаб людских ресурсов, необходимых для устойчивого воспроизводства региональной системы расселения и хозяйственного освоения

¹ Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2024 года: Стат. бюл. / Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13282> (дата обращения: 09.04.2026).

² Регионы России. Социально-экономические показатели. 2024: стат. сб. / Росстат. М., 2024. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2024.pdf (дата обращения: 09.04.2026).

³ Российский статистический ежегодник. 2024: стат. сб. / Росстат. М., 2024. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Ejgodnik_2024.pdf (дата обращения: 09.04.2026).

⁴ Доклад об особенностях климата на территории Российской Федерации за 2024 год / Росгидромет. М., 2025. 135 с. URL: <https://www.meteorf.gov.ru/press/news/39990/> (дата обращения: 09.04.2026).

территории без хронического дефицита труда, инфраструктуры и институционального присутствия государства. Под оптимальной численностью понимается целевой интервал, внутри которого достигается согласование демографической ёмкости, экономической эффективности и приемлемых социальных издержек. Тем самым оптимум в данном исследовании не равен максимуму заселения и не сводится к механическому увеличению плотности населения.

Методологическим каркасом исследования выступает парадигма пространственной демографии, в рамках которой предлагается альтернативный подход к изучению проблем демографического развития территории с использованием методов пространственного анализа, включая картографические материалы и ГИС-модели. В отличие от классической демографии, оперирующей преимущественно временными рядами рождаемости, смертности и миграции, пространственная демография концентрируется на территориальной дифференциации демографических процессов и их обусловленности характеристиками среды. Это делает возможной постановку вопроса о целевой структуре расселения страны и об оптимальной численности населения отдельных её регионов.

Базовая модель задаётся как произведение площади региона, базовой плотности населения и системы поправочных коэффициентов:

$$P^*_i = A_i \times \rho_0 \times \prod_{j=1..n} K_{ji} \quad (1)$$

В формуле (1) P^*_i – оптимальная (достаточная) численность населения i -й территории, выраженная в тысячах человек; A_i – эффективная (хозяйственно освоенная) площадь i -й территории, выраженная в тысячах квадратных километров. В отличие от общей площади данный параметр учитывает долю территории, пригодной для постоянного расселения и хозяйственной деятельности; ρ_0 есть

эталонная (нормативная) плотность населения, принимаемая за базу расчёта и выраженная в чел./км². В качестве ρ_0 может приниматься средняя плотность населения по экономически развитым территориям сходного природно-климатического типа; $\prod_{j=1..n}$ обозначает произведение (мультипликативную свёртку) корректирующих коэффициентов по индексу j от 1 до n . n – число учитываемых факторов корректировки; K_{ji} есть j -й корректирующий коэффициент для i -й территории, причем j принимает значения от 1 до n .

Каждый коэффициент нормируется относительно единицы. Значение K_{ji} больше единицы повышает расчётную численность по сравнению с базовой величиной $A_i \times \rho_0$, значение меньше единицы понижает её, значение, равное единице, соответствует нейтральному влиянию фактора.

Ресурсный коэффициент (2) агрегирует запасы, относительную ценность, доступность и длительность эксплуатации ключевых видов природных ресурсов. В практической калибровке наибольший вес получают нефть и газ, редкоземельные металлы, золото и алмазы; меньший – лесные и водные ресурсы. Тем самым учитываются не только объём природного капитала, но и его способность генерировать занятость, доходы и инфраструктурный спрос.

$$K_{res,i} = \sum_k (V_k \times P_k \times A_k \times D_k) / R_{avg} \quad (2)$$

Климатический коэффициент (3) описывает ограничивающее или стимулирующее влияние природной среды. В него включены среднегодовая температура, число дней с сильными морозами, индекс влажностного комфорта, частота экстремальных явлений и обеспеченность солнечными днями. Такая конструкция позволяет уйти от грубой дихотомии «север/юг» и перейти к измерению компенсируемой и некомпенсируемой климатической нагрузки на расселение.

$$K_{clim,i} = [(T_{avg} + 50)/100] \times [1 - (D_{frost}/365)] \times [H_{comfort}/100] \times [1 - W_{extreme}] \times [S_{sun}/S_{opt}] \quad (3)$$

Экономический коэффициент (4) отражает агломерационный эффект через относительный уровень ВРП на душу населения, логарифмический эффект масштаба населения и индекс диверсификации экономики. Принципиально важно, что этот блок не просто «наказывает» малые регионы, а показывает, в какой мере существующая структура хозяйства способна удерживать и притягивать население. Наличие пороговой численности $N_0 = 100$ тыс. человек означает, что агломерационные преимущества проявляются не линейно, а начиная с определённого масштаба городской сети.

$$K_{econ,i} = (GRP_{pc} / GRP_{avg}) \times [1 + \alpha \times \ln(N_i / N_0)] \times \beta_{div} \quad (4)$$

Инфраструктурный коэффициент (5) строится как взвешенный индекс транспортной, энергетической, жилищной, социальной и цифровой обеспеченности. В авторской версии модели на транспортный блок приходится 0,30 совокупного веса, на энергетику — 0,25, на жилищную инфраструктуру — 0,20, на социальную — 0,15, на цифровую — 0,10. Такое распределение отражает логику пространственного освоения России: связность территории и надёжная энергетика выступают первичными условиями для долгосрочного закрепления населения.

$$K_{infra,i} = \sum w_m \times I_m, \text{ where } \sum w_m = 1 \quad (5)$$

Технологический и сценарный блоки входят в итоговую функцию как корректоры второго порядка. Технологический блок учитывает способность региона компенсировать природно-климатические ограничения за счёт автоматизации, цифровых сервисов, современных логистических решений и новых форм занятости. Сценарный блок задаёт институциональную рамку оценки: нижняя граница интервала соответствует консервативному

сценарию, при котором изменения инфраструктуры и технологий ограничены; верхняя — активному сценарию, предполагающему ускоренное освоение ресурсов, развитие коридоров и усиление геостратегических приоритетов (табл. 1).

Итогом расчётов является не точечное значение, а интервал оптимальной численности населения региона:

$$P_i(\min, \max) = A_i \times \rho_0 \times \prod_j K_{ji}(\min, \max) \quad (5)$$

Статус региона определялся по относительному разрыву между фактической и оптимальной численностями населения. Использовались пять градаций: критический дефицит (свыше 50% к текущей численности), значительный дефицит (25–50%), умеренный дефицит (10–25%), близость к оптимуму ($\pm 10\%$) и избыток населения (свыше 10% относительно верхней границы интервала).

Структура весов и формулы расчёта частных индексов представлены в табл. 2.

Технологический и сценарный коэффициенты

Технологический коэффициент T_i отражает уровень технологической интенсивности регионального производства, долю занятых в высокотехнологичных секторах и интенсивность внедрения автоматизированных и цифровых решений, позволяющих снижать удельную трудоёмкость освоения территории. Сценарный коэффициент S_i вводит управляющий параметр, отражающий геополитические, инвестиционные и демографические приоритеты государственной политики (например, ускоренное освоение Арктики, развитие Дальнего Востока). В базовом сценарии $S_i = 1,0$; в инерционном — понижается до 0,85–0,90; в мобилизационном — повышается до 1,15–1,25.

Анализ чувствительности модели

Для оценки устойчивости получаемых результатов был проведён анализ чувствительности (эластичности) модели по клю-

Таблица 1

Компоненты интегральной модели оптимальной численности населения

Компонент	Основные показатели	Функция в модели
A_i и ρ_0	Площадь региона, базовая плотность населения	Задают исходную пространственную ёмкость территории
K_{res}	Природные запасы, ценность, доступность и устойчивость эксплуатации ресурсов	Повышает оптимум в регионах с высоким природным и сырьевым потенциалом
K_{clim}	Температура, морозные дни, влажностный комфорт, экстремальные явления, инсоляция	Учитывает природные ограничения и стоимость компенсации климатической нагрузки
K_{econ}	ВРП на душу, эффект масштаба, диверсификация экономики	Оценивает способность региона удерживать и притягивать население
K_{infra}	Транспорт, энергетика, жильё, социальная и цифровая инфраструктура	Отражает степень компенсированности пространственных издержек расселения
K_{tech} и S	Технологические возможности и сценарные приоритеты развития	Формируют интервал между консервативным и активным сценариями

Источник: составлено автором.

Таблица 2

Компоненты интегрального индекса инфраструктурной обеспеченности

Компонент	Вес (w_i)	Формула расчёта
Транспортная доступность	0,30	$(L_{road} + 2 \cdot L_{rail} + 3 \cdot N_{air}) / \sqrt{S}$
Энергетическая обеспеченность	0,25	$P_{installed} / (P_{required} \cdot 1,2)$
Жилищная инфраструктура	0,20	$H_{quality} \cdot H_{availability} / H_{standard}$
Социальная инфраструктура	0,15	$(N_{health} + N_{edu} + N_{culture}) / N_{norm}$
Цифровая инфраструктура	0,10	$C_{broadband} \cdot C_{mobile} / C_{target}$

Источник: составлено автором.

Таблица 3

Эластичность модели по ключевым параметрам

Параметр	Изменение на 10%	Влияние на P^*_{opt}
K_{res}	+10%	+6–8%
K_{clim}	+10%	+12–15%
K_{econ}	+10%	+4–6%
K_{infra}	+10%	+3–5%

Источник: составлено автором.

чевым параметрам. При отклонении значения каждого коэффициента на 10% от базового уровня рассчитывалось соответствующее относительное изменение оптимальной численности населения P^*_{opt} . Результаты анализа представлены в табл. 3.

Наибольшую эластичность демонстрирует климатический коэффициент K_{clim} , что отражает фундаментальную роль природно-климатических ограниче-

ний для пространственной организации расселения в условиях Российской Федерации. Ресурсный коэффициент обладает умеренной эластичностью (6–8%), тогда как экономический и инфраструктурный коэффициенты оказывают наименьшее влияние на итоговую величину P^*_{opt} . Подобное распределение эластичностей подтверждает методологическую обоснованность базовой гипотезы, согласно которой в условиях северной страны с обширной и неоднородной территорией ведущую роль в формировании ёмкости расселения играют именно природно-климатические и ресурсные факторы.

Результаты исследования

Апробация модели показывает, что в масштабе страны фактическое размещение населения существенно отклоняется от расчётной ёмкости территории. Со-

Таблица 4

**Интервальные оценки оптимальной численности населения
по федеральным округам России**

Федеральный округ	Численность населения на начало 2025 г., млн чел.	Оптимум, млн чел.	Дефицит/избыток, млн чел.	Изменение, %
Центральный	40,263	42,00–47,00	+2,15...+7,15	+5,4...+17,9
Северо-Западный	13,865	15,85–19,70	+1,91...+5,76	+13,7...+41,3
Южный	16,585	18,55–21,40	+2,08...+4,93	+12,6...+29,9
Северо-Кавказский	10,307	10,10–11,80	+0,14...+1,84	+1,4...+18,5
Приволжский	28,397	31,80–36,40	+2,63...+7,23	+9,0...+24,8
Уральский	12,271	17,40–21,50	+5,03...+9,13	+40,6...+73,8
Сибирский	16,492	22,55–28,45	+5,50...+11,40	+32,3...+66,9
Дальневосточный	7,853	14,95–20,25	+6,75...+12,05	+82,3...+146,9
Россия в целом	146,119	180–220	+33,1...+73,1	+22,5...+49,8

Источник: рассчитано по авторской модели с использованием данных Росстата и Совета Федерации РФ.

Таблица 5

Распределение регионов по степени отклонения от модельного оптимума

Статус	Число регионов	Доля, %	Суммарный дефицит населения, млн чел.
Критический дефицит (>50%)	18	21,2	15,8–24,3
Значительный дефицит (25–50%)	24	28,2	12,4–18,6
Умеренный дефицит (10–25%)	28	32,9	6,2–9,4
Близко к оптимуму ($\pm 10\%$)	12	14,1	$\pm 1,5$
Избыток населения (>10%)	3	3,6	–3,6

Источник: рассчитано по авторской модели.

вокупная оптимальная численность населения России оценивается в диапазоне 180–220 млн человек, что на 33,1–73,1 млн выше текущего уровня. При этом модель фиксирует не равномерную недонаселённость страны, а выраженную пространственную асимметрию: дефицит концентрируется прежде всего в ресурсных и геостратегически важных восточных, северных и уральских регионах, тогда как избыток населения локализуется в немногих центрах гиперконцентрации (Москва и Санкт-Петербург).

На уровне федеральных округов наибольший относительный разрыв между фактической и оптимальной численностью населения наблюдается в Дальневосточном федеральном округе, где дополнительная потребность составляет от 82,3

до 146,9% к текущему населению. Далее следуют Уральский и Сибирский федеральные округа. Напротив, Центральный и Северо-Кавказский округа ближе к состоянию расчётного равновесия, хотя и внутри них сохраняются разнонаправленные региональные траектории (табл. 4).

Распределение субъектов по статусам подтверждает доминирование дефицитной модели расселения. Из 85 регионов 18 находятся в зоне критического дефицита населения, 24 — в зоне значительного, 28 — в зоне умеренного. Только 12 субъектов близки к оптимуму, а явный избыток населения выявлен лишь в трёх случаях. Тем самым более четырёх пятых исследованных регионов имеют демографическую ёмкость ниже расчётной (табл. 5).

Таблица 6

Регионы с наибольшим абсолютным дефицитом населения (топ-10)

Регион	Интервал дефицита, млн чел.
Ханты-Мансийский АО	1,8–2,8
Красноярский край	1,6–3,1
Республика Саха (Якутия)	1,5–2,5
Свердловская область	1,2–2,2
Иркутская область	1,1–1,8
Хабаровский край	0,9–1,7
Приморский край	0,9–1,6
Кемеровская область	0,8–1,5
Челябинская область	0,7–1,5
Архангельская область	0,7–1,2

Источник: рассчитано по авторской модели.

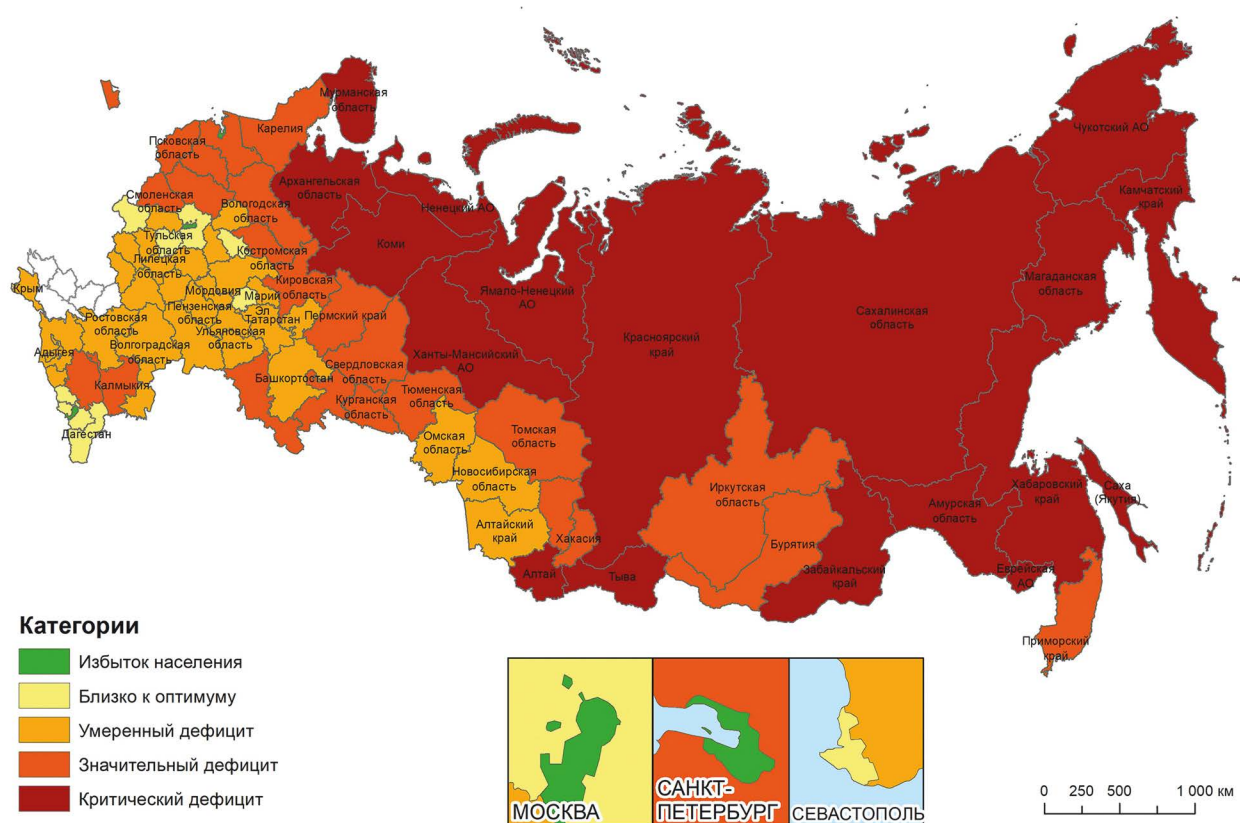
Наибольший абсолютный дефицит фиксируется в крупных ресурсно-индустриальных и северо-восточных регионах: Ханты-Мансийском автономном округе, Красноярском крае, Республике Саха (Якутия), Свердловской и Иркутской областях, Хабаровском и Приморском краях. С точки зрения относительного разрыва наиболее проблемными выглядят малонаселённые арктические и дальневосточные субъекты: Ненецкий, Чукотский, Ямало-Ненецкий автономные округа, Магаданская область и Еврейская автономная область. Это означает, что модель обнаруживает не только дефицит «в людях вообще», но и структурный недобор населения в территориях, где малая численность не обеспечивает устойчивого функционирования инфраструктуры, рынков труда и социальной сети (табл. 6).

Особого внимания заслуживают регионы с избытком населения относительно расчётного оптимума. В представленной базе к ним отнесены Москва, Санкт-Петербург и Республика Ингушетия. В первых двух случаях избыток обусловлен сверхконцентрацией административных, финансовых, образовательных и сервисных функций, тогда как в третьем — высоким демографиче-

ским давлением на крайне ограниченную территорию. Следовательно, модель фиксирует разные механизмы «избытка»: в столицах — институционально-агломерационный, в республиках с высокой естественной прибавкой — демографо-пространственный.

Расчётный оптимальный диапазон для страны в целом находится в пределах от 165,7 до 197,2 млн человек, а его среднее значение достигает 181,4 млн человек. Таким образом, совокупный демографический дефицит, оцениваемый по средней границе оптимума, составляет порядка 35,1 млн человек, а в зависимости от выбора нижней или верхней границы интервала колеблется от 19,4 до 50,8 млн человек. Полученные значения согласуются с обоснованным ранее автором целевым ориентиром оптимального населения России в диапазоне 180–220 млн человек и подтверждают вывод о существенной недонаселённости территории страны относительно её пространственного и ресурсного потенциала.

На уровне отдельных субъектов результаты расчётов позволяют выделить несколько типологических групп по соотношению фактической и оптимальной численностей населения. Состояние критического дефицита, при котором фактическое население кратно уступает оптимуму, выявлено в 18 субъектах. В их число входят северные и восточные территории с экстремальными природно-климатическими условиями и низкой плотностью расселения, в частности Республика Саха (Якутия), Красноярский и Хабаровский края, Магаданская и Амурская области, Чукотский, Ненецкий, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа, республики Алтай, Тыва и Коми. Так, в Республике Саха (Якутия) при текущей численности 0,99 млн человек расчётный оптимум достигает 2,5–3,5 млн человек, а в Ямало-Ненецком автономном округе при населении 0,54 млн человек оптимальная ёмкость оценивается в 1,2–1,8 млн человек.

Ил. Карта результатов моделирования оптимальной (достаточной) численности населения регионов России

Источник: карта подготовлена м.н.с. лаборатории цифровой демографии ФНИСЦ РАН Т.Р. Мирзоявым в системе QGIS.

Состояние значительного дефицита, требующего активной демографической и миграционной политики, фиксируется в 24 субъектах, среди которых Свердловская, Челябинская, Иркутская, Кемеровская области, Пермский и Ставропольский края, ряд регионов Северо-Запада. Группу субъектов, близких к оптимуму, образуют преимущественно регионы Центрального округа и национальные республики Северного Кавказа с устойчивой демографической динамикой. Отдельную немногочисленную категорию формируют территории с избытком населения относительно расчётного оптимума, к которым отнесены города федерального значения Москва и Санкт-Петербург, а также Республика Ингушетия (ил.).

Полученные результаты важны и с точки зрения управленческой интерпретации. Они не означают, что страна должна

в короткие сроки механически переместить десятки миллионов человек. Напротив, интервальная оценка показывает стратегический диапазон, внутри которого могли бы формироваться новые точки роста, опорные узлы расселения, рынки труда и транспортные коридоры при последовательной инфраструктурной и технологической политике.

Дополнительный штрих к результатам. Если абсолютные максимумы концентрируются в крупных ресурсных регионах, то относительные максимумы приходятся на арктические и дальневосточные субъекты: Ненецкий автономный округ (241–468% к текущей численности), Магаданскую область (221–364%), Чукотский автономный округ (200–400%), Республику Саха (Якутия) (151–252%) и Ямало-Ненецкий автономный округ (121–231%). Это показывает, что проблема пространственного недона-

селения в России имеет как экстенсивное, так и интенсивное измерение.

Обсуждение

Главный теоретический результат исследования состоит в переходе от описательной демографии к нормативно-пространственной постановке вопроса. В традиционном анализе население выступает зависимой переменной по отношению к рождаемости, смертности и миграции. В предлагаемой модели оно рассматривается также как параметр территориальной состоятельности региона. Поэтому дефицит населения трактуется не просто как следствие депопуляции, а как индикатор недоиспользованной пространственной ёмкости и незавершённости хозяйственного освоения территории.

В случае крупнейших агломераций превышение оптимума отражает гипертрофированную концентрацию населения, сопряжённую с инфраструктурными перегрузками и снижением качества городской среды. Для северных, сибирских и дальневосточных регионов особенно значим вывод о том, что неблагоприятный климат сам по себе не предопределяет низкий оптимум населения. Высокий ресурсный и геостратегический потенциалы способны увеличивать расчётную ёмкость территории, но только при наличии транспортной, энергетической, жилищной и цифровой компенсации. Это согласуется как с выводами отечественных исследований пространственной демографии [6–8], так и с работами по сбалансированности систем расселения [9–13]. Иными словами, ключевая проблема многих периферийных регионов состоит не в абсолютной «непригодности» для проживания, а в недоразвитости компенсирующих институтов и инфраструктур.

Для региональной политики модель предлагает три типа решений. Первый — политика привлечения и закрепления населения в территориях с высоким абсолютным дефицитом, где экономический и ресурсный потенциалы уже существуют,

но не обеспечены достаточной людностью. Второй — формирование полицентрической сети вторых и третьих центров роста в округах со значительными внутри-макрорегиональными диспропорциями. Третий — разгрузка зон столичной гиперконцентрации за счёт перераспределения части функций в крупные региональные центры, университетские города и опорные транспортно-промышленные узлы.

Вместе с тем модель имеет ограничения. Во-первых, весовые коэффициенты и интервалы сценариев содержат экспертную составляющую. Во-вторых, апробация выполнена на региональном, а не муниципальном уровне, поэтому внутрирегиональные различия сглаживаются. В-третьих, в текущей версии не учтены в явном виде экологическая ёмкость, стоимость социальных услуг на душу населения и поведенческие параметры внутренней миграции. Наконец, расчётная база соответствует набору из 85 субъектов, использованному в исходных авторских расчётах, что требует отдельной актуализации при расширении пространственного контура анализа.

Дальнейшее развитие модели целесообразно в трёх направлениях: переход к муниципальной детализации с использованием ГИС, включение пространственно-эконометрических механизмов межрегионального перетока населения и капитала, а также построение динамических сценариев, в которых технологические изменения напрямую модифицируют климатические и инфраструктурные ограничения.

Экономический потенциал оптимизации расселения

Сопоставление текущей и расчётной численностей населения регионов Российской Федерации позволяет оценить потенциал ускоренного экономического развития, высвобождаемый при реализации сценария пространственно-сбалансированного роста. Основные макроэкономические эффекты, связанные с достижением оптимальной структуры расселения, представлены в табл. 7.

Представленные оценки носят ориентировочный характер и получены на основе экстраполяции удельных показателей вклада трудовых ресурсов в ВРП, характерных для регионов с плотностью населения, близкой к оптимальной. Приведённые значения следует интерпретировать как верхнюю границу потенциала, достижение которой возможно лишь при комплексной модернизации инфраструктурного каркаса восточных территорий, при развитии агломерационных центров второго порядка и проведении активной миграционной политики.

Заключение

Разработанная многофакторная математическая модель расчёта достаточной (оптимальной) численности населения субъектов Российской Федерации позволяет оценить соответствие текущей демографической структуры страны её природно-ресурсному, экономическому и инфраструктурному потенциалам. Опираясь на модифицированное уравнение Ферхюльста и систему из шести групп поправочных коэффициентов, модель интегрирует разнокачественные характеристики территории и обеспечивает сопоставимость оценок для 85 регионов страны.

Проведённые расчёты подтверждают тезис о значительной недонаселённости территории России относительно её пространственного, ресурсного и инфраструктурного потенциала. Совокупный демографический дефицит, оцениваемый в ~35 млн человек по средней границе оптимума, распределён в пространстве крайне неравномерно и концентрируется в восточных и северных макрорегионах, что согласуется с закономерностью опережающего сокращения населения малых и удалённых территорий. Полученные

Таблица 7

Экономический потенциал оптимизации расселения Российской Федерации

Показатель	Оценочное значение
Потенциальный прирост ВВП	40–60%
Создание новых рабочих мест	15–20 млн
Увеличение добычи полезных ископаемых	150–200%
Рост налоговых поступлений (2025–2050 гг.)	25–35 трлн руб.

Источник: рассчитано по авторской модели.

результаты обладают прикладной значимостью для целей пространственного планирования, обоснования приоритетов демографической и миграционной политики, могут служить ориентиром для региональных программ демографического развития. Целесообразным представляется дальнейшее уточнение нормативных оценок оптимума с учётом отраслевой структуры экономики субъектов, перспектив технологического развития и сценариев изменения системы расселения.

Полученные результаты имеют как теоретическое, так и практическое значение. В теоретическом плане они развивают парадигму пространственной демографии, предоставляя формализованный инструмент оценки целевой численности и структуры расселения. В практическом — задают количественные ориентиры для Стратегии пространственного развития Российской Федерации, региональных демографических программ и государственных инициатив по освоению восточных территорий. Перспективы дальнейшего развития модели связаны с её верификацией на материалах ретроспективных данных Росстата и переписей населения, а также с включением сценариев климатических изменений, технологического развития, демографической и миграционной политики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Verhulst P.F. Notice sur la loi que la population suit dans son accroissement // Correspondance mathématique et physique. 1838. Vol. 10. Pp. 113–121.

2. Isard W. *Methods of Regional Analysis: An Introduction to Regional Science*. Cambridge, MA: MIT Press, 1960.
3. Krugman P. *Geography and Trade*. Cambridge, MA: MIT Press, 1991.
4. Henderson V. The Urbanization Process and Economic Growth: The So-What Question // *Journal of Economic Growth*. 2003. Vol. 8. № 1. Pp. 47–71. DOI: 10.1023/A:1022860800744.
5. Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28.12.2024 № 4146-п. URL: <https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202501060001> (дата обращения: 09.04.2026).
6. Безвербный В.А., Микрюков Н.Ю., Мирязов Т.Р. Современные и исторические тенденции пространственного развития России: социально-демографические аспекты // *Наука. Культура. Общество*. 2020. Т. 26. № 2. С. 63–81. DOI: 10.38085/2308829X-2020-2-63-81.
7. Безвербный В.А., Мирязов Т.Р. Депопуляция геостратегических территорий Российской Федерации в зеркале пространственной демографии: теоретико-методологические аспекты // *Политическая наука*. 2022. № 4. С. 185–206.
8. Безвербный В.А., Микрюков Н.Ю., Мирязов Т.Р., Лукашенко Е.А. Естественное движение населения в российских регионах: факторы, динамика, перспективы // *ДЕМИС. Демографические исследования*. 2023. Т. 3. № 4. С. 37–58. DOI: 10.19181/demis.2023.3.4.3.
9. Секушина И.А. Оценка сбалансированности городской системы расселения Европейского Севера России // *Регионоведение*. 2021. Т. 29. № 3. С. 642–665. DOI: 10.15507/2413-1407.116.029.202103.642-665.
10. Растворцева С.Н., Манаева И.В. Закон Ципфа в городах России: анализ новых показателей // *Экономика региона*. 2020. Т. 16. № 3. С. 935–947. DOI: 10.17059/ekon.reg.2020-3-20.
11. Павлов Ю.В. Баланс системы расселения региона: оценка по закону Ципфа и влияние на региональное развитие // *Вопросы территориального развития*. 2020. Т. 8. № 2. С. 1–13. DOI: 10.15838/tdi.2020.2.52.1.
12. Фаттахов Р.В., Низамутдинов М.М., Орешников В.В. Анализ и моделирование тенденций развития системы территориального расселения в России // *Экономика региона*. 2019. Т. 15. № 2. С. 436–450. DOI: 10.17059/2019-2-10.
13. Коломак Е.А. Городская система России // *Регион: экономика и социология*. 2016. № 1. С. 233–248. DOI: 10.15372/REG20160110.

Modeling the Optimal (Sufficient) Population Size of Russian Regions

Bezverbny Vadim Aleksandrovich — Candidate of Economic Sciences, Head of the Laboratory of Digital Demography, FCTAS RAS; Acting Head of the Department of National Economy and Economic Regulation, MGIMO University, Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation.
E-mail: vadim_ispr@mail.ru

The aim of the article is to develop an integrated interval model for assessing the optimal (sufficient) population size of Russian regions and to test it on an array of 85 constituent entities of the Russian Federation used in the authors' original calculations. In contrast to descriptive demographic assessments, the proposed approach measures not actual population dynamics but the potential capacity of a territory at which sustainable economic development, reproduction of the settlement network, agglomeration effects, and geostrategic stability are ensured. The basic formula combines regional area, baseline population density, and a system of adjustment coefficients reflecting resource, climatic, economic, infrastructural, technological, and scenario blocks. The result of modeling is not a point estimate but an interval corresponding to conservative and active scenarios of spatial development. The calculations show that the aggregate

optimal population size of Russia lies in the range of 180-220 million people, compared with the current actual level of approximately 146 million. The greatest population deficit is characteristic of the Far Eastern, Siberian, and Ural federal districts; a zone of relative equilibrium is observed in the Central and North Caucasian districts. Excessive population concentration is identified primarily in Moscow and Saint Petersburg. The climatic parameters are shown to be the most sensitive block of the model. The article concludes that the model is applicable as an instrument of spatial-demographic planning rather than as a mechanistic norm for the administrative redistribution of population.

Keywords: spatial demography, optimal population size, sufficient population size, Russian regions, settlement system, spatial development, geostrategic territories, agglomeration effect, infrastructure provision, demographic modeling

REFERENCES

1. Verhulst P.F. Notice sur la loi que la population suit dans son accroissement // Correspondance mathématique et physique. 1838. Vol. 10. Pp. 113–121.
2. Isard W. Methods of Regional Analysis: An Introduction to Regional Science. Cambridge, MA: MIT Press, 1960.
3. Krugman P. Geography and Trade. Cambridge, MA: MIT Press, 1991.
4. Henderson V. The Urbanization Process and Economic Growth: The So-What Question // Journal of Economic Growth. 2003. Vol. 8. № 1. Pp. 47–71. DOI: 10.1023/A:1022860800744.
5. Ob utverzhdenii Strategii prostranstvennogo razvitiya Rossiiskoi Federatsii na period do 2030 goda s prognozom do 2036 goda: Rasporyazhenie Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii ot 28.12.2024 № 4146-r. URL: <https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202501060001> (data obrashcheniya: 09.04.2026) (in Russian).
6. Bezverbnyi V.A., Mikryukov N.Yu., Miryazov T.R. Sovremennye i istoricheskie tendentsii prostranstvennogo razvitiya Rossii: sotsial'no-demograficheskie aspekty // Nauka. Kul'tura. Obshchestvo. 2020. T. 26. № 2. S. 63–81. DOI: 10.38085/2308829X-2020-2-63-81 (in Russian).
7. Bezverbnyi V.A., Miryazov T.R. Depopulyatsiya geostrategicheskikh territorii Rossiiskoi Federatsii v zerkale prostranstvennoi demografii: teoretiko-metodologicheskie aspekty // Politicheskaya nauka. 2022. № 4. S. 185–206 (in Russian).
8. Bezverbnyi V.A., Mikryukov N.Yu., Miryazov T.R., Lukashenko E.A. Estestvennoe dvizhenie naseleniya v rossiiskikh regionakh: faktory, dinamika, perspektivy // DEMIS. Demograficheskie issledovaniya. 2023. T. 3. № 4. S. 37–58. DOI: 10.19181/demis.2023.3.4.3 (in Russian).
9. Sekushina I.A. Otsenka sbalansirovannosti gorodskoi sistemy rasseleniya Evropeiskogo Severa Rossii // Regionologiya. 2021. T. 29. № 3. S. 642–665. DOI: 10.15507/2413-1407.116.029.202103.642-665 (in Russian).
10. Rastvortseva S.N., Manaeva I.V. Zakon Tsipfa v gorodakh Rossii: analiz novykh pokazatelei // Ekonomika regiona. 2020. T. 16. № 3. S. 935–947. DOI: 10.17059/ekon.reg.2020-3-20 (in Russian).
11. Pavlov Yu.V. Balans sistemy rasseleniya regiona: otsenka po zakonu Tsipfa i vliyanie na regional'noe razvitie // Voprosy territorial'nogo razvitiya. 2020. T. 8. № 2. S. 1–13. DOI: 10.15838/tdi.2020.2.52.1 (in Russian).
12. Fattakhov R.V., Nizamutdinov M.M., Oreshnikov V.V. Analiz i modelirovanie tendentsii razvitiya sistemy territorial'nogo rasseleniya v Rossii // Ekonomika regiona. 2019. T. 15. № 2. S. 436–450. DOI: 10.17059/2019-2-10 (in Russian).
13. Kolomak E.A. Gorodskaya sistema Rossii // Region: ekonomika i sotsiologiya. 2016. № 1. S. 233–248. DOI: 10.15372/REG20160110 (in Russian).

О.Н. КАЛАЧИКОВА*

Эффективность демографической политики России в целях повышения рождаемости населения

В статье рассмотрены тенденции рождаемости и воспроизводства населения, показан вклад демографической политики в повышение рождаемости начала 2000-х гг. Внимание к проблемам семьи и запуск национальных проектов поддержали начавшийся рост рождаемости, обусловленный структурным фактором (увеличением численности женщин репродуктивного возраста). Однако исчерпание потенциала отложенных рождений привело к снижению показателей рождаемости в 2016 г. С помощью расчёта гипотетического минимума естественной рождаемости показан горизонт вероятного повышения рождаемости и доказана ведущая роль внутрисемейного ограничения детности в реализации гипотетического уровня естественной рождаемости. Аргументирована гипотеза о закреплении социальной нормы малодетности как компромисса между репродуктивной и экономической функциями семьи в условиях растущих требований к уровню жизни, с одной стороны, и качеству человеческого потенциала — с другой.

Ключевые слова: демографическая политика, рождаемость населения, народосбережение

Последние 20 лет в России проводится активная демографическая политика, направленная на обеспечение народосбережения. В 2006 г. стартовали национальные проекты, был введён «семейный» капитал, направленный на реализацию рождения детей второй и последующих очередностей, что было крайне своевременно в условиях сокращения численности когорт женщин в активном репродуктивном возрасте. В основополагающих документах развития страны закреплены приоритеты поддержки брака как союза мужчины и женщины, семьи

и детей, повышения рождаемости и увеличения продолжительности жизни населения. Отдельного внимания заслуживает Указ Президента РФ № 809 от 9.11.2022 г., которым утверждены Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

2024 г. был объявлен Годом семьи, установлен единый для всех субъектов федерации критерий присвоения статуса многодетной семьи, Президент РФ В.В. Путин объявил о продлении программ семейной ипотеки и материнского капитала

* **Калачикова Ольга Николаевна** — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, заместитель директора по научной работе ВолНЦ РАН.
E-mail: onk82@yandex.ru

до 2030 г. В 2025 г. стартовали новые национальные проекты. Важно отметить, что в числе целевых показателей национального проекта «Семья» указаны не только суммарный коэффициент рождаемости, но и коэффициент рождаемости третьих и последующих детей, предусмотрены мероприятия по формированию семейных ценностей; 15 марта утверждена Стратегия действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в РФ до 2036 г. Всё это позволяет говорить о том, что формируется и, что немаловажно, легитимируется идеология государства в отношении семьи.

Вместе с тем с 2016 г. рождаемость населения начала снижаться, а региональная дифференциация осталась весьма высокой. В этих условиях сформировался запрос на развитие демографических компетенций у лиц, ответственных за разработку и реализацию семейной политики. Центры демографических компетенций создаются в регионах по поручению Президента и находятся в зоне внимания Министерства труда и социальной защиты.

Выбор спектра мер, реализуемых для народосбережения, увеличение их финансирования требуют обоснования и оценки эффективности затрат. В связи с этим существует необходимость поиска оптимальных методов получения информации о факторах, влияющих на демографические процессы, и способах оценки эффектов от конкретных реализуемых мер.

Целью данной статьи стал поиск объяснения снижения рождаемости, наблюдаемый после 2016 г. Гипотеза исследования состоит в том, что снижение рождаемости обусловлено не только уменьшением численности женщин в активном репродуктивном возрасте, но и закреплением социальной нормы малодетности, что можно рассматривать как адаптацию института семьи к противоречию её репродуктивной и экономической функций в условиях роста требований к уровню и качеству жизни, к формируемому человеческому потенциалу.

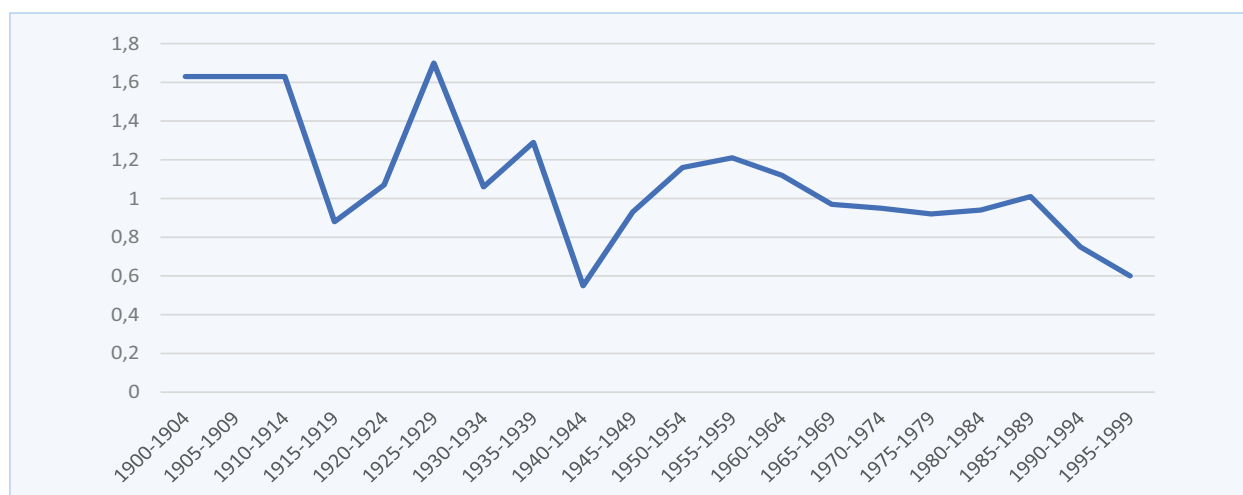
Методические подходы к оценке эффективности мер демографической политики

Итоги управленческого воздействия оцениваются различными способами. Как правило, речь идёт об эффективности или результативности реализуемых мер. Поскольку демографическая политика требует финансирования, ожидаемо оцениваются такие показатели, как объёмы, освоение средств, затраченных на достижение целевых индикаторов, и степень их достижения/недостижения [1]. Соответственно, необходимо адекватно оценить, с одной стороны, демографическую динамику, а с другой — затраты на семейно-демографическую политику.

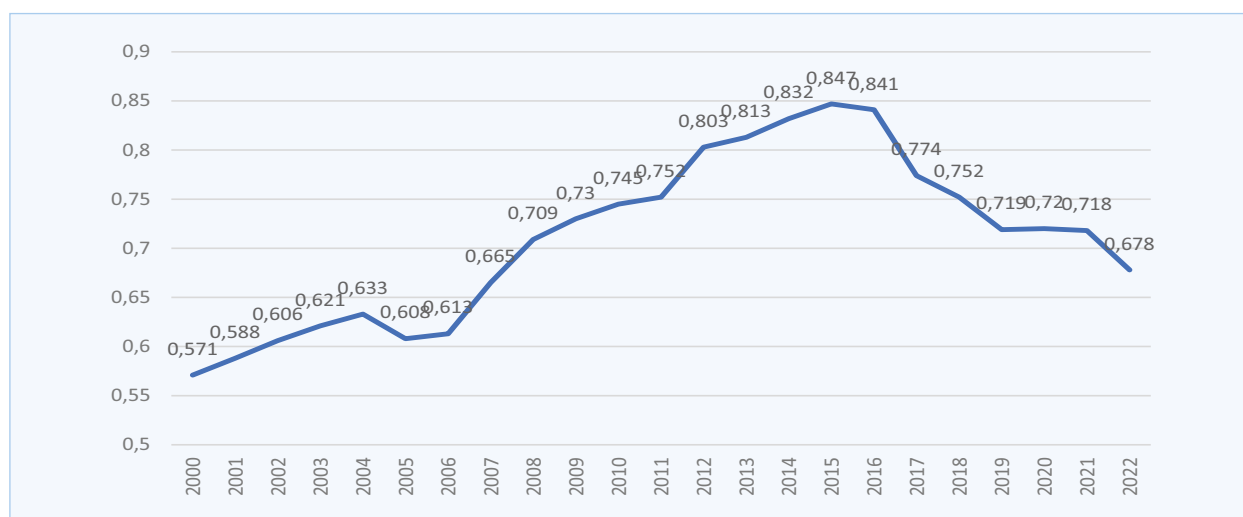
Опыт оценки результативности демографической и социальной политики систематизировали Е.Н. Яковлева, И.В. Крюкова [2]. Примером реализации интегрального подхода является индекс развития человеческого потенциала [3].

Ещё один подход оценки эффективности демографической политики связан с поиском способов оценки желательного состояния демографических процессов, достижение которых принимается как маркер эффективности реализованных мер. А.В. Черепанова предложила понятие эффективного социально-демографического развития территории и разработала механизм его обеспечения [4]. С.В. Рязанцев ввёл понятие «демографическое благополучие» [5], обосновав характеристики демографических процессов, которые будут обеспечивать благоприятную демографическую ситуацию.

Поскольку повышение рождаемости населения — стратегическая задача, именно её регулирование требует особого внимания. Нередко в управленческой практике использовалось сопоставление спектра реализованных мероприятий и динамики демографических показателей, априори подразумевая, что, например, рост рождаемости населения в 2010-х гг. стал следствием увеличения мер поддержки семей с детьми [6]. Вместе с тем демографы стре-

Ил. 1а. Нетто-коэффициент воспроизводства населения России в XX в.

Ил. 1б. Нетто-коэффициент воспроизводства населения России в XXI в.

милось выявить вклад структурных и поведенческих факторов в динамику процесса. Так, Н.В. Зверева и В.Н. Архангельский с помощью индексного метода доказали, что рост рождаемости в России в период с 2006 по 2008 г. [7] был обусловлен изменением репродуктивного поведения. В нашей работе [8] по аналогичной методике на данных Вологодской области показано, что рост рождаемости в 2009–2011 гг. на 78% был обусловлен повышением возрастных коэффициентов рождаемости, т.е. репродуктивным поведением.

Так или иначе, главная задача народосбережения – не только преодоление депопуляции, сколько обеспечение воспроизводства населения.

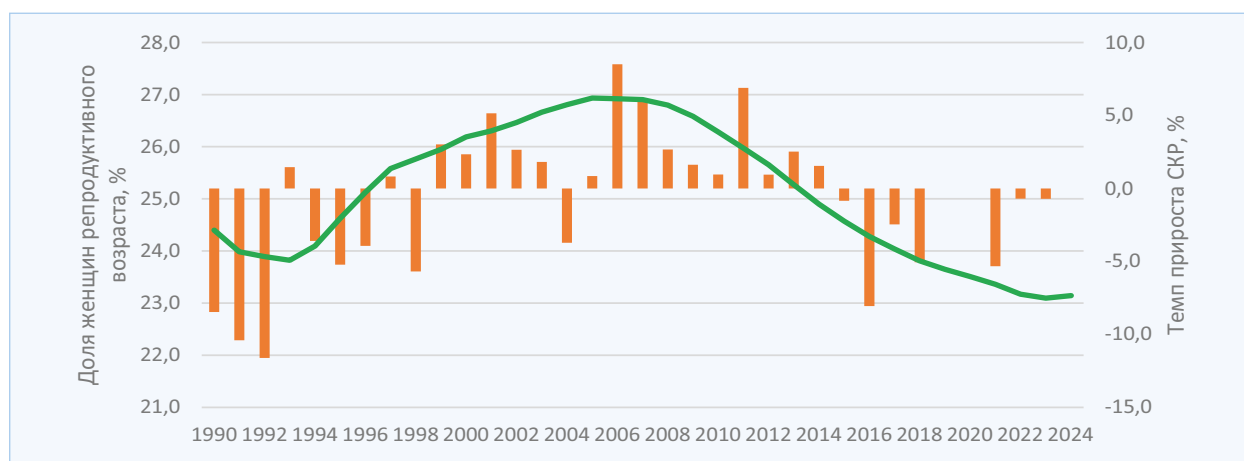
Периоды суженного воспроизводства в XX в. связаны с военными действиями (1917 г., 1941–1945 гг.) (ил. 1а). Переход к режиму стабильного суженного воспроизводства произошёл в 1990-е гг. вследствие таких травмирующих событий, как рыночные реформы и смена политического курса (ил. 1б). Произошла резкая потеря ориентиров, смена социальных институтов. И поскольку на 98% воспроизводство населения определяет рождаемость, остановимся на ней более подробно.

После шока 1990-х гг. с начала XXI в. динамика и общего коэффициента рождаемости, и суммарного стала позитивной (ил. 2).

Это обусловлено ростом численности женщин репродуктивных возрастов (он

Ил. 2. Общий коэффициент рождаемости (ОКР, ‰) и суммарный коэффициент рождаемости (СКР, число детей на 1 женщину) в России

Ил. 3. Доля женщин репродуктивного возраста и темп прироста суммарного коэффициента рождаемости населения России, %

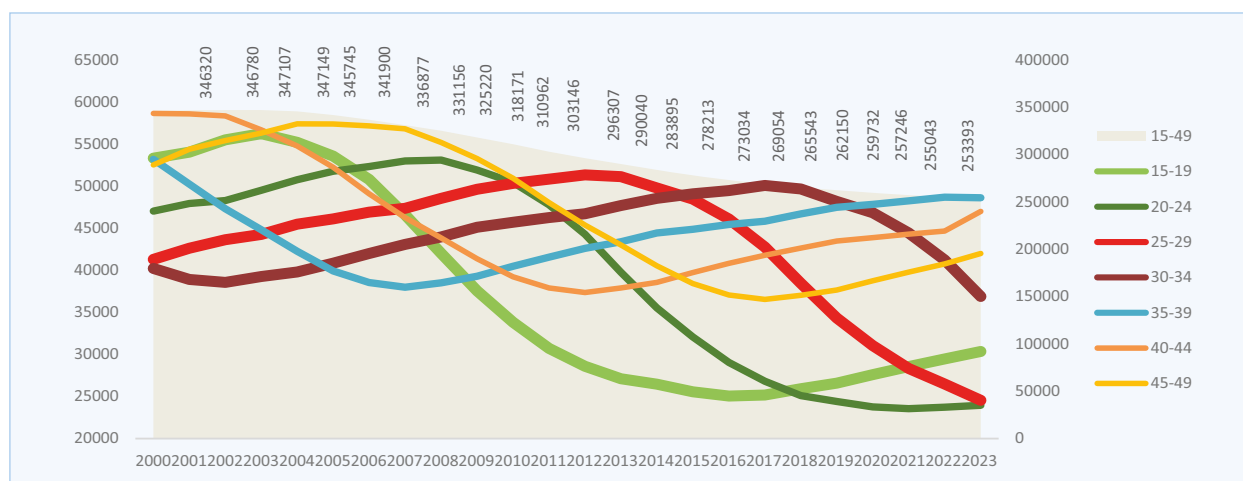
начался ещё в 1994 г., но в условиях реформ семьи оставался в зоне малодетности). А введение материнского капитала оказалось весьма своевременным, и темпы прироста суммарного коэффициента рождаемости (СКР) в 2006–2015 гг. стали заметно выше, чем в 2000–2004 (ил. 3).

Важно понимать, что в группе женщин репродуктивного возраста 15–49 лет представленность репродуктивно «активных» когорт может быть разной. Например, в Вологодской области с 2019 г. большую часть группы составляют женщины 35+, а доля женщин 25–34 лет самая низкая (ил. 4).

Каковы в принципе пределы повышения рождаемости? При ответе на этот вопрос использованы методы оценки уров-

ня естественной рождаемости с учётом биологической плодовитости и брачного состояния женщин. Мы рассчитываем индекс гипотетического минимума естественной рождаемости (ГМЕР), предложенный В.А. Борисовым. В условиях естественной рождаемости (если бы таковая была в России), при фактической возрастной и брачной структурах населения, какими они были на момент переписи населения, общий коэффициент рождаемости составил бы как минимум ГМЕР.

В тех случаях, когда учёт рождений достаточно полный, а величина бесплодия и длительных разлук супругов незначительна, показатель степени реализации потенциала рождаемости характеризует

Ил. 4. Численность женщин репродуктивного возраста в Вологодской области, чел.

минимум внутрисемейного ограничения рождаемости.

От переписи к переписи населения ГМЕР снижается (29,6 в 2020 г.), что вполне объяснимо, во-первых, трансформацией брачности, во-вторых, ростом внутрисемейного ограничения деторождений. Соотношение ГМЕР и ОКС — реализация ГМЕР — составляет около 30%, и этот уровень установился ещё в 1970 г., хотя сам ГМЕР был заметно выше — 47,2 промилле. В Вологодской области реализация ГМЕР выше — почти 38%, но ниже и ГМЕР, и ОКС (табл. 1). Это говорит о том, что потенциал рождаемости реализуется в большей степени, чем в среднем по стране.

Но почему так низки показатели рождаемости? Как ответ на условия жизни (как внутри, так во вне семьи) происходит закрепление малодетности как социальной нормы. Всё по Э. Дюркгейму: «самые распространённые формы организации» являются «по крайней мере, в своей совокупности, самыми выгодными... Если другие представлены редко, то очевидно, что в среднем субъектам, которые их представляют, труднее выжить. Большая частота первых является, таким образом, доказательством их превосходства»¹.

Основной механизм закрепления малодетности — противоречие между функ-

циями семьи. Материальное обеспечение требует профессиональных компетенций, времени, зачастую — пренебрежения семейными обязанностями. С другой стороны, качественное воспитание тоже требует времени, совершенно других компетенций и, конечно, средств.

Семья находится в порочном круге: деньги нужны на детей и семью, дети и семья мешают (осложняют) зарабатыванию денег, требуют зарабатывать больше, чем нужно заработать на одного себя. И тут ещё включается неоднократно доказанный коллегами штраф за материнство — потеря дохода, карьерных позиций при рождении детей у женщин. А вот мужчины выигрывают, имея семью. И это связано не только с заработком, но и с качеством жизни (особенно в патриархальной модели семьи). Так или иначе растёт запрос на вовлечённое отцовство, вновь актуализируется патриархальная модель семьи, помощь прародителей, особенно в случае многодетности, запрос на помогающие институты и специалистов.

В 2025 г. проведена очередная волна мониторинга репродуктивного потенциала и поведения населения Вологодской области. Идеальное и желаемое числа детей — в среднем более двух, ожидаемое число детей — 1,92. В сочетании гендера с уровнем среднедушевого дохода видно,

¹ Цит. по: Покровская Н.Н. Социальные нормы как предмет социологического анализа: должное и действительное // Журнал социологии и социальной антропологии. 2007. Т. X. № 1. С. 190–198.

что такая ситуация сохраняется только до границы дохода в 35–45 тыс. руб, это примерно 2–2,5 прожиточного минимума (ПМ) в регионе (ил. 5). Это значит, что у женщин с относительно бóльшим доходом репродуктивные намерения ниже, чем у мужчин той же группы и у женщин с более низким доходом.

В низкодоходных группах (до 1 ПМ) наблюдается превышение планируемого числа над желаемым. И планируемое число детей здесь самое высокое. Это значит, что часть населения рассматривает детей как источник дохода и иных предпочтений. Причём среди женщин это встречается чаще, чем среди мужчин.

В целом же самые высокие идеальное и желаемое и чуть отстающее от низкодоходных планируемое число детей зафиксированы в группе с доходами от 1,5 до 2 ПМ. Эти выводы согласуются с данными о минимально необходимом ежемесячном пособии на ребёнка около 30 430 руб. (это 1,7 ПМ). Необходимым для нормального уровня жизни вологжане в среднем определили сумму 50 740 руб. (2,8 ПМ¹).

Опасность в том, что иметь мало детей становится нормой жизни. Период жизненного цикла семьи с маленькими детьми, когда максимально высока иждивенческая нагрузка, семьи стараются сократить, и этот тренд необходимо преломлять, уповая на значимость метаценности семьи с детьми и проводя реорганизацию социальных институтов, помогающих семье воспитывать детей. Благополучие семьи с детьми является стратегической целью семейно-демографической политики [9], поскольку оно — важнейшее условие реализации желаемых рождений, именно семья является ключевым институтом формирования человеческого потенциала и воспроизводства населения.

Резюмируя, определим два стратегических направления работы для повышения рождаемости. Первое — продолжение дея-

Таблица 1

Общий коэффициент рождаемости, гипотетический минимум естественной рождаемости и степень реализации ГМЕР

Год	Россия			Вологодская область		
	ОКР	ГМЕР	Реализация ГМЕР, %	ОКР	ГМЕР	Реализация ГМЕР, %
	промилле			промилле		
1897	49,9	47,7	104,7	–	–	–
1927	46,0	50,2	91,6	–	45,2	–
1939	37,0	51,4	74,0	–	42,8	–
1959	23,9	49,2	48,6	–	46,1	–
1970	14,4	47,2	30,6	12,8	43,1	29,7
1979	15,9	47,6	33,4	16,2	42,8	37,8
1989	15,3	48,7	31,5	14,9	47,7	31,2
2002	9,7	39,3	24,7	10,1	38,2	26,5
2010	12,5	38,6	32,4	12,5	37,9	33,0
2020	9,8	29,6	33,1	9,3	24,7	37,6

ОКР — общий коэффициент рождаемости, «—» — нет данных.

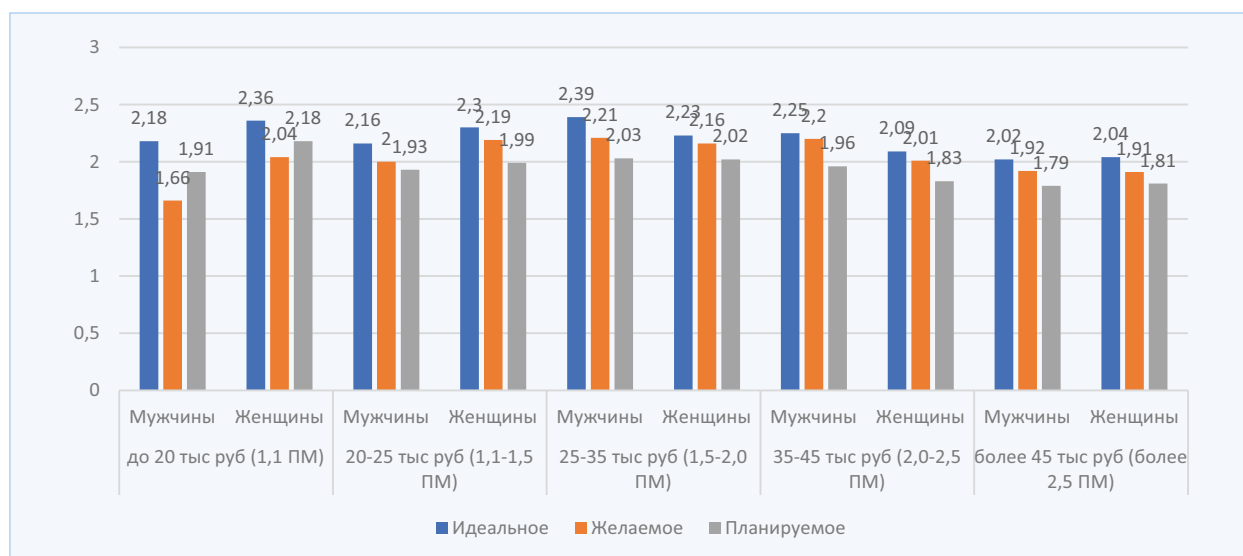
Источники: Антонов А.И., Борисов В.А. Лекции по демографии. М., 2011. С. 204; расчёты О.Н. Калачиковой; данные Росстата.

тельности по созданию условий, обеспечивающих максимально возможную реализацию репродуктивных намерений. Для этого необходимо устранение конкуренции функций материального обеспечения семьи и воспитания детей (компенсация «штрафа на материнство», преодоление феномена работающих бедных, пересмотр самой системы поддержки родительства, например, в рамках концепции родительского труда [10]).

Второе — ревизия социальной нормы детности, реабилитация многодетности в общественном сознании, принятие её нормальности. Для этого важно продолжать формирование социальной среды и инфраструктуры, ориентированной на потребности семей с детьми, и культуры семейной жизни в целом.

Немаловажную роль в повышении эффективности демографической политики

¹ К концу 2025 г. средняя номинальная заработная плата работников организаций региона составила 98 750 рублей; ПМ в 2025 г. — 17 910 руб., ПМ трудоспособного населения — 19 522 руб., ПМ детей — 17 373 руб.

Ил. 5. Средние предпочитаемые числа детей в зависимости от пола и уровня среднедушевого дохода

Таблица 2

Средний размер ежемесячного пособия по уходу за ребёнком до поступления в детский сад, минимально необходимый и обеспечивающий «нормальный уровень жизни» по оценкам респондентов

	Мужчины в возрасте				Женщины в возрасте			
	15–19 лет	20–24 лет	25–34 лет	старше 35 лет	15–19 лет	20–24 лет	25–34 лет	старше 35 лет
Минимально необходимый размер ежемесячного пособия по уходу за ребёнком до поступления в детский сад	31 750	30 754	28 673	29 981	30 597	29 887	30 702	31 159
Соотношение с ПМ	1,8	1,7	1,6	1,7	1,7	1,7	1,7	1,7
Соотношение с суммой ПМ трудоспособного населения и детей	0,9	0,8	0,8	0,8	0,8	0,8	0,8	0,8
Размер ежемесячного пособия по уходу за ребёнком до поступления в детский сад, обеспечивающий «нормальный уровень жизни»	52 521	50 700	49 650	50 502	50 634	48 613	50 576	50 605
Соотношение с ПМ	2,9	2,8	2,8	2,8	2,8	2,7	2,8	2,8
Соотношение с суммой ПМ трудоспособного населения и детей	1,4	1,4	1,3	1,4	1,4	1,3	1,4	1,4

играет распространение актуального знания о закономерностях и факторах рождаемости и воспроизводства населения. В связи с этим важно продолжать развитие демографического образования [11],

привлекать работодателей к созданию обстановки поддержки и уважения к сотрудникам с детьми, вниманию к их здоровью [12], формировать у молодёжи просемейные установки и ценности [13, 14].

ЛИТЕРАТУРА

1. Савдерова А.Ф. Демографическая политика региона и её эффективность // Вестник ЧГУ. 2010. № 1.
2. Яковлева Е.Н., Крюкова И.В. Методические подходы к оценке результативности и эффективности региональной социальной и демографической политики: теоретический аспект //

- Известия высших учебных заведений. Серия «Экономика, финансы и управление производством». 2021. № 1 (47). С. 114–124. DOI: 10.6060/ivcofin.20214701.524.
3. Гончарова Н.П., Ерёмин А.А., Тарасова Е.В. Демографическая динамика и оценка результативности демографической политики в регионах России // *Economic Consultant*. 2019. № 3 (27). С. 101–108.
 4. Черепанова А.В. Оценка демографической политики в рамках механизма обеспечения эффективного развития региона // *Экономика региона*. 2009. № 4. С. 219–224.
 5. Рязанцев С.В., Мирязов Т.Р. Демографическое благополучие: теоретические подходы к определению и методика оценки // *ДЕМИС, Демографические исследования*. 2021. Т. 1. № 4. С. 5–19. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2021.1.4.1>.
 6. Мельникова Т.А. Показатели эффективности мер демографической политики Российской Федерации // *Государственная служба*. 2015. № 1 (93). С. 84–87.
 7. Зверева Н.В., Архангельский В.Н. Предварительные итоги и перспективы современной политики в области рождаемости // *Федерализм*. 2010. № 2 (58). С. 69–84.
 8. Калачикова О.Н., Шабунова А.А. О причинах роста рождаемости населения в период активизации демографической политики России (на примере Вологодской области) // *Проблемы прогнозирования*. 2013. № 5 (140). С. 129–136.
 9. Ростовская Т.К., Золотарева О.А., Князькова Е.А. Образ благополучной семьи глазами жителей российских регионов: социологический анализ // *Социальное пространство*. 2021. Т. 7. № 4. DOI: 10.15838/sa.2021.4.31.2 URL: <http://socialarea-journal.ru/article/29066>.
 10. Багирова А.П., Абилова М.Г. Родительский труд и репродуктивная активность: социально-экономический анализ. Челябинск: ИЦ ЮУрГУ, 2013.
 11. Ростовская Т.К., Шабунова А.А., Давлетшина Л.А. Демографическое образование в современной России: противоречия потребностей и возможностей // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2022. Т. 15. № 2. С. 55–72. DOI: 10.15838/esc.2022.2.80.4.
 12. Ростовская Т.К., Шабунова А.А., Багирова А.П. Концепция корпоративной демографической политики российских организаций в контексте социальной ответственности бизнеса // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2021. Т. 14. № 5. С. 151–164. DOI: 10.15838/esc.2021.5.77.9.
 13. Ростовская Т.К. Благополучие глазами молодых супругов: анализ экспертных интервью // *Человеческий капитал*. 2022. № 5. 143–148.
 14. Ростовская Т.К., Калачикова О.Н. Ценность первого зарегистрированного брака как детерминанта благополучной молодой семьи: социологический анализ // *Logos et Praxis*. 2022. Т. 21. № 1. С. 54–65. DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2022.1.6>.

Effectiveness of Russia's Demographic Policy in Increasing Fertility

Kalachikova Olga Nikolaevna — Candidate of Economic Sciences, Leading Research Fellow, Deputy Director for Research, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences.
E-mail: onk82@yandex.ru

The article examines trends in fertility and population reproduction and demonstrates the contribution of demographic policy to the increase in fertility in the early 2000s. Attention to family issues and the launch of national projects supported the emerging growth in fertility, which was driven by a structural factor (an increase in the number of women of reproductive age). However, the exhaustion of the potential of postponed births led to a decline in fertility indicators in 2016. By calculating the hypothetical minimum of natural fertility, the article shows the horizon of possible fertility growth and proves the leading role of intra-family limitation of the number of chil-

dren in the realization of the hypothetical level of natural fertility. The hypothesis is substantiated that the social norm of small families has become entrenched as a compromise between the reproductive and economic functions of the family under conditions of increasing requirements for the standard of living, on the one hand, and for the quality of human potential, on the other.

Keywords: demographic policy, population fertility, population preservation

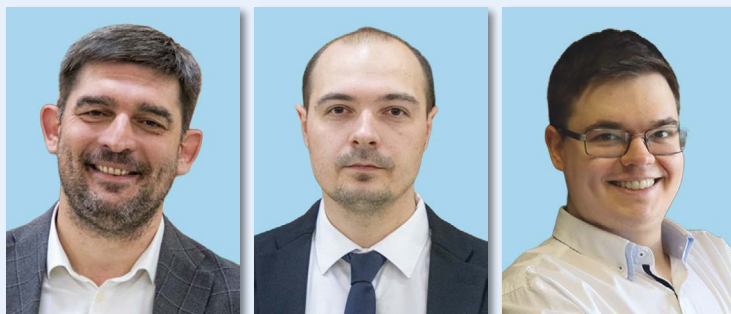
REFERENCES

1. Savderova A.F. Demograficheskaya politika regiona i eyo effektivnost' // Vestnik CHGU. 2010. № 1 (in Russian).
2. Yakovleva E.N., Kryukova I.V. Metodicheskie podkhody k otsenke rezul'tativnosti i effektivnosti regional'noi sotsial'noi i demograficheskoi politiki: teoreticheskii aspekt // Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Seriya «Ekonomika, finansy i upravlenie proizvodstvom». 2021. № 1 (47). S. 114–124. DOI: 10.6060/ivecofin.20214701.524 (in Russian).
3. Goncharova N.P., Eryomin A.A., Tarasova E.V. Demograficheskaya dinamika i otsenka rezul'tativnosti demograficheskoi politiki v regionakh Rossii // Economic Consultant. 2019. № 3 (27). S. 101–108 (in Russian).
4. Cherepanova A.V. Otsenka demograficheskoi politiki v ramkakh mekhanizma obespecheniya effektivnogo razvitiya regiona // Ekonomika regiona. 2009. № 4. S. 219–224 (in Russian).
5. Ryazantsev S.V., Miryazov T.R. Demograficheskoe blagopoluchie: teoreticheskie podkhody k opredeleniyu i metodika otsenki // DEMIS, Demograficheskie issledovaniya. 2021. T. 1. № 4. S. 5–19. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2021.1.4.1> (in Russian).
6. Mel'nikova T.A. Pokazateli effektivnosti mer demograficheskoi politiki Rossiiskoi Federatsii // Gosudarstvennaya sluzhba. 2015. № 1 (93). S. 84–87 (in Russian).
7. Zvereva N.V., Arkhangel'skii V.N. Predvaritel'nye itogi i perspektivy sovremennoi politiki v oblasti rozhdaemosti // Federalizm. 2010. № 2 (58). S. 69–84 (in Russian).
8. Kalachikova O.N., Shabunova A.A. O prichinakh rosta rozhdaemosti naseleniya v period aktivizatsii demograficheskoi politiki Rossii (na primere Vologodskoi oblasti) // Problemy prognozirovaniya. 2013. № 5 (140). S. 129–136 (in Russian).
9. Rostovskaya T.K., Zolotareva O.A., Knyaz'kova E.A. Obraz blagopoluchnoi sem'i glazami zhitelei rossiiskikh regionov: sotsiologicheskii analiz // Sotsial'noe prostranstvo. 2021. T. 7. № 4. DOI: 10.15838/sa.2021.4.31.2 URL: <http://socialarea-journal.ru/article/29066> (in Russian).
10. Bagirova A.P., Abilova M.G. Roditel'skii trud i reproduktivnaya aktivnost': sotsial'no-ekonomicheskii analiz. Chelyabinsk: ITS YUUrGU, 2013 (in Russian).
11. Rostovskaya T.K., Shabunova A.A., Davletshina L.A. Demograficheskoe obrazovanie v sovremennoi Rossii: protivorechiya potrebnosti i vozmozhnosti // Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz. 2022. T. 15. № 2. S. 55–72. DOI: 10.15838/esc.2022.2.80.4 (in Russian).
12. Rostovskaya T.K., Shabunova A.A., Bagirova A.P. Kontseptsiya korporativnoi demograficheskoi politiki rossiiskikh organizatsii v kontekste sotsial'noi otvetstvennosti biznesa // Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz. 2021. T. 14. № 5. S. 151–164. DOI: 10.15838/esc.2021.5.77.9 (in Russian).
13. Rostovskaya T.K. Blagopoluchie glazami molodykh suprugov: analiz ekspertnykh interv'yu // Chelovecheskii kapital. 2022. № 5. 143–148 (in Russian).
14. Rostovskaya T.K., Kalachikova O.N. Tsennost' pervogo zaregistrovannogo braka kak determinanta blagopoluchnoi molodoi sem'i: sotsiologicheskii analiz // Logos et Praxis. 2022. T. 21. № 1. S. 54–65. DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2022.1.6> (in Russian).

Индекс УДК 314.15

Код ГРНТИ 05.11.69

DOI: 10.22204/2587-8956-2026-125-02-141-151

**С.В. ЧУЕВ,
М.Б. ПОЛЯКОВ,
А.М. СИТКОВСКИЙ***

Цифровая трансформация молодёжной политики в контексте демографического развития России**

В статье анализируется влияние цифровой трансформации на стратегические приоритеты и механизмы реализации государственной молодёжной политики в Российской Федерации в контексте демографического развития. Актуальность исследования обусловлена не только противоречием между активным развитием государственных цифровых платформ (порталы «ДОБРО.РФ», ФГАИС «Молодёжь России», сервис «Навигатор возможностей») и реальными цифровыми практиками молодого поколения, предпочитающего независимые каналы коммуникации, но и сокращением демографического веса молодёжи: по расчётам авторов, доля населения России в возрасте 0–35 лет уменьшилась с 55,0% в 1990 г. до 40,7% в 2025 г. Эмпирическую основу исследования составили данные всероссийского социологического опроса (1841 респондент), проведённого в период с ноября 2024 г. по февраль 2025 г., а также анализ нормативно-правовых актов и отчётов федеральных органов исполнительной власти. Выявлено доминирование независимых цифровых каналов (интернет-СМИ — 49,34%, Telegram-каналы — 42,81%, социальные сети — 37,86%) над официальными ведомственными ресурсами. Показано, что цифровая среда выступает значимым контекстом формирования демографических установок молодёжи в сферах семейного поведения, миграционной мобильности и жизненного самоопределения. Обоснована необходимость перехода от экстенсивной модели создания изолированных порталов к стратегии интеграции государственных сервисов в популярные цифровые среды с использованием технологий искусственного интеллекта для персонализации контента и адресной поддержки молодых семей, образовательной и трудовой мобильности.

* **Чуев Сергей Владимирович** — кандидат исторических наук, заведующий кафедрой государственного и муниципального управления, советник при ректорате Государственного университета управления (ГУУ).

E-mail: sv_chuev@mail.ru

Поляков Михаил Борисович — директор Центра общественных проектов ГУУ.

E-mail: polyakov-mb@mail.ru

Ситковский Арсений Михайлович — младший научный сотрудник Института социальной демографии ФНИСЦ РАН и Российского университета дружбы народов.

E-mail: omnistat@yandex.ru

** Исследование проведено авторским коллективом Государственного университета управления при поддержке Российского научного фонда в рамках реализации научного проекта № 24-18-00722 на выполнение научно-исследовательской работы на тему «Социально-экономическая и политико-административная трансформация современного Юга России. “Новые” и “старые” регионы: сравнительный исторический анализ и перспективы развития».

Ключевые слова: молодёжная политика, цифровизация, демографическое развитие, ресурсы демографического развития, демографические установки молодёжи, государственные порталы, социальные сети, искусственный интеллект

Сегодня цифровизация выступает центральным драйвером обновления подходов к реализации молодёжной политики в России. Активное внедрение информационно-коммуникационных технологий фундаментально трансформирует способы вовлечения молодого поколения в общественную жизнь, постепенно вытесняя традиционные вещательные каналы в пользу онлайн-платформ. Эмпирические замеры подтверждают этот тренд: около 65% российской молодёжи ориентируются преимущественно на сетевые источники при поиске общественно-политических новостей, что свидетельствует о сложившемся сдвиге в моделях медиапотребления [1]. В демографическом измерении это означает необходимость рассматривать молодёжь не только как адресата управленческих воздействий, но и как ключевую социально-демографическую группу, в которой концентрируются решения о браке, рождении детей, миграционной мобильности и накоплении человеческого капитала. По расчётам авторов на основе данных ЕМИСС, доля населения России в возрасте 0–35 лет сократилась с 55,0% на 1 января 1990 г. до 40,7% на 1 января 2025 г., что свидетельствует о сужении демографического окна возможностей [2] и повышает значимость эффективной коммуникации государства с молодёжью.

В ответ на эти вызовы государство сформировало разветвлённую цифро-

вую инфраструктуру. Среди ключевых элементов — экосистема «ДОБРО.РФ», объединяющая свыше 6 млн участников, ФГАИС «Молодёжь России» с аудиторией в 2,5 млн человек, а также сервис «Навигатор возможностей», интегрированный в портал Госуслуг¹. Тем не менее количественный рост платформ не всегда коррелирует с качеством вовлечения. На практике фиксируется заметный диссонанс между предложенными государственными инструментами и реальными привычками молодой аудитории. Приоритеты в потреблении контента распределены иначе: лидируют независимые интернет-СМИ (49,34%), следом идут новостные каналы в Telegram (42,81%) и ленты соцсетей (37,86%)². Прямое обращение к ведомственным ресурсам в этой иерархии занимает подчинённое положение. Выявленное несоответствие диктует потребность в корректировке курсов цифровизации: вместо наращивания изолированных порталов требуется гибкая адаптация государственных сервисов под уже устоявшиеся цифровые сценарии поведения молодёжи.

Степень научной разработанности проблемы

Проблематика интеграции цифровых технологий в архитектуру молодёжной политики выступает предметом пристального внимания современного научного сообщества. Системный анализ динамики

¹ Распоряжение Правительства РФ от 17.08.2024 № 2233-р «Об утверждении Стратегии реализации молодёжной политики в Российской Федерации на период до 2030 года» / КонсультантПлюс URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_484654/ (дата обращения: 26.03.2026).

² Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2024626196 Российская Федерация. Ценностные ориентации российской молодёжи (результаты исследования за 2024 год): № 2024625949; заявл. 03.12.2024; опубл. 20.12.2024 / С.В. Чуев, М.Б. Поляков, С.А. Гришаева, Н.Н. Пушкарёва; заявитель Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Государственный университет управления». — EDN TTFGGF.

цифровизации и её трансформирующего воздействия на институциональное управление представлен в трудах А.И. Величко и О.А. Судоргина. Авторы акцентируют необходимость перманентной институциональной адаптации, обусловленной эволюцией моделей цифрового взаимодействия [1]. Вопросы влияния цифровых платформ на аксиосферу молодёжи и вызовы цифрового неравенства рассматриваются в работах А.Н. Ким-Кимэн и П.В. Капралова, которые обосновывают императив модернизации политических механизмов для сохранения их эффективности в новых реалиях [3].

Особое направление в научной повестке сегодня формируют технологические аспекты. К примеру, коллектив под руководством К.Е. Стребковой исследует, насколько эффективно искусственный интеллект способен выступать в роли инструмента для стратегического наблюдения и повышения вовлечённости [4]. Авторы, однако, акцентируют внимание и на обратной стороне вопроса — этических сложностях и методологических уязвимостях таких решений. Что касается сферы образования, здесь А.М. Эдиев совместно с О.В. Диривянкиной обосновывают необходимость выстраивать чёткие методические опоры для воспитательной работы в условиях, когда среда вуза становится гибридной и перенасыщенной информацией [5]. Параллельно Е.Н. Малик развивает мысль о том, что современные сетевые медиа уже превратились в главный институт политической социализации: по сути, именно они формируют ту виртуальную реальность, в которой существуют молодые поколения [6].

При всей обширности накопленного научного материала, всё ещё слабо изученным остаётся один существенный разрыв. Речь идёт о несоответствии между развитой государственной цифровой инфраструктурой и тем, что молодёжь устойчиво выбирает для общения неофициальные каналы. На передний план здесь выходит анализ того, как именно молодые

люди используют инструменты цифровой автономии — от VPN до AI-помощников — и как это влияет на то, насколько они готовы воспринимать официальные государственные нарративы.

В современной демографической литературе цифровая социокультурная среда всё чаще рассматривается как экосистема демографического выбора [7; 8], а молодёжные когорты — как носители ресурсов демографического развития территорий [9]. Соответственно, анализ разрыва между официальной цифровой инфраструктурой и реальными практиками медиапотребления молодёжи имеет значение не только для оценки эффективности коммуникации, но и для понимания того, в каких средах формируются установки в сфере семьи, родительства и миграционной мобильности.

Проблематика и цель исследования

Научная проблема исследования обусловлена наличием противоречия между интенсивным развитием государственных цифровых платформ, предназначенных для реализации молодёжной политики, и реальными цифровыми практиками молодого поколения. Современная молодёжь демонстрирует склонность к использованию независимых каналов коммуникации и инструментов обхода информационных ограничений, что ставит под сомнение эффективность традиционных моделей цифровизации и актуализирует задачу поиска новых форматов взаимодействия.

Целями настоящей статьи являются комплексный анализ эффективности существующих цифровых инструментов молодёжной политики, а также разработка научно обоснованных рекомендаций по интеграции государственных сервисов в доминирующие цифровые среды на основе эмпирических данных. В демографической перспективе речь идёт о повышении способности государственных сервисов сопровождать жизненные тра-

ектории молодёжи в наиболее значимый для воспроизводства населения период перехода к взрослости.

Методы исследования

Для реализации поставленной цели применён комплекс общенаучных и частно-научных методов. Теоретико-методологический фундамент исследования составили принципы системного подхода и контент-анализ документальных источников, включающий нормативно-правовые акты и отчётные материалы федеральных органов исполнительной власти.

В основу работы легли материалы общероссийского опроса молодёжи, проведённого авторами в период с ноября 2024-го по февраль 2025-го г. Всего был опрошен 1841 человек в возрасте от 14 до 35 лет. Полученные данные позволяют проследить региональные и возрастные особенности цифрового вовлечения — срез сделан как по федеральным округам, так и по возрастным группам. В процессе анализа использовались методы статистической обработки, сравнительный анализ того, насколько активно молодые люди обращаются к разным информационным каналам, а также гипотетико-дедуктивный подход, позволивший выявить корреляции между источниками информации и участием респондентов в волонтерской деятельности. Хотя инструментарий опроса не включал прямых показателей брачности, рождаемости и миграционных намерений, он позволяет оценить информационную среду, в которой формируются соответствующие установки молодёжи как социально-демографической группы.

Результаты исследования и их обсуждение

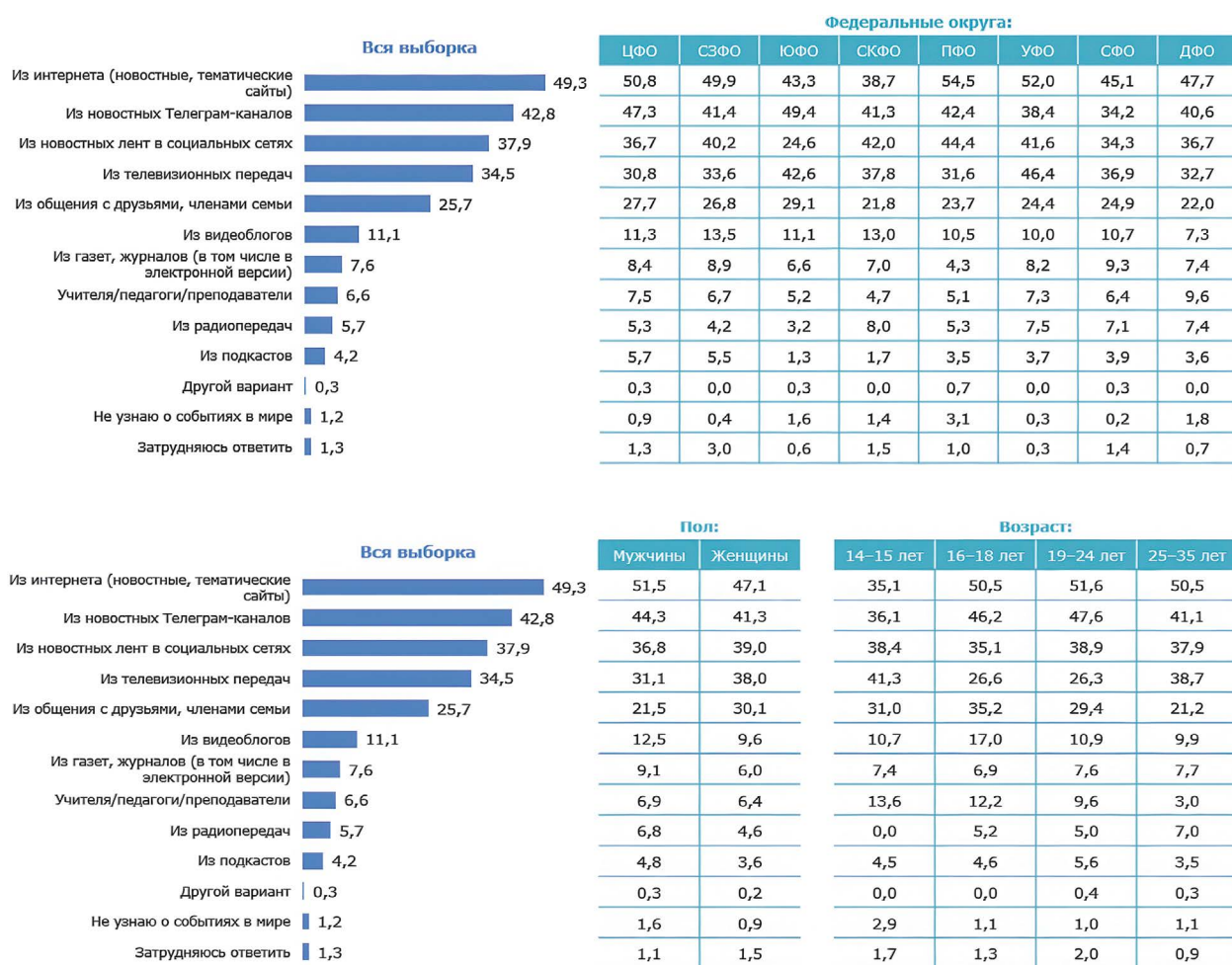
Материалы всероссийского опроса (проведённого авторским коллективом

с ноября 2024 г. по февраль 2025 г.) подтверждают исходную гипотезу: между развитой государственной цифровой инфраструктурой и тем, как молодёжь реально потребляет информацию, существует заметный разрыв. Обработка данных об источниках, откуда молодые люди получают общественно-политическую повестку (ил. 1)¹, показывает явное лидерство независимых цифровых каналов. Так, интернет-СМИ регулярно используют 49,34% опрошенных, новостные Telegram-каналы привлекают 42,81%, а ленты соцсетей — 37,86% респондентов. Эти данные коррелируют с выводами А.И. Величко и О.А. Судоргина, отмечающих, что примерно 65% молодых граждан России преимущественно используют интернет-источники новостей, что фиксирует выраженный переход от традиционных вещательных моделей к цифровым платформам. При этом традиционные СМИ (телевидение, радио, печатная пресса) суммарно охватывают значительно меньшую долю аудитории, что подтверждает снижение их влияния на процессы политической социализации молодого поколения.

На федеральном уровне функционирует разветвлённая сеть специализированных порталов: единая информационная система «ДОБРО.РФ» (более 6 млн зарегистрированных пользователей), федеральная государственная автоматизированная информационная система «Молодёжь России» (2,5 млн пользователей), сервис «Навигатор возможностей» на базе портала «Госуслуги», а также отраслевые ресурсы Минкультуры России, Минобрнауки России, МЧС России, Минздрава России и других ведомств.

Количественные метрики регистрации пользователей фиксируют формальную результативность процессов цифровизации: в период 2022–2024 гг. выявлены

¹ Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2024626196 Российская Федерация. Ценностные ориентации российской молодёжи (результаты исследования за 2024 год): № 2024625949; заявл. 03.12.2024; опубл. 20.12.2024 / С.В. Чуев, М.Б. Поляков, С.А. Гришаева, Н.Н. Пушкарёва; заявитель Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Государственный университет управления». – EDN TTFGGE.

Ил. 1. Результаты опроса молодёжи по вопросу

«Из каких источников вы в первую очередь узнаете информацию о том, что происходит в мире?»
(% от общего количества респондентов), множественный выбор

устойчивая динамика роста учётных записей, расширение функциональных возможностей платформ и постепенная интеграция разрозненных сервисов в единое цифровое пространство¹. Тем не менее корреляционный анализ инфраструктурных показателей с эмпирическими данными опроса молодёжи обнаруживает выраженный дисбаланс между государственным предложением цифровых инструментов и фактическими моделями их освоения целевой аудиторией.

Анализ визуализированных данных (ил. 1) позволяет констатировать доми-

нирование независимых цифровых платформ в структуре медиапотребления. При этом прямое обращение пользователей к профильным ведомственным ресурсам, несмотря на их информационную и функциональную полноту, уступает по популярности мессенджерам и новостным агрегаторам. Данная диспропорция находит отражение и в региональной динамике соотношения позитивных и негативных оценок (см. ил. 1): разброс показателей от 38,7% в Северо-Кавказском федеральном округе до 54,5% в Приволжском федеральном округе указывает не только

¹ Распоряжение Правительства РФ от 17.08.2024 № 2233-р «Об утверждении Стратегии реализации молодёжной политики в Российской Федерации на период до 2030 года» / КонсультантПлюс URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_484654/ (дата обращения: 26.03.2026).

на территориальную неоднородность цифрового вовлечения, но и на ограниченную эффективность унифицированных государственных цифровых решений в условиях разнообразия локальных медиапредпочтений.

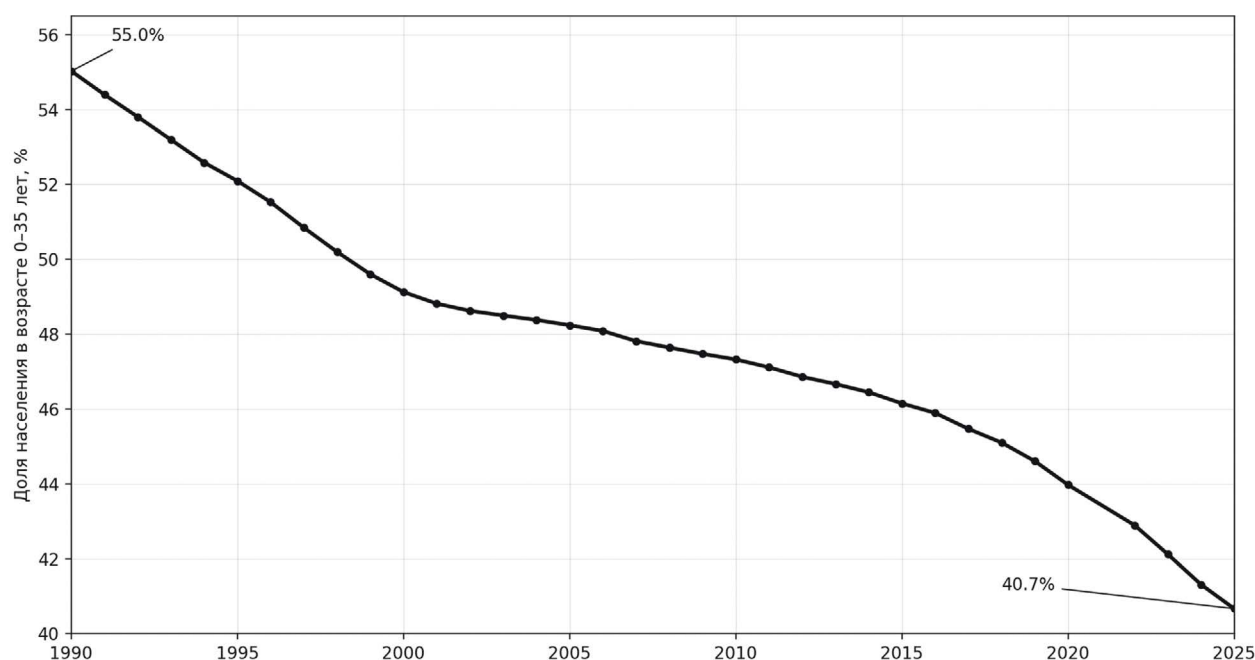
Если посмотреть на распределение по возрастам (здесь выделены группы 14–15, 16–18, 19–24 и 25–35 лет), данные подтверждают: по мере взросления респондентов их предпочтения закономерно меняются (ил. 1). В самой младшей группе — 14–15 лет — заметна высокая доля тех, кто затруднился с ответом либо в целом демонстрирует невысокую цифровую активность. А вот категория 25–35 лет показывает уже более устойчивые модели поведения: молодёжь в этом возрасте активнее пользуется специализированными сервисами, но даже здесь агрегаторы информации явно перевешивают прямое обращение к ведомственным ресурсам. С демографической точки зрения именно старшие молодёжные когорты 25–35 лет имеют особое значение, поскольку на этом этапе жизненного цикла принимаются решения о профессиональном закреплении, создании семьи и переходе к родительству. Следовательно, даже более устойчивое обращение этой группы к специализированным сервисам не отменяет проблемы: официальные ресурсы пока недостаточно встроены в те цифровые среды, где формируются демографически значимые жизненные стратегии.

Причины выявленного разночтения носят многофакторный характер. Во-первых, государственные порталы зачастую проектируются по принципу «от ведомства к пользователю», что приводит к избыточной бюрократизации интерфейсов, сложной навигации и низкому уровню персонализации контента. Во-вторых, молодёжь как наиболее мобильная и технологически адаптированная социальная группа предпочитает среду с высокой скоростью обновления информации, интерактивными форматами и алгоритмической подачей

контента — характеристиками, которые в полной мере реализованы в социальных сетях и мессенджерах, но лишь фрагментарно присутствуют на официальных ресурсах. В-третьих, использование инструментов цифровой автономии и обхода ограничений (VPN, ИИ-ассистенты, альтернативные клиенты социальных сетей) формирует у молодых пользователей «информационные пузыри», снижающие восприимчивость к нарративам, размещённым на изолированных государственных платформах.

Вместе с тем полностью отрицать востребованность государственной цифровой инфраструктуры было бы методологически некорректно. Данные по возрастным группам показывают, что среди респондентов 25–35 лет наблюдается более устойчивое использование специализированных сервисов для решения конкретных задач: поиск грантовой поддержки, регистрация в волонтёрских проектах, доступ к образовательным программам. Это свидетельствует о том, что государственные платформы выполняют важную функцию «инструментального ресурса»: они востребованы тогда, когда пользователь имеет чёткую прагматическую цель. Однако для формирования лояльности и регулярного вовлечения недостаточно исключительно утилитарного функционала: требуется интеграция эмоциональных, коммуникативных и идентификационных компонентов, которые в настоящее время в большей степени представлены в независимых цифровых средах. В демографической плоскости это означает необходимость интеграции в привычные молодёжные платформы сервисов, связанных с поддержкой молодых семей, жилищными программами, образовательной и трудовой мобильностью, а также информированием о мерах, влияющих на устойчивость семейных и репродуктивных планов.

Дополнительное демографическое измерение выявленных процессов представ-

Ил. 2. Динамика доли населения России в возрасте 0–35 лет на 1 января 1990–2025 гг., %

лено на ил. 2¹. Расчёты авторов по доступному сопоставимому ряду за 1990–2020 и 2022–2025 гг. показывают устойчивое сокращение доли населения в возрасте 0–35 лет: с 55,0% в 1990 г. до 40,7% — в 2025 г. Иначе говоря, государственная молодёжная политика реализуется в условиях количественного сжатия самой молодёжной когорты, что объективно повышает значимость адресных цифровых инструментов сопровождения образовательных, трудовых, брачно-семейных и миграционных траекторий молодых поколений.

В этом контексте перспективным представляется внедрение технологий искусственного интеллекта для оптимизации процессов вовлечения. Согласно исследованиям К.Е. Стребковой и соавторов, ИИ способен обеспечить персонализацию образовательных и социальных инициатив, а также прогнозирование угроз и долгосрочных трендов. Интеграция ИИ-алгоритмов в популярные среды

(боты в мессенджерах, алгоритмические ленты) может стать решением проблемы низкого трафика на официальные порталы. Например, использование нейросетей для анализа больших данных позволяет выявлять латентные закономерности в социальных настроениях и сегментировать аудиторию для точечной доставки контента, что согласуется с задачей повышения вариативности выбора образовательной и гражданской траекторий для молодёжи [4].

Перспективным направлением гармонизации государственного предложения и молодёжного спроса представляется стратегия «цифровой инфильтрации», т.е. размещение контента и сервисов государственных программ в уже популярных у молодёжи цифровых экосистемах (в том числе вновь создаваемых и продвигаемых на федеральном уровне государством — MAX, RuTube и др.). Интеграция ИИ-алгоритмов в популярные среды (боты в мессенджерах, алгоритмические

¹ Численность постоянного населения — мужчин по возрасту на 1 января; Численность постоянного населения — женщин по возрасту на 1 января / Витрина статистических данных Росстата. — URL: <https://showdata.gks.ru/report/278936/>; <https://showdata.gks.ru/report/278938/> (дата обращения: 28.08.2025).

ленты, чат-боты на базе больших языковых моделей) может стать эффективным решением проблемы низкого трафика на официальные порталы. Например, использование нейросетей для анализа больших данных позволяет выявлять латентные закономерности в социальных настроениях и сегментировать аудиторию для точечной доставки релевантного контента.

Наряду с очевидными преимуществами цифровизация молодёжной политики сопряжена с рядом методологических и этических вызовов. Применение технологий искусственного интеллекта ограничивается проблемами репрезентативности обучающих выборок и риском алгоритмической предвзятости, что при неконтролируемом внедрении способно исказить приоритеты государственной политики. Дополнительным фактором риска выступает углубление цифрового неравенства: доступ к продвинутым сервисам и инструментам аналитики могут получить лишь отдельные социальные группы, что приведёт к стратификации молодёжной аудитории. В связи с этим императивом становится разработка этических стандартов и механизмов верификации, обеспечивающих защиту персональных данных и соблюдение прав граждан в цифровой среде [4].

Заключение

Проведённое исследование позволяет констатировать, что цифровая трансформация оказала фундаментальное влияние не только на операционные процедуры, но и на стратегические приоритеты молодёжной политики в Российской Федерации. Ключевой проблемой остаётся выявленное противоречие между активным развитием государственных цифровых платформ и реальными практиками медиапотребления молодого поколения, которое демонстрирует устойчивое предпочтение независимых каналов коммуникации. Результаты эмпирического исследования свидетельствуют: несмотря на активные усилия государства по построению ком-

плексной цифровой экосистемы, ключевыми каналами получения информации для молодёжной аудитории по-прежнему выступают независимые онлайн-платформы, новостные каналы в мессенджерах (прежде всего Telegram) и персонализированные ленты социальных сетей (см. ил. 1).

На основе системного сопоставления фактических данных и анализа нормативно-правового контекста представляется возможным выделить пять принципиальных положений.

1. *Трансформация коммуникационных подходов.* Эффективность вовлечения молодёжи в государственные инициативы и волонтёрские практики напрямую коррелирует со степенью адаптации цифровых инструментов под реальные паттерны медиапотребления. В настоящее время безусловное лидерство удерживают интернет-СМИ и мессенджеры, в то время как традиционные медиаформаты и узкоспециализированные ведомственные ресурсы оказывают значительно меньшее влияние на целевую аудиторию.
2. *Приоритет интеграции над изоляцией.* Повышение результативности молодёжной политики целесообразно обеспечивать не через создание новых автономных порталов, а посредством органичного встраивания государственных сервисов и информационного контента в уже освоенные молодёжью цифровые среды. К числу перспективных направлений относятся разработка чат-ботов для мессенджеров, адаптация контента под алгоритмические рекомендации социальных платформ, применение инструментов искусственного интеллекта для индивидуализации коммуникационных предложений. В числе таких сервисов особое место должны занять цифровые решения, связанные с сопровождением молодых семей, доступом к мерам поддержки, образовательным и трудовым траекториям.
3. *Учёт региональной и возрастной специфики.* Уровень цифрового вовлечения

характеризуется выраженной неравномерностью: в разрезе федеральных округов доля позитивных оценок варьируется от 38,7% (СКФО) до 54,5% (ПФО), а между возрастными когортами 14–15 и 25–35 лет наблюдаются статистически значимые различия в поведенческих моделях. Данный контекст обуславливает необходимость гибкой настройки цифровых решений с учётом как макро-региональных, так и демографических особенностей аудитории.

4. *Двойственная природа искусственного интеллекта.* Технологии ИИ предоставляют существенные возможности для выявления уязвимостей молодёжной среды, ускорения институциональных трансформаций и повышения качества гражданского участия. Вместе с тем их имплементация требует сопровождения комплексными механизмами минимизации этических рисков, обеспечения защиты персональных данных и предотвращения алгоритмической предвзятости.
5. *Баланс инфраструктурного развития и пользовательского комфорта.* В сфере формирования государственной информационной инфраструктуры зафиксированы ощутимые количественные достижения, однако качественные диспропорции сохраняются. Для преодоления данного разрыва необходим стратегический сдвиг: от экс-

тенсивного наращивания числа изолированных порталов — к интенсивной модели, ориентированной на бесшовную интеграцию государственных сервисов в повседневные цифровые практики молодёжной аудитории.

Таким образом, вектор развития молодёжной политики в России целесообразно выстраивать на основе научно обоснованной стратегии технологической адаптации, этичного цифрового управления и активного включения молодых граждан через привычные для них цифровые интерфейсы. Сегодня цифровая среда выступает уже не просто фоном, а одним из ключевых факторов, задающих направление молодёжной политике. Понимание того, как именно технологии и вовлечённость молодёжи связаны между собой, становится принципиальной задачей для устойчивого социально-политического развития страны. Реализация предложенных рекомендаций позволит сблизить государственное предложение и реальный молодёжный спрос, преодолев выявленный диссонанс и повысив эффективность реализации Стратегии молодёжной политики в Российской Федерации на период до 2030 г. С учётом сокращения удельного веса молодёжи в возрастной структуре населения цифровая молодёжная политика должна рассматриваться как часть более широкой системы управления ресурсами демографического развития России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Величко А.И. Динамика изменений цифровых технологий молодёжной политики / А.И. Величко, О.А. Судоргин // Управление. 2025. Т. 13. № 2. С. 90–100. DOI: 10.26425/2309-3633-2025-13-2-90-100.
2. Архангельский В.Н. Демографический потенциал половозрастной структуры как фактор динамики численности населения / В.Н. Архангельский, Ю.В. Зинькина, С.Г. Шульгин // Статистика и экономика. 2018. Т. 15. № 6. С. 69–79. DOI: 10.21686/2500-3925-2018-6-69-79.
3. Ким-Кимэн А.Н. Роль цифровизации в формировании ориентиров молодёжной политики / А.Н. Ким-Кимэн, П.В. Капралов // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Серия: История. Политология. Право. 2024. № 3 (35). С. 76–81. DOI: 10.25587/2587-5612-2024-3-76-81.
4. Стребкова К.Е. Технологии искусственного интеллекта как инновационный инструмент реализации государственной молодёжной политики РФ: стратегии, механизмы и практики /

- К.Е. Стребкова, Д.А. Мальцева, Д.А. Федотов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2025. Т. 27. № 3. С. 590–605. DOI: 10.22363/2313-1438-2025-27-3-590-605.
5. Эдиев А.М. Теоретические основания организации воспитательной деятельности вуза с применением цифровых технологий в условиях гибридной образовательной среды / А.М. Эдиев, О.В. Диривянкина // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Педагогика и психология. 2024. № 4 (348). С. 65–69. DOI: 10.53598/2410-3004-2024-4-348-65-69.
6. Малик Е.Н. Влияние сетевых СМИ на социализацию и социально-политическую активность молодёжи в цифровую эпоху // Социальная политика и социальное партнёрство. 2021. № 2. С. 109–113. DOI: 10.33920/pol-01-2102-02.
7. Гомозова Е.В. Трансформация демографических установок молодёжи в медиапространстве: теоретико-концептуальный анализ // Гуманитарий Юга России. 2025. Т. 14. № 5. С. 127–139. DOI: 10.18522/2227-8656.2025.5.9.
8. Гомозова Е.В. Цифровая социокультурная среда как экосистема демографического выбора: методологический аспект // Социология и право. 2025. Т. 17. № 3. С. 376–385. DOI: 10.35854/2219-6242-2022-3-376-385.
9. Нечаева С.В. Молодёжь как ресурс развития российских регионов: государственные и корпоративные стратегии / С.В. Нечаева, Д.В. Богданова, А.М. Ситковский // Социум и власть. 2025. Т. 22. № 4. С. 122–138. EDN OQGCHU.

Digital Transformation of Youth Policy in the Context of Russia's Demographic Development

Chuev Sergey Vladimirovich — Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of State and Municipal Administration, Adviser to the Rector's Office, State University of Management (SUM).
E-mail: sv_chuev@mail.ru

Polyakov Mikhail Borisovich — Director of the Center for Public Projects, SUM.
E-mail: polyakov-mb@mail.ru

Sitkovsky Arseny Mikhailovich — Junior Research Fellow, Institute for Social Demography, FCTAS RAS, and RUDN University.
E-mail: omnistat@yandex.ru

The article analyzes the influence of digital transformation on the strategic priorities and implementation mechanisms of state youth policy in the Russian Federation in the context of demographic development. The relevance of the study is determined not only by the contradiction between the active development of state digital platforms (the DOBRO.RF portal, the Federal State Automated Information System "Youth of Russia", and the "Navigator of Opportunities" service) and the actual digital practices of the younger generation, which prefers independent communication channels, but also by the declining demographic weight of youth: according to the authors' calculations, the share of Russia's population aged 0-35 decreased from 55.0% in 1990 to 40.7% in 2025. The empirical basis of the study consists of data from a nationwide sociological survey (1,841 respondents) conducted from November 2024 to February 2025, as well as an analysis of regulatory legal acts and reports of federal executive authorities. The dominance of independent digital channels (online media, 49.34%; Telegram channels, 42.81%; social networks, 37.86%) over official departmental resources is identified. The digital environment is shown to be a significant context for the formation of young people's demographic attitudes in the spheres of family behavior, migration mobility, and life self-determination. The article substantiates the need to move from an extensive model of creating isolated portals to a strategy of integrating state services into popular digital environments using artificial intelligence technologies to personalize content and provide targeted support for young families and for educational and labor mobility.

Keywords: youth policy, digitalization, demographic development, resources of demographic development, demographic attitudes of youth, state portals, social networks, artificial intelligence

REFERENCES

1. Velichko A.I. Dinamika izmenenii tsifrovyykh tekhnologii molodyozhnoi politiki / A.I. Velichko, O.A. Sudorgin // Upravlenie. 2025. T. 13. № 2. S. 90–100. DOI: 10.26425/2309-3633-2025-13-2-90-100 (in Russian).
2. Arkhangel'skii V.N. Demograficheskii potentsial polovozrastnoi struktury kak faktor dinamiki chislennosti naseleniya / V.N. Arkhangel'skii, Yu.V. Zin'kina, S.G. Shul'gin // Statistika i ekonomika. 2018. T. 15. № 6. S. 69–79. DOI: 10.21686/2500-3925-2018-6-69-79 (in Russian).
3. Kim-Kimen A.N. Rol' tsifrovizatsii v formirovanii orientirov molodyozhnoi politiki / A.N. Kim-Kimen, P.V. Kapralov // Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M.K. Ammosova. Seriya: Istorika. Politologiya. Pravo. 2024. № 3 (35). S. 76–81. DOI: 10.25587/2587-5612-2024-3-76-81 (in Russian).
4. Strebkova K.E. Tekhnologii iskusstvennogo intellekta kak innovatsionnyi instrument realizatsii gosudarstvennoi molodyozhnoi politiki RF: strategii, mekhanizmy i praktiki / K.E. Strebkova, D.A. Mal'tseva, D.A. Fedotov // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya. 2025. T. 27. № 3. S. 590–605. DOI: 10.22363/2313-1438-2025-27-3-590-605 (in Russian).
5. Ediev A.M. Teoreticheskie osnovaniya organizatsii vospitatel'noi deyatel'nosti vuza s primeneniem tsifrovyykh tekhnologii v usloviyakh gibridnoi obrazovatel'noi sredy / A.M. Ediev, O.V. Dirivyankina // Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika i psikhologiya. 2024. № 4 (348). S. 65–69. DOI: 10.53598/2410-3004-2024-4-348-65-69 (in Russian).
6. Malik E.N. Vliyanie setevykh SMI na sotsializatsiyu i sotsial'no-politicheskuyu aktivnost' molodyozhi v tsifrovuyu epokhu // Sotsial'naya politika i sotsial'noe partnyorstvo. 2021. № 2. S. 109–113. DOI: 10.33920/pol-01-2102-02 (in Russian).
7. Gomozova E.V. Transformatsiya demograficheskikh ustanovok molodyozhi v mediaprostranstve: teoretiko-kontseptual'nyi analiz // Gumanitarii Yuga Rossii. 2025. T. 14. № 5. S. 127–139. DOI: 10.18522/2227-8656.2025.5.9 (in Russian).
8. Gomozova E.V. Tsifrovaya sotsiokul'turnaya sreda kak ekosistema demograficheskogo vybora: metodologicheskii aspekt // Sotsiologiya i pravo. 2025. T. 17. № 3. S. 376–385. DOI: 10.35854/2219-6242-2022-3-376-385 (in Russian).
9. Nechaeva S.V. Molodyozh' kak resurs razvitiya rossiiskikh regionov: gosudarstvennye i korporativnye strategii / S.V. Nechaeva, D.V. Bogdanova, A.M. Sitkovskii // Sotsium i vlast'. 2025. T. 22. № 4. S. 122–138. EDN OQGCHU (in Russian).

Индекс УДК 314.04:658.114

Код ГРНТИ 05.01.11

DOI: 10.22204/2587-8956-2026-125-02-152-164

**А.С. ВАВИЛОВА,
А.П. БАГИРОВА***

Включение института бизнеса в решение государственных демографических задач в дискурсе теорий публичного управления**

В условиях перехода России к модели семейноцентричного общества возрастает потребность в институционализации участия бизнеса в реализации демографической повестки государства. Проблема исследования состоит в том, что, несмотря на активное развитие практик корпоративной демографической политики, теоретико-методологические основания включения бизнеса в решение государственных демографических задач остаются недостаточно разработанными. Авторы делают попытку рассмотреть легитимность включения корпоративного сектора в решение задач по наращиванию человеческого капитала через концепцию корпоративной гражданственности и соотнести её с современными теориями публичного управления.

На основе библиометрического анализа публикаций из базы Web of Science (SSCI) с применением наукометрического инструмента VOSviewer реконструируются структурное поле исследований феномена корпоративной гражданственности и его эволюция от нормативно-этических интерпретаций к эмпирическим моделям измерения эффектов и институционализации корпоративного участия в публичной политике. Выявлены семь тематических кластеров исследований, отражающих переход от концептуального осмысления к изучению управленческих механизмов, измерению бизнес-результатов и анализу репутационных эффектов от корпоративной гражданственности.

В рамках дискурса публичного управления показано, что ряд концепций (например, новый государственный менеджмент, Good Governance и концепция политических сетей) формируют основания для делегирования бизнесу части функций по реализации демографической политики при сохранении ведущей роли государства в формировании стратегической рамки. Обосновывается, что в демографической сфере корпора-

* **Вавилова Ася Сергеевна** — кандидат экономических наук, младший научный сотрудник Школы государственного управления и предпринимательства Института экономики и управления Уральского федерального университета, доцент кафедры корпоративного управления и финансов Новосибирского государственного университета экономики и управления.

E-mail: a.s.vavilova@edu.nsuem.ru

Багирова Анна Петровна — доктор экономических наук, профессор кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Уральского федерального университета.

E-mail: a.p.bagirova@urfu.ru

** Статья подготовлена за счёт гранта Российского научного фонда № 24-18-00854, <https://rscf.ru/project/24-18-00854/>.

тивная гражданственность может рассматриваться как механизм сетевого взаимодействия государства, бизнеса и общества, ориентированный на достижение общественно значимых целей в логике устойчивого развития общества.

Ключевые слова: демографическая политика, публичное управление, корпоративная социальная ответственность, корпоративная гражданственность, человеческий капитал, устойчивое развитие

В ответ на демографические вызовы в современной России обозначен курс на формирование семейно-центричного общества, в котором интересы семьи рассматриваются в качестве приоритетного ориентира для ключевых сфер общественной жизни. В экспертном аналитическом докладе «Совмещение карьеры и семьи — успех демографической и кадровой политики России» (Национальные проекты России) подчёркивается, что обновлённая демографическая политика опирается на «переход к семейноцентричному обществу, где интересы семьи — приоритет для всех сфер общества». Такой подход является элементом целенаправленной деятельности государства, направленной на сбережение человеческого капитала и наращивание кадрового потенциала для трансформирующихся рынка труда и экономики России¹.

Развитие в обществе семейноцентричной повестки вовлекает широкий круг заинтересованных: образовательные организации, средства массовой информации, религиозные институты, некоммерческий и коммерческий секторы. Участие корпоративного сектора в смягчении демографических проблем российских регионов — это относительно новое направление для российского общества [1, 2]. В последние годы наблюдается активное институциональное оформление данного процесса: введены ЭКГ-рейтинг (Экология. Кадры. Государство), оценивающий усилия работода-

телей в сфере поддержки семей работников, и КПД-рейтинг (Корпоративная поддержка демографии), фиксирующий вклад российских компаний в демографическое развитие. Российская трёхсторонняя комиссия по регулированию социально-трудовых отношений утвердила рекомендации для сторон социального партнёрства, направленные на разработку и реализацию корпоративной социальной политики по поддержке работников с семейными обязанностями. Десятки регионов приняли нормативные акты, стимулирующие ответственное ведение бизнеса, законы предусматривают финансовые, имущественные, организационные и имиджевые меры поддержки региональных компаний.

Указанные процессы отражают тенденцию постепенного делегирования государством части задач по реализации пронаталистской политики бизнесу как её новому актору. Включение предпринимательского сектора в реализацию демографической повестки позволяет рассматривать данный процесс как индикатор становления в России института корпоративной гражданственности в демографической сфере, значимым стейкхолдером которого выступает население, заинтересованное в создании социально-экономических условий, обеспечивающих эффективное сочетание профессиональной и родительской сфер жизни.

Одним из инструментов построения контура взаимодействия бизнеса и обще-

¹ «Совмещение карьеры и семьи — успех демографической и кадровой политики России. URL: <https://xn--80aarpemcchfmo7a3c9ehj.xn--p1ai/upload/semya/%D0%94%D0%BE%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%B4%20%D0%A1%D0%B5%D0%BC%D1%8C%D1%8F%202024.pdf> (дата обращения: 20.03.2026).

Группа 1 Финансовые <i>бизнес осуществляет дополнительные к государственным выплаты</i> тип отношений: компенсаторное соучастие • единовременные выплаты при рождении ребёнка и при усыновлении • выплаты от организации при заключении официального брака • регулярные выплаты семьям с детьми до трёх лет и многодетным семьям • доплата к началу учебного года • доплата до среднего заработка в отпуске по уходу за ребёнком • материальная помощь сотрудницам и жёнам сотрудников в период беременности • жилищные программы и помощь в приобретении жилья • ипотечное субсидирование при рождении детей	Группа 2 Сервисные <i>бизнес оказывает услуги, идентичные формальным государственным</i> тип отношений: функциональное замещение • корпоративные детские сады и оплата мест в ДОУ, школах, колледжах, вузах • оплата развивающих занятий, репетиторов, кружков • организация доставки детей в сад, школу и на занятия • оплата детского отдыха в санаториях и оздоровительных лагерях • медицинское обслуживание сотрудника и членов семьи (включая ведение беременности и роды) • санаторно-курортное лечение сотрудников и членов семьи • услуги психолога сотруднику и членам его семьи • спортивные занятия и досуговые мероприятия для семей сотрудников • новогодние праздники и подарки для детей сотрудников • программы поддержки ЭКО и репродуктивного здоровья • корпоративная няня / услуги бэбиситтинга	Группа 3 Организационные <i>бизнес превышает нормы трудового и социального законодательства</i> тип отношений: нормативное лидерство • право выбора времени отпуска родителями (сверх норм ТК РФ) • удалённый и гибридный режим работы для сотрудников с детьми • неполный рабочий день до достижения ребёнком 14 лет с сохранением заработной платы • дополнительные оплачиваемые отпуска работникам с детьми • выходные дни по семейным событиям, выходной 1 сентября • детские комнаты и игровые уголки в офисах • программы плавного возвращения из отпуска по уходу за ребёнком • скидки членам семьи на продукцию и услуги организации	Группа 4 Информационные <i>бизнес интегрируется в продвижение семейноцентричной повестки</i> тип отношений: институциональная интеграция • консультирование сотрудников о доступных мерах государственной и корпоративной поддержки семьи • школы родителей и вебинары по детско-родительским отношениям • карьерный коучинг для возвращающихся из отпуска по уходу за ребёнком • демографическая отчётность (второй этап участия в ЭКГ-рейтинговании)
---	---	--	--

Ил. 1. Меры корпоративной демографической политики, реализуемые на российских предприятиях

ства в демографическом поле является корпоративная семейноориентированная политика, под которой понимается система мер, направленных на поддержку потребностей работников организации, выполняющих помимо профессионально-трудовых ещё и семейные функции, в том числе родительские [3]. На ил. 1 представлена одна из попыток классификации корпоративных мер поддержки семей сотрудников, реализуемых российскими компаниями, по их характеру – финансо-

вые, сервисные, организационные, информационные.

Несмотря на активное развитие практик корпоративной демографической политики, теоретико-методологические основания включения бизнеса в решение государственных демографических задач остаются недостаточно разработанными. В научной литературе отсутствует целостное понимание того, каким образом эволюция концепций социальной ответственности бизнеса соотносится с современ-

ными теориями публичного управления и на каких теоретических основаниях может быть легитимизировано включение корпоративного сектора в реализацию демографической политики государства. С одной стороны, в рамках классических теорий корпоративной социальной ответственности сформировались различные взгляды на роль бизнеса в решении общественных задач — от позиции корпоративного эгоизма до концепций корпоративного альтруизма и разумного эгоизма. С другой стороны, современные теории публичного управления — концепции нового государственного менеджмента (New Public Management), Good Governance, концепция политических сетей (Policy Networks) и сетевого управления (Network Governance) — предлагают свои подходы к организации взаимодействия государства, бизнеса и общества в решении социально значимых проблем. Однако вопрос о том, каким образом эти два теоретических дискурса могут быть интегрированы применительно к демографической сфере, остаётся открытым.

В России сегодня сложилась ситуация, когда распространение практик, а также процессы институционализации корпоративной демографии опережают их теоретическое осмысление. Это создаёт риски фрагментарности и несистемности корпоративных инициатив, а также затрудняет выработку эффективных механизмов государственной поддержки и стимулирования социально ответственного поведения бизнеса в демографической сфере. Основой для теоретического поиска могут стать теории публичного управления, которые подчёркивают необходимость перехода от иерархической модели государственного регулирования к сетевым формам взаимодействия, основанным на доверии, коммуникации и взаимной ответственности различных акторов. В этой логике включение бизнеса в решение демографических задач должно рассматриваться не как простое делегирование функций, а как формирование

качественно новой модели партнёрства, в которой государство сохраняет стратегическую координирующую роль, бизнес выступает активным участником реализации политики, а общество является значимым стейкхолдером, формирующим запрос на конкретные меры поддержки.

Таким образом, цель нашего исследования состоит в теоретико-методологическом обосновании включения института бизнеса в решение государственных демографических задач через призму эволюции феномена корпоративной гражданственности и современных теорий публичного управления.

Теоретические основания: эволюция участия бизнеса в решении задач общества

Для понимания современных подходов к включению бизнеса в решение государственных демографических задач необходимо проследить эволюцию представлений о социальной роли корпоративного сектора. В теоретическом дискурсе сложились три классические концепции, отражающие различные взгляды на социальную ответственность бизнеса [4, 5].

Теория корпоративного эгоизма, наиболее ярко представленная в работах М. Фридмана, исходит из посылки, что единственная социальная ответственность бизнеса состоит в максимизации прибыли в интересах акционеров в рамках установленных правил игры. Согласно данному подходу, менеджеры компаний выступают агентами владельцев бизнеса и должны действовать исключительно в их интересах. Любая деятельность, не направленная на увеличение прибыли, рассматривается как нарушение обязательств перед акционерами. При этом предполагается, что максимизация прибыли в условиях конкурентного рынка автоматически приводит к общественному благу через механизм «невидимой руки рынка».

Теория корпоративного альтруизма представляет противоположный полюс

и основывается на идее о том, что бизнес несёт ответственность перед обществом, выходящую за рамки экономических функций. Данный подход предполагает три концентрических круга социальной ответственности: во-первых, выполнение основных экономических функций по производству товаров и услуг; во-вторых, осуществление этих функций с учётом изменяющихся социальных ценностей; в-третьих, добровольное участие в социальных программах, направленных на улучшение благосостояния общества. Критики данного подхода указывают на его нормативный характер и отсутствие чётких критериев определения границ социальной ответственности.

Теория разумного эгоизма стремится синтезировать два предыдущих подхода, рассматривая социальную ответственность как форму долгосрочной самозащиты корпорации. Согласно этой позиции, компании должны учитывать долгосрочные последствия своей деятельности и инвестировать в решение социальных проблем, поскольку это создаёт благоприятную среду для ведения бизнеса, укрепляет репутацию и, в конечном счёте, способствует устойчивому развитию. В рамках данного подхода социальная ответственность рассматривается не как альтруизм, а как стратегическое условие долгосрочного успеха компании.

Представленные теоретические подходы имеют существенное ограничение: они рассматривают корпоративную социальную ответственность преимущественно в дихотомии «бизнес — общество», не уделяя достаточного внимания роли государства как ключевого актора, формирующего институциональную среду и координирующего усилия различных секторов в решении общественно значимых задач. Это ограничение преодолевается активно развивающимся в научной литературе дискурсом корпоративной гражданственности (corporate citizenship), который включает в число стейкхолдеров государственные учреждения различных

уровней и подчёркивает глобальный характер социально-экономической ответственности корпораций [6–8].

Важно отметить, что переход от концепции корпоративной социальной ответственности к концепции корпоративной гражданственности отражает более широкую трансформацию представлений о роли бизнеса в обществе. Если классические теории фокусировались на вопросе «Какую ответственность несёт бизнес?», то современная концепция корпоративной гражданственности акцентирует внимание на вопросе «Как бизнес может активно участвовать в формировании общественного блага наряду с государством и гражданским обществом?»

Эта трансформация особенно значима для демографической сферы, где решение задач по наращиванию человеческого капитала требует координации усилий различных акторов и не может быть эффективно реализовано исключительно государственными или рыночными механизмами. Корпоративная гражданственность в демографической сфере предполагает не просто благотворительность или выполнение законодательных требований, а активное участие бизнеса в формировании условий для совмещения профессиональной и родительской ролей, создание семейноориентированной корпоративной культуры и содействие достижению национальных демографических целей.

Методы

Наукометрический анализ тематики корпоративной гражданственности проводился на основании международной базы научного цитирования Web of Science (SSCI). Для анализа связанности ключевых слов в публикациях мы использовали наукометрический инструмент VOSviewer, позволяющий проводить кластеризацию и сетевой анализ библиометрической информации. Этот метод довольно часто применяется в науке (см., например, [9, 10]). Алгоритм кластеризации в VOSviewer формирует группы автоматически, исхо-

дя из частоты совместного употребления терминов, и не учитывает их содержательный контекст.

Результаты

Результаты анализа структурного поля представленных в научной литературе исследований феномена корпоративной гражданственности, полученные с использованием инструмента VosViewer, отражены на ил. 2.

Иллюстрация 2, построенная по 270 публикациям с упоминанием термина «корпоративная гражданственность» в названии, аннотации, перечне ключевых слов — это карта совстречаемости имеющихся в них терминов. На ней определяются 7 кластеров со следующими основными словами:

- Кластер 1 — Диалог, этика, легитимность, мотивация, стейкхолдер, устойчивость, ответственность.

Этот кластер отражает исследования нормативно-коммуникативного ядра феномена корпоративной гражданственности. Корпоративная гражданственность здесь рассматривается через призму этики, диалога со стейкхолдерами, достижения социальной легитимности; всё это может отражать изучение взгляда со стороны общества и партнёров на организацию, реализующую принципы корпоративной гражданственности.

- Кластер 2 — Приверженность организации, доверие к организации, взаимоотношения.

Данный кластер фокусируется на исследованиях с позиции внутренней деятельности предприятия — учёные изучают, как практики гражданственности трансформируются в лояльность сотрудников и качество внутриорганизационных связей.

- Кластер 3 — Показатели бизнеса, эффекты, перспективы.

Это инструментально-результативный кластер, объединяющий исследования корпоративной гражданственности не как философии или этики, а как фактора, влияющего на измеримые бизнес-показатели

и долгосрочные экономические перспективы компании.

- Кластер 4 — Культура, оценка, влияние, глобализация.

Данный кластер показывает, что корпоративная гражданственность в исследованиях вписывается в более широкий контекст и связывается с изменениями в сфере культуры, процессами глобализации и методами оценки их влияния на общество.

- Кластер 5 — Корпоративное управление, корпоративная социальная ответственность, корпоративная устойчивость, модерирование.

Кластер объединяет исследования управленческих аспектов корпоративной гражданственности, в рамках которых она может рассматриваться как фактор корпоративной устойчивости и эффективно-го корпоративного управления.

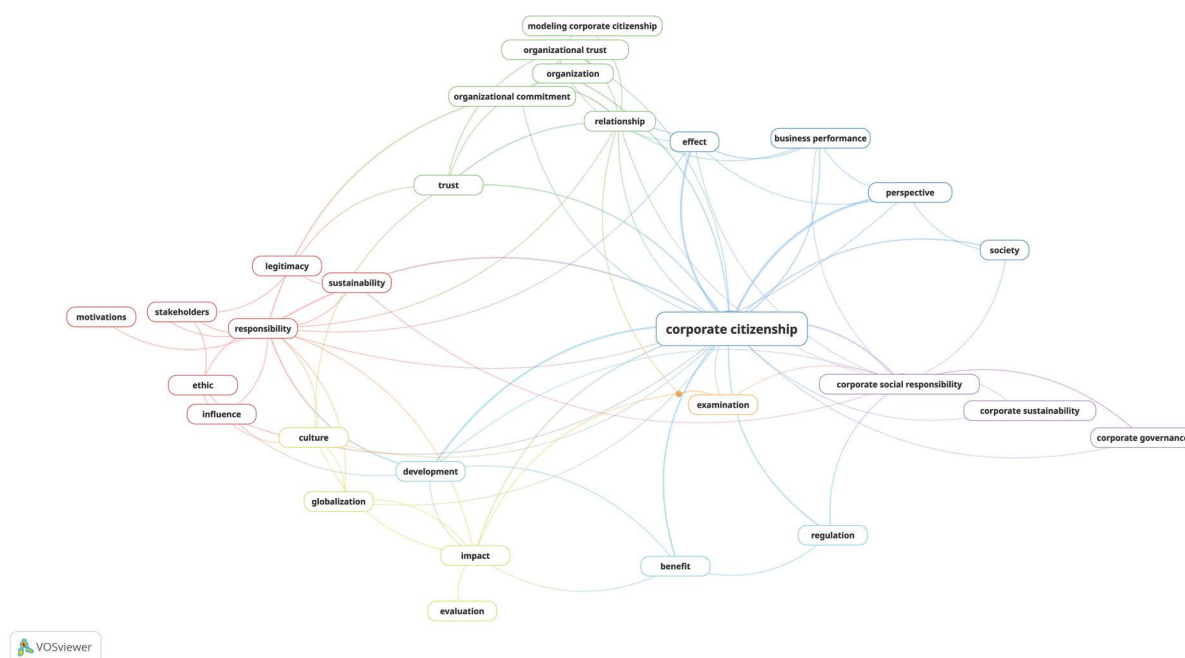
- Кластер 6 — Выгода, развитие, регулирование.

В рамках этого кластера представлены исследования, в которых изучается внешнее влияние на реализацию принципов корпоративной гражданственности, и сама она воспринимается как возможность достижения экономической выгоды и выстраивания стратегии долгосрочного развития.

- Кластер 7 — Оценка эффективности, воспринимаемая корпоративная гражданственность.

Этот кластер выделяет репутационный аспект, который может рассматриваться в качестве мотива реализации принципов корпоративной гражданственности. Он фокусируется не на объективных результатах бизнеса, а на том, как занятая предприятием позиция воспринимается внешней средой и как это влияет на репутацию компании.

Отметим, что выделенные кластеры отражают статистические связи между терминами и показывают, что исследования корпоративной гражданственности структурируются вокруг нескольких пересекающихся тематических направлений — от теоретико-концептуальных дис-

Ил. 2. Кластеры терминов в публикациях, выделенных по ключевому слову «Корпоративная гражданственность»: анализ с помощью VOSviewer

куссий до прикладных вопросов результативности и эффективности этой позиции для бизнеса, управления и устойчивости на рынке.

Эволюция исследований корпоративной гражданственности, прослеживаемая через динамику ключевых слов в VOSviewer, демонстрирует движение от теоретически-концептуального осмысления концепции к её эмпирическому измерению и оценке эффектов (ил. 3).

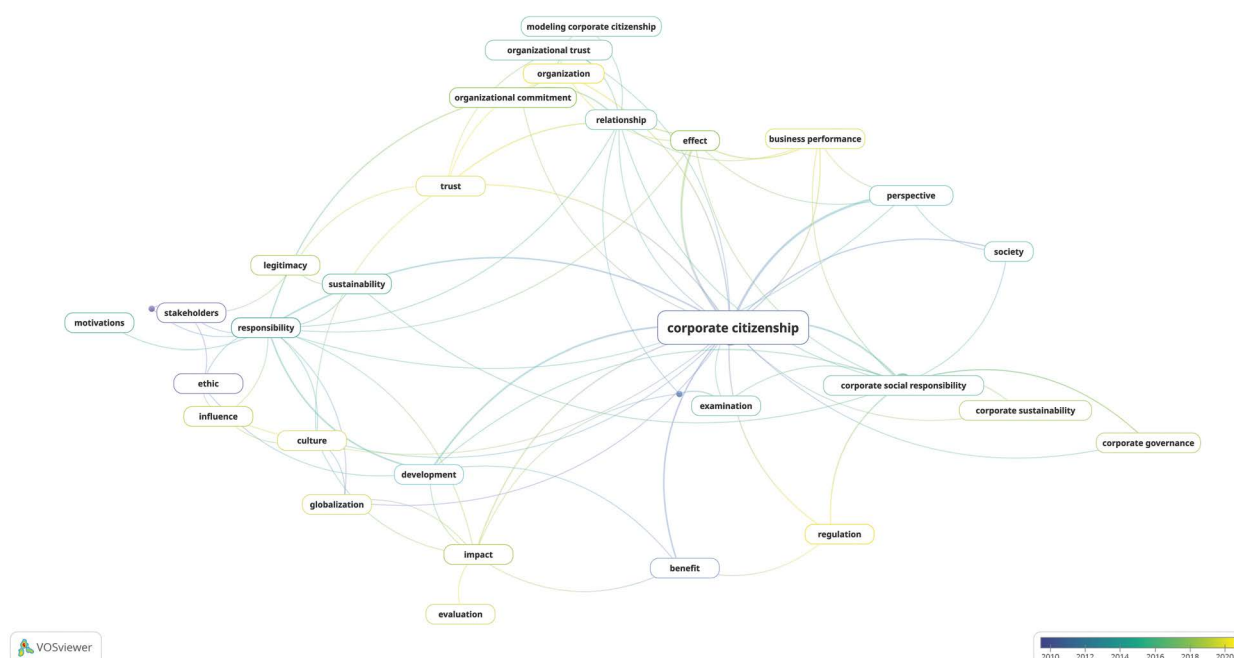
На этапе становления концепции (начиная с 2010 г.) исследования фокусировались на идентификации заинтересованных сторон, этическом обосновании добровольной социальной активности бизнеса и описании потенциальных выгод (как для общества, так и для компании). Идея корпоративной гражданственности рассматривалась скорее как стратегическая перспектива. Начиная с 2014 г. наступил этап перехода к эмпирическому измерению влияния позиции корпоративной гражданственности на деятельность компании, измерению эффектов и прироста результатов. Далее научный интерес стал включать внешние механизмы корпоративной граж-

данственности и рассматривать вопросы регулирования и распространения этого феномена, его влияния на укрепление доверия как нематериальный актив организации. Всё это указывает на то, что исследования стали констатировать переход от корпоративной гражданственности как добровольной инициативы к её встраиванию в институциональную среду.

Обсуждение результатов

Выявленные тематические кластеры отражают многомерность феномена корпоративной гражданственности и различные перспективы его исследования. Вместе с тем можно выделить несколько ключевых содержательных линий, которые имеют особое значение для понимания роли бизнеса в решении демографических задач [7, 11–12].

Во-первых, корпоративная гражданственность, в отличие от корпоративной социальной ответственности, смещает акцент с социальной плоскости в плоскость социально-политических отношений. Бизнес рассматривается не просто как субъект, несущий определённую социальную

Ил. 3. Эволюция исследований корпоративной гражданственности: анализ с помощью VOSviewer

ответственность, но как полноправный член общественно-политического сообщества, который наряду с государством и гражданским обществом участвует в формировании ценностей и институтов устойчивого развития.

Во-вторых, концепция корпоративной гражданственности предполагает более активную позицию бизнеса по сравнению с классическими представлениями о социальной ответственности. Если социальная ответственность зачастую ассоциируется с реактивным поведением (минимизация негативных эффектов, соблюдение норм, благотворительность), то корпоративная гражданственность предполагает проактивное участие в решении социальных проблем и совместное с государством и гражданским обществом формулирование повестки устойчивого развития.

В-третьих, корпоративная гражданственность предполагает системное взаимодействие предприятий не только с потребителями и местными сообществами, но и со структурами государства и гражданского общества. Это подразумевает формирование институциональных ме-

ханизмов партнёрства всех трёх секторов — коммерческого, государственного и некоммерческого — для решения социально значимых задач.

Применительно к демографической сфере это означает, что корпоративная гражданственность не ограничивается предоставлением семейных льгот и выплат отдельным работникам, но включает участие бизнеса в формировании семейноцентричной среды на уровне местных сообществ, содействие развитию инфраструктуры поддержки семей (детские сады, образовательные учреждения, медицинские центры), а также взаимодействие с органами власти в разработке и реализации региональной демографической политики.

Важно подчеркнуть, что корпоративная гражданственность в демографической сфере не подменяет государственную демографическую политику, а дополняет и усиливает её эффективность. Корпоративная гражданственность в демографической сфере может рассматриваться как взаимодействие и взаимообмен ключевых акторов: государство играет ведущую роль в формировании стратегических

целей демографического развития, развитии законодательной базы, обеспечении макроэкономических условий для включения института бизнеса в поддержку демографической повестки; корпоративный сектор использует практики корпоративной демографической политики для достижения стратегических целей по наращиванию человеческого капитала, создаёт конкретные условия для совмещения профессиональной и родительской ролей работников, формирует корпоративную культуру, поддерживающую семейные ценности; общество выступает бенефициаром государственного и корпоративного уровней политики и выражает запрос на стабильность будущего [13].

Ряд теорий и концепций публичного управления — такие, например, как концепция нового государственного менеджмента (New Public Management), концепции Good Governance и сетевого управления [14, 15] — дают основу для легитимности включения института бизнеса в решение государственных задач, в том числе демографических, через характерные для публичного управления подходы к уровню обратных связей и исполнению управленческих решений. Эти процессы определяются акцентированием внимания на ключевых аспектах, таких как: 1) идентификация групп интересов (общественные фонды, профсоюзы, этнические, молодёжные и иные организации с чётко выраженными интересами, парламентские лобби и т.д.); 2) установление прямых отношений с гражданами (через налогообложение, законотворческую и правоприменительную практики, разработку и реализацию социальных программ); 3) формирование взаимодействия с коммерческими предприятиями (их правовое регулирование, государственно-частное партнёрство и прочее).

Как отмечают К. Хенф и Л. О'Тул, «современное управление характеризуется системами принятия решений, в которых территориальные и функциональные дифференциации преобразуют эффективную организацию разрешения проблем в на-

бор субсистемных акторов со специальными задачами и ограниченной компетенцией и ресурсами» [16]. В сфере публичного управления эту особенность выражает включение в процесс принятия решений внешних — общественных и частных — акторов, а значит, и развитие общественной коммуникации, дискурса, договора. Исследователи отмечают, что данная модель управления эффективнее рыночной и иерархической и лучше обеспечивает потребности населения.

Отличительной особенностью управления в парадигме Good Governance является основание для принятия решений, связанное со стремлением к достижению общего блага в сочетании со стратегической оценкой, и ориентированность наряду с эффективностью на морально-этические критерии. Такой контекст построения доверительных отношений между государством и гражданским обществом имеет особый потенциал для выстраивания государственной демографической политики, цели которой направлены, в том числе, на достижение общественного блага — наращивание человеческого капитала.

Включение бизнеса в решение общественно значимых задач через призму теорий публичного управления позволяет концептуализировать следующую модель сетевого взаимодействия в демографической сфере.

Во-первых, государство выступает как стратегический координатор, который формирует целевые ориентиры демографического развития, создаёт институциональную среду и стимулы для участия бизнеса в реализации демографической повестки. Государство выполняет функции разработки демографической стратегии, законодательного регулирования, мониторинга и оценки результатов, но при этом уходит от директивной модели управления к модели создания условий и стимулов для добровольного участия бизнеса.

Во-вторых, бизнес выступает как активный участник реализации демографической политики, который на уровне

конкретных организаций создаёт условия для совмещения профессиональной и родительской ролей, развивает практики корпоративной демографической политики и вносит вклад в формирование семейноцентричной корпоративной культуры. Мотивация бизнеса обусловлена не только стремлением соответствовать ожиданиям государства и общества, но и собственными стратегическими интересами, такими как привлечение и удержание квалифицированных кадров, повышение лояльности персонала, укрепление репутации, получение преференций от государства.

В-третьих, общество (граждане) выступает как значимый стейкхолдер, который формирует запрос на конкретные меры поддержки семей, оценивает эффективность реализуемых практик и выступает бенефициаром корпоративной демографической политики. Важно подчеркнуть, что в рамках концепции корпоративной гражданственности общество рассматривается не как пассивный получатель благ, а как активный участник формирования семейноориентированной повестки, который через различные механизмы обратной связи влияет на политику компаний.

Заключение

Проведённое исследование позволяет сформулировать следующие выводы.

Во-первых, анализ эволюции теоретических представлений о роли бизнеса в решении общественных задач показывает переход от классических концепций корпоративного эгоизма, альтруизма и разумного эгоизма к современной концепции корпоративной гражданственности. Ключевое отличие корпоративной гражданственности состоит в признании бизнеса полноправным членом общественно-политического сообщества и включении государства в число значимых стейкхолдеров. Это создаёт концептуальные основания для рассмотрения участия бизнеса в реализации демографической политики не как филантропии или выполнения законодательных требований,

а как формы активной гражданской позиции, направленной на достижение общественно значимых целей.

Во-вторых, библиометрический анализ международных публикаций позволил реконструировать структурное поле исследований корпоративной гражданственности и выявить семь основных тематических кластеров: нормативно-коммуникативное ядро, внутриорганизационные эффекты, бизнес-результаты, экономические стимулы, управленческие аспекты, репутационные эффекты, глобальный контекст. Выявленная структура отражает многомерность феномена и переход от теоретико-концептуального осмысления к эмпирическому измерению эффектов и институционализации корпоративной гражданственности в системе публичной политики.

В-третьих, обосновано, что современные теории публичного управления формируют теоретические основания для определения легитимности включения бизнеса в решение государственных демографических задач. Ключевыми принципами выступают переход от иерархической модели к сетевым формам взаимодействия, построение доверительных отношений между государством, бизнесом и обществом, а также ориентация на достижение общественного блага при сохранении ведущей роли государства в формировании стратегической рамки демографической политики.

В-четвёртых, предложена концептуальная модель взаимодействия государства, бизнеса и общества в рамках корпоративной гражданственности в демографической сфере. Согласно данной модели, государство выступает как стратегический координатор, формирующий целевые ориентиры и институциональную среду; бизнес — как активный участник, реализующий практики корпоративной демографической политики на микроуровне; общество — как значимый стейкхолдер, формирующий запрос на меры поддержки и выступающий бенефициаром политики. Ключевым механизмом эффектив-

ности модели является доверие, обеспечиваемое прозрачностью, измеримостью результатов и соответствием практик декларируемым ценностям.

Корпоративная гражданственность в демографической сфере для российских реалий может быть идентифицирована как форма социально ответственного поведения бизнеса, при которой организации выступают активными участниками публичной демографической политики, добровольно включая национальные задачи по повышению качества и продолжительности жизни, поддержке родительства и детства, развитию человеческого капитала в собственную стратегию устойчивого развития. Такая гражданственность проявляется в партнёрстве с органами власти и институтами гражданского общества, опирается на принципы саморегулирова-

ния, социальной солидарности и долгосрочной ответственности за будущее общества.

Полученные результаты имеют как теоретическую, так и практическую значимость. С теоретической точки зрения исследование вносит вклад в развитие концепции корпоративной гражданственности применительно к демографической сфере и обосновывает применимость теорий публичного управления для анализа взаимодействия государства и бизнеса в решении демографических задач. С практической точки зрения предложенная концептуальная модель может служить основой для разработки механизмов государственной поддержки и стимулирования корпоративной демографической политики, а также для формирования систем оценки и мониторинга корпоративной гражданственности в демографической сфере.

ЛИТЕРАТУРА

1. Багирова А.П., Вавилова А.С., Бледнова Н.Д. Корпоративная демографическая политика как инструмент реализации стратегических интересов государства, бизнеса и персонала // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2024. Т. 17. № 3. С. 137–153. DOI: 10.15838/esc.2024.3.93.8.
2. Шубат О.М., Багирова А.П., Янь Д. Корпоративная политика, ориентированная на семьи работников: потенциал внедрения в российских регионах // Экономика региона. 2022. Т. 18. № 4. С. 1121–1134. DOI: 10.17059/ekon.reg.2022-4-11.
3. Багирова А.П., Вавилова А.С. Корпоративная демографическая политика: оценки и возможности // Human Progress. 2021. Т. 7. Вып. 2. DOI: 10.34709/IM.172.
4. Грекова Г.И., Кузьмин А.В. Корпоративное гражданство: концептуализация понятия и этапы формирования // Вестник института экономики и управления НовГУ. 2012. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/korporativnoe-grazhdanstvo-kontseptualizatsiya-ponyatiya-ietapy-formirovaniya/viewer> (дата обращения: 26.03.2026).
5. Веблен Т. Теория праздного класса / Пер. с англ. М.: Прогресс, 1984.
6. Кроль М. Корпоративное гражданство. URL: <http://cw.ru/analytics/2/view/5/#ftn1> (дата обращения: 26.03.2026).
7. Перегудов С.П., Семененко И.С. Корпоративное гражданство: концепции, мировая практика и российские реалии. М.: Прогресс-Традиция, 2008.
8. Grit K. Corporate citizenship: How to strengthen the social responsibility of managers // Journal of Business Ethics. 2004. Vol. 53. № 1/2. Pp. 97–106.
9. Тарасова А.Н. Трансформация академического предпринимательства в условиях цифровизации // Вестник Поволжского государственного технологического университета. Серия: Экономика и управление. 2025. № 3 (65). С. 79–89. DOI: 10.25686/2306-2800.2025.3.79. EDN: FWZZKM.
10. Rwezimula G., Guoxing Zh., Nyabakora W.I. Mapping the Knowledge Base on Visual Reality Technology and the Manufacturing Industry // Научная визуализация. 2025. Vol. 17. № 1. Pp. 1–19. DOI: 10.26583/sv.17.1.01.

11. Maignan I., Ferrell O.C. Measuring corporate citizenship in two countries: The case of the United States and France // *Journal of Business Ethics*. 2000. Vol. 23. № 3. Pp. 283–297.
12. Jeurissen R. Institutional conditions of corporate citizenship // *Journal of Business Ethics*. 2004. Vol. 53. № 1/2. Pp. 87–96.
13. Мехова А.А., Воробьева И.Н., Вавилова А.С. Корпоративные демографические практики бизнеса: отношение российских студентов как будущих работников // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2025. Т. 18. № 2. С. 163–179. DOI: 10.15838/esc.2025.2.98.9.
14. Епинина В.С. Генезис концепции публичного управления: фактор качества // *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент*. 2021. Т. 11. № 5. С. 33–42. DOI: 10.21869/2223-1552-2021-11-5-33-42.
15. Купряшин Г.Л. Публичное управление // *Публичная наука*. 2016. № 2. С. 101–131.
16. Börzel T.A., Heard-Lauréote K. Networks in EU Multi-level Governance: Concepts and Contributions. // *Journal of Public Policy*. 2009. Vol. 29 (2). Pp. 135–151. DOI: 10.1017/S0143814X09001044.

Incorporating Business Institutions into the Fulfillment of State Demographic Objectives in the Discourse of Public Administration Theories

Vavilova Asya Sergeevna — Candidate of Economic Sciences, Junior Research Fellow, School of Public Administration and Entrepreneurship, Institute of Economics and Management, Ural Federal University; Associate Professor, Department of Corporate Governance and Finance, Novosibirsk State University of Economics and Management.

E-mail: a.s.vavilova@edu.nsuet.ru

Bagirova Anna Petrovna — Doctor of Economic Sciences, Professor, Department of Sociology and Technologies of State and Municipal Administration, Ural Federal University.

E-mail: a.p.bagirova@urfu.ru

In the context of Russia's transition to a family centered society model, the need for instituAs Russia moves toward a family-centered society model, the need to institutionalize business participation in implementing the state's demographic agenda is growing. The research problem is that, despite the active development of corporate demographic policy practices, the theoretical and methodological foundations for involving business in solving state demographic tasks remain insufficiently developed. The authors attempt to examine the legitimacy of including the corporate sector in tasks related to building human capital through the concept of corporate citizenship and to correlate it with contemporary theories of public administration.

On the basis of a bibliometric analysis of publications from the Web of Science (SSCI) database using the VOSviewer scientometric tool, the structural field of research on the phenomenon of corporate citizenship is reconstructed, along with its evolution from normative and ethical interpretations to empirical models for measuring effects and institutionalizing corporate participation in public policy. Seven thematic research clusters are identified, reflecting the transition from conceptual reflection to the study of management mechanisms, measurement of business outcomes, and analysis of reputational effects of corporate citizenship.

Within the discourse of public administration, it is shown that a number of concepts (for example, New Public Management, Good Governance, and the concept of policy networks) provide grounds for delegating some functions of demographic policy implementation to business while preserving the leading role of the state in forming the strategic framework. The article substantiates that in the demographic sphere, corporate citizenship may be considered as a mechanism of network interaction among the state, business, and society aimed at achieving socially significant goals in the logic of sustainable societal development.

Keywords: demographic policy, public administration, corporate social responsibility, corporate citizenship, human capital, sustainable development

REFERENCES

1. Bagirova A.P., Vavilova A.S., Blednova N.D. Korporativnaya demograficheskaya politika kak instrument realizatsii strategicheskikh interesov gosudarstva, biznesa i personala // Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz. 2024. T. 17. № 3. S. 137–153. DOI: 10.15838/esc.2024.3.93.8 (in Russian).
2. Shubat O.M., Bagirova A.P., Yan' D. Korporativnaya politika, orientirovannaya na sem'i rabotnikov: potentsial vnedreniya v rossiiskikh regionakh // Ekonomika regiona. 2022. T. 18. № 4. S. 1121–1134. DOI: 10.17059/ekon.reg.2022-4-11 (in Russian).
3. Bagirova A.P., Vavilova A.S. Korporativnaya demograficheskaya politika: otsenki i vozmozhnosti // Human Progress. 2021. T. 7. Vyp. 2. DOI: 10.34709/IM.172 (in Russian).
4. Grekova G.I., Kuz'min A.V. Korporativnoe grazhdanstvo: kontseptualizatsiya ponyatiya i etapy formirovaniya // Vestnik instituta ekonomiki i upravleniya NovGU. 2012. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/korporativnoe-grazhdanstvo-kontseptualizatsiya-ponyatiya-i-etapy-formirovaniya/viewer> (data obrashcheniya: 26.03.2026) (in Russian).
5. Veblen T. Teoriya prazdnogo klassa / Per. s angl. M.: Progress, 1984.
6. Krol' M. Korporativnoe grazhdanstvo. URL: <http://cw.ru/analytics/2/view/5/#ftn1> (data obrashcheniya: 26.03.2026) (in Russian).
7. Peregudov S.P., Semenenko I.S. Korporativnoe grazhdanstvo: kontseptsii, mirovaya praktika i rossiiskie realii. M.: Progress-Traditsiya, 2008 (in Russian).
8. Grit K. Corporate citizenship: How to strengthen the social responsibility of managers // Journal of Business Ethics. 2004. Vol. 53. № 1/2. Pp. 97–106.
9. Tarasova A.N. Transformatsiya akademicheskogo predprinimatel'stva v usloviyakh tsifrovizatsii // Vestnik Povolzhskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta. Seriya: Ekonomika i upravlenie. 2025. № 3 (65). S. 79–89. DOI: 10.25686/2306-2800.2025.3.79. EDN: FWZZKM (in Russian).
10. Rwezimula G., Guoxing Zh., Nyabakora W.I. Mapping the Knowledge Base on Visual Reality Technology and the Manufacturing Industry // Nauchnaya vizualizatsiya. 2025. Vol. 17. № 1. Pp. 1–19. DOI: 10.26583/sv.17.1.01.
11. Maignan I., Ferrell O.C. Measuring corporate citizenship in two countries: The case of the United States and France // Journal of Business Ethics. 2000. Vol. 23. № 3. Pp. 283–297.
12. Jeurissen R. Institutional conditions of corporate citizenship // Journal of Business Ethics. 2004. Vol. 53. № 1/2. Pp. 87–96.
13. Mekhova A.A., Vorob'eva I.N., Vavilova A.S. Korporativnye demograficheskie praktiki biznesa: otnoshenie rossiiskikh studentov kak budushchikh rabotnikov // Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz. 2025. T. 18. № 2. S. 163–179. DOI: 10.15838/esc.2025.2.98.9 (in Russian).
14. Epinina V.S. Genezis kontseptsii publichnogo upravleniya: faktor kachestva // Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment. 2021. T. 11. № 5. S. 33–42. DOI: 10.21869/2223-1552-2021-11-5-33-42 (in Russian).
15. Kupryashin G.L. Publichnoe upravlenie // Publichnaya nauka. 2016. № 2. S. 101–131 (in Russian).
16. Börzel T.A., Heard-Lauréote K. Networks in EU Multi-level Governance: Concepts and Contributions. // Journal of Public Policy. 2009. Vol. 29 (2). Pp. 135–151. DOI:10.1017/S0143814X09001044.

НАУЧНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ ПРОЕКТ «АКАДЕМИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ»

С 2026 г. под руководством доктора социологических наук, профессора Т.К. Ростовской в Институте социальной демографии ФНИСЦ РАН при поддержке Научного совета РАН «Демографическое развитие и демографическая политика Российской Федерации» реализуется научно-просветительский проект «Академическая демография». Это цикл открытых лекций академиков РАН по демографическим и смежным вопросам: народосбережению, здоровью населения, поддержке семьи, развитию сельских территорий, региональной политике и человеческому потенциалу.

Замысел проекта существенно шире обычного лекционного цикла. «Академическая демография» формирует под эгидой РАН интеллектуальную площадку, где результаты фундаментальных и прикладных исследований становятся основой профессионального общественного диалога. Проект обращён не только к демографам, но и к исследователям смежных областей, преподавателям, молодым учёным, государственным и муниципальным служащим, представителям регионов России. Он выполняет одновременно просветительскую, экспертную и координационную функции.

Особое значение проекта состоит в повышении демографической грамотности тех, кто участвует в подготовке решений и экспертном сопровождении программ развития. Демография не сводится к статистическому описанию рождаемости, смертности и миграции; она находится на пересечении экономики, медицины, социологии, географии, образования, рынка труда, аграрной политики и культуры семейного поведения. Проект создаёт междисциплинарный академический контур, в котором авторитет ведущих

учёных РАН соединяется с потребностью государства и регионов в научно ответственной экспертизе. В связи с этим планируется систематическое проведение мероприятий, направленных на обмен опытом между учёными и специалистами из регионов Российской Федерации, на выработку практических рекомендаций и публикацию совместных научных материалов, содержащих лучшие практики устойчивого развития села в контексте политики народосбережения. Целью данных мероприятий является формирование адресных предложений в области демографического развития для федеральных и региональных органов власти Российской Федерации.

Первое мероприятие цикла состоялось 6 февраля 2026 г., в канун Дня российской науки. Открытая лекция академика РАН Александра Васильевича Петрикова «Устойчивое развитие российского села в контексте политики народосбережения» стала программным началом проекта: в центре внимания оказались сельские территории, инфраструктура, занятость, доходы и человеческий капитал села как факторы сохранения демографического потенциала страны. Тем самым была обозначена важная рамка: демографическая политика требует комплексного развития территории и среды жизни.

Академик проанализировал актуальные социально-экономические проблемы российского аграрного сектора, отметив такие вызовы, как демографическое старение населения, отток молодёжи в городские центры, недостаточный уровень доходов и неразвитость инфраструктуры (ил. 1).

А.В. Петриков особо подчеркнул необходимость трансформации существующей модели развития села. По мне-

Ил. 1. Академик РАН А.В. Петриков (второй слева) на мероприятии в ИСД ФНИСЦ РАН (6 февраля 2026 г., Москва)

Ил. 2. Академик РАН Л.С. Намазова-Баранова (вторая справа) на мероприятии в ИСД ФНИСЦ РАН (18 марта 2026 г., Москва)

нию академика РАН, следует перейти от экзогенной модели, ориентированной на внешние факторы, к эндогенной, базирующейся на внутренних ресурсах, в частности на развитии человеческого капитала, создании новых рабочих мест. Настоятельной необходимостью является принятие федерального закона «О комплексном развитии села». Доклад академика РАН А.В. Петрикова вызвал оживлённую дискуссию и обмен мнениями участников мероприятия.

В ходе обсуждения было установлено, что для решения комплекса социально-экономических и демографических задач, а также обеспечения плодотворного взаимодействия между исследователями и практиками из субъектов Российской Федерации необходимы углублённые научные исследования.

Ведущие учёные Института социальной демографии ФНИСЦ РАН предложили комплекс мер по предотвращению депопуляции, включая совершенствование аграрной политики, модернизацию инфраструктуры и повышение качества жизни. Также были обозначены основные направления интеграции устойчивого развития села с национальными стратегиями до 2030–2050 гг. для обеспечения продовольственной безопасности и демографической стабильности.

Участники отметили приоритетность создания междисциплинарных рабочих групп для разработки практических ре-

комендаций по интеграции политики народосбережения в региональные программы развития села. Особое внимание уделено необходимости мониторинга демографических индикаторов и оценки эффективности мер по закреплению молодёжи в сельской местности.

В рамках проекта «Академическая демография» 18 марта 2026 г. состоялась открытая лекция Л.С. Намазовой-Барановой, академика РАН, доктора медицинских наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ, Лауреата Премии Правительства РФ в области науки и техники, Президента Союза педиатров России, Главного внештатного детского специалиста по профилактической медицине Минздрава России, члена Научного совета РАН (ил. 2).

В докладе на тему «Педиатрия развития и программирования здоровья ребёнка как ключевое направление народосбережения России» Лейла Сеймуровна особое внимание уделила демографическим тенденциям среди детского населения на глобальном уровне: снижению рождаемости, росту хронических заболеваний в детском возрасте, сокращению доли детей в общей численности населения и увеличению нагрузки от неинфекционных заболеваний в раннем детстве. Л.С. Намазова-Баранова представила данные о факторах риска, определяющих траектории жизни от пренатального периода до подросткового возраста с ак-

центом на их долгосрочные последствия для демографического здоровья страны. А это напрямую влияет на демографическую безопасность России, в том числе через концепцию «окна программирования» первых 1000 дней жизни ребёнка. По итогам лекции академика РАН в ходе оживлённой дискуссии особое внимание было уделено также практическим стратегиям профилактики, включающим скрининговые программы по борьбе с избыточным весом и ожирением (в условиях детской эпидемии), аллергическими заболеваниями (на основе ранней десенсибилизации) и аутоиммунными патологиями (через модуляцию микробиома и иммунотерапию).

27 мая 2026 г. в рамках научного проекта «Академическая демография» с открытой лекцией выступил академик РАН Виктор Павлович Колосов, научный руководитель Дальневосточного научного центра физиологии и патологии дыхания (ил. 3).

В докладе «Профилактика болезней органов дыхания как ключевой фактор здоровьесбережения Дальнего Востока» был дан развёрнутый анализ демографической ситуации в этом регионе, показана роль болезней органов дыхания в формировании уровня здоровья населения и развитии неблагоприятных демографических тенденций. Обоснована необходимость перехода от универсальных профилактических подходов к технологиям персонализированной медицины, учитывающим молекулярно-генетические механизмы повреждающего воздействия геофизических факторов климата, в том числе температуры и влажности, на респираторную систему. Опираясь на фундаментальные исследования, выполненные в Дальневосточном научном центре физиологии и патологии дыхания, В.П. Колосов представил разработанные в ДНЦ ФПД технологии персонализированной профилактики, диагностики и лечения болезней органов дыхания. Было отмечено, что данные исследования проводились

Ил. 3. Академик РАН В.П. Колосов (первый слева) на мероприятии в ИСД ФНИСЦ РАН (27 мая 2026 г., Москва)

в том числе в рамках международной коллаборации с учёными Китайской Народной Республики.

Доклад В.П. Колосова вызвал значительный интерес научного сообщества и стал предметом содержательной дискуссии. В обсуждении приняли участие члены Научного совета РАН, ведущие учёные Института социальной демографии ФНИСЦ РАН, представители других подразделений ФНИСЦ РАН, а также академических и научно образовательных организаций федеральных округов.

В ходе дискуссии было подчёркнуто, что укрепление респираторного здоровья населения, расширение программ вакцинопрофилактики и снижение бремени хронических болезней органов дыхания являются важнейшими условиями достижения целей национальной стратегии народосбережения и обеспечения демографической устойчивости Российской Федерации.

Таким образом, «Академическая демография» — не просто серия лекций, а научно-общественная инициатива РАН, направленная на формирование культуры ответственного разговора о народосбережении, на повышение качества демографической экспертизы и консолидацию научных, образовательных и управленческих усилий в поиске действенных, социально обоснованных и регионально чувствительных решений демографических проблем России.

Вестник Российского фонда фундаментальных исследований

Гуманитарные и общественные науки

2026, № 2 (125)

Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинский пр-т, д. 32а
Тел.: +7 (499) 941-01-15 (доб. 3121)
E-mail: rovir@rcsi.science
<https://rcsi.science>

Подписано в печать 28.06.2026. Формат 60×90 ¹/₈.
Усл. печ. л. 21. Печать офсетная. Бумага мелованная.
Тираж 300 экз. Заказ № 383091/2

Отпечатано в типографии ООО «Вива-Стар».
107023, г. Москва, ул. Электrozаводская, д. 20, стр. 3